

Единицами коллективного бессознательного, его стержнями являются архетипы. Они представляют собой отдельную коллективную психологическую установку, включающую в себя ценности, мотивы или идеи, это - модели или схемы, носящие абстрактный характер, но приобретающие конкретность в той или иной культуре либо субкультуре. Все они формируются у каждого человека и наряду с сознанием и индивидуальным бессознательным определяют его поведение. В этой связи одна из проблем заключается в том, чтобы объяснить, каким образом его бессознательное и его единицы - архетипы воспринимаются, усваиваются личностью. Совершенно очевидно, что это происходит путем воспитания, обучения, освоения социального опыта и культуры, причем стихийно и спонтанно. Человек не рождается с какими-то архетипами или их сочетанием в психике, он рождается со способностью их воспринять, они усваиваются им в процессе социализации, обретая в каждом индивидуализированные черты. Они, следовательно, проявляются и в индивидуальных установках и ценностных ориентациях, влечениях и представлениях.

Архетипы являют себя в виде отдельных архетипических образов, но и сами являются образами, но гораздо более широкого плана. Иногда они даже включают в себя ряд разновидностей. Так, архетип героя может быть представлен защитником Родины, защитником бедных, рыцарем и т.д.; архетип матери - матерью-землей, Родины матери, богини-заступницы, женщины-разрушительницы и т.д.

Человек, социальная группа или общество имеют дело с архетипами, и с

архетипическими образами, между которыми нельзя ставить знак равенства, хотя в каждом случае следует иметь в виду их содержание и масштабы, у архетипа всегда более обширные.

Любой архетип имеет собственное содержание, причем достаточно конкретное, что и позволяет отличать один архетип от другого. Это не исключает схожести и даже частичного совпадения разных образов, например учителя и пророка, мессии и пророка, перво-человека и героя. Вопреки мнению Юнга, архетип сам по себе не пуст и не формален, хотя это и «преформирующая способность», данная a priori.

Архетип открывается сознанию через архетипические образы. Вначале познаются они, а затем та общая основа, именуемая архетипом, которая является их источником и выражает определенную человеческую потребность. Личность вначале наблюдает отдельные архетипы (героя, великой матери, учителя и т.д.), а затем делает вывод, что каждый из них выражает нечто более общее. Таким путем происходит презентация архетипа в сознании. Однако это не означает, что архетип не является образом: он является продуктом виртуального творчества и виртуален по своей природе, существуя лишь в идеальном. Как и то, что обычно именуется виртуальным образом, он обладает определенными компонентами, чертами и особенностями.

Итак, на первом этапе человечество творит архетипические образы, то есть образы отдельных виртуальных персонажей, многие из них с самого начала являются полностью сверхъестественными. Другие прежде были обычными «живыми» людьми, но затем мифоло-

гизированы и переведены в ранг архетипических виртуальных персонажей, например отца, учителя, мессии или героя. Архетип и архетипический образ - это социально-психологические феномены, возникающие в результате общения людей между собой, попыток познания и осмысления мира и самого себя, поиска защиты от угроз, исходящих не только от среды, но и от самого себя. Архетип, как образ, возникает в качестве продукта предметно-практической, мыслительной и сенсорно-перцептивной деятельности как отражение действительности; в это отражение вплетены такие витальные категории, как смыслы, движущие силы, движение, пространство, ценности.

Не любой образ является архетипическим, а только тот, который обладает определенными свойствами: повторяемостью, даже вечностью, важностью, даже исключительностью, общностью, даже всеобщностью для разных культур и эпох, емкостью, наполняемостью наиболее важными идеями, ценностями и смыслами.

Архетипы не даны человеку кем-то, их нет вне психической жизни людей, которые постоянно «работают» с архетипами-образами и архетипическими образами. Очень важное отличие первых от вторых заключается в том, что архетипы вечны, что не исключает внесения в них корректив, иногда весьма существенных и обусловленных изменениями в жизни людей, умножением или, наоборот, сокращением их возможностей. Архетипический же образ вполне «смертен», он может быть заменен другим: место Аякса, например, в наше время успешно заменил бравый кинематографический герой, неуязви-

мый ни для каких врагов. Сформировавшись, заняв свое место в психологической жизни людей, архетипы и архетипические образы начинают автономное существование, активно воздействуя на общество и социальные группы, проявляясь в отдельных индивидах. Они существуют не только в таких коллективных творениях, как мифы, легенды, сказки, но и в сновидениях и галлюцинациях, их сознательно или бессознательно творят писатели, художники, композиторы, музыканты (достаточно вспомнить князя Мышкина Достоевского, этот персонаж является литературным архетипическим образом мессии); основные театральные и кинематографические амплуа практически полностью являются архетипическими.

Архетипические образы непосредственно создаются воображением, которое является функцией интеллекта. Воображение представляется тем механизмом, который реализует потребности личности, поэтому воображение не выступает в качестве зеркала - таковым скорее можно назвать сами архетипы.

Относительно наследования архетипов следует говорить только о социальном, а не о биологическом пути. Человек не может быть полностью уподоблен в этом плане птице или другим животным, у которых биологически запрограммированы определенные виды поведения, но при этом ни в коем случае не должна отрицаться выдающаяся роль коллективного бессознательного в формировании личности, ее поступков и образа жизни в целом. То, что существует средовое и личностное коллективное бессознательное, а сле-

довательно, и связь между ними, неизменно приводит к выводу о социальных каналах зарождения и развития последнего.

Архетипов множество, и среди них можно выделить ведущие. В их числе - великая мать. В этом качестве она не просто переплетается с общими представлениями о матери и не формируется только на этой основе. Скорее в этих представлениях, в соответствующих образах, в материнской символике, в ощущениях исключительной значимости такой фигуры и ее невидимой власти над человеком, в великом множестве его отношений с окружающим миром и с самим собой проявляет себя указанный архетип. Он неизменно активен в связях личности с природой, землей, нацией, классом, семьей, с конкретными женщинами, любимыми и ненавидимыми, но способен вызвать и психические расстройства, жизненные крушения или делать счастливыми, он является в сновидениях и галлюцинациях, принимая самые разные облики, но все время возвращаясь.

Бессмертие великой матери обеспечивается не только той женщиной, которая родила, кормила и воспитала, но всеми контактами человека с природой и обществом, а главное, тем, что он всегда и бессознательно наследует данный архетип и в его отношениях с миром обязательно присутствует материнское.

Юнг отмечал, что множество вариантов архетипа матери дает мифология: мать, которая является в образе девушки в мифе о Деметре и Коре; или же мать, которая одновременно является и возлюбленной, как в мифе о Кибеле и Атисе. Другие символы матери в пере-

носном смысле присутствуют в вещах, выражающих цель нашего страстного стремления к спасению: рай, царство божие, небесный Иерусалим. Вещи, вызывающие у нас набожность или чувство благоговения, такие как церковь, университет, город, страна, небо, земля, леса и моря (или какие-нибудь другие воды), преисподняя и луна или просто какой-то предмет - все они могут быть материнскими символами. Этот архетип часто ассоциируется с местами или вещами, которые символизируют плодородие и изобилие: рог изобилия, вспаханное поле, сады.¹

Вот почему великую мать нужно рассматривать в самых разных ракурсах, точнее - в ее многообразных проявлениях - от родной матери до матери-природы и матери-богини. Все эти ипостаси взаимодействуют друг с другом и совершенно необходимы для жизни. Взаимодействие выражается в том, что, например, отношение к родной матери переносится к Матери-богине и наоборот. Бессознательно, разумеется.

Символом архетипа великой матери у египтян считалась пещера. У них женская полость была и местом рождения и местом смерти. Район некрополей Никополя назывался «Отверстие пещеры».

Представление о великой матери может быть сверхглобальным, как исток не только всего мира и природы, но даже родительнице богов. Так, индийская Майя (Парашакти) считалась матерью божественной троицы - Брахмы, Вишну и Шивы. В кельтской (ирландской) мифологии богиня Дану - прародительница богов. Архетип великой матери запечатлен не только в грандиозных масштабах, но и в гораздо более

узких. Например, архетип богини реки выступает как образ природного плодородия и цивилизации, неиссякаемого потока знаний, речи, мудрости.

Безусловность и непоколебимость в первую очередь отличают родительскую, особенно материнскую, любовь от какой-либо другой. Истинная мать не задумывается над тем, за что она любит и принимает своего ребенка. Если же актуальнейшая потребность ребенка в материнской любви не удовлетворяется или если роль матери не берет на себя кто-то другой, если, наконец, не будет затем осуществлено, если это нужно, специальное компенсирующее воздействие (что, кстати, бывает чрезвычайно редко), то более чем вероятно последующая жизненная катастрофа данного индивида. Такого человека, как показывают криминологические эмпирические исследования, обычно отличает повышенная тревожность, доходящая до страха смерти. Этот страх, т.е. постоянное бессознательное ожидание того, что может быть уничтоженным в любой момент, как правило, не определен, иначе говоря, его носитель не понимает и не может объяснить, откуда или от кого исходит угроза и, соответственно, откуда и от кого следует ожидать нападения.

Все это существенно укрепляет субъективное ощущение ненадежности и хрупкости своего бытия и приобретает характер достоверности. Начало же страха смерти лежит в неощущении материнской любви и заботы в тот далекий, наиболее чувствительный, ранимый и восприимчивый период жизни.

Чтобы отразить опасности, действительные или мнимые, человек может прибегнуть к агрессии как способу за-

щиты в форме совершения насильственных или корыстных преступлений.

Жизненная катастрофа людей с подобным трагическим детством состоит в том, что они все время чувствуют себя отчужденными, пришедшими в этот мир не только нагими, но и никому не нужными. Это ощущение тлеет в них, как угольки под золой, и как будто ждет удобного случая, чтобы вдруг ярко разгореться. Чтобы обезопасить себя, отчужденная и постоянно испытывающая страхи личность не только психологически стремится вновь в материнскую утробу. Иногда она бурно протестует, прибегая даже к насилию, что можно расценить, как ответ на отвержение матерью в детстве и как продолжающуюся тоску по ее защите. В равной мере человек нуждается в защите матери на более абстрактных, но не менее значимых уровнях - природы-матери, класса-матери, богини-матери, политической партии-матери и т.д., причем она часто выступает еще в роли заступницы для верующих.

В целом именно от матери зависит самое главное мироощущение человека - почувствовать себя принятым или отвергнутым, желанным или нежеланным, нужным или обременительным. Отсюда и отношение к другим людям, к обществу, его ценностям и нормам, к жизни и смерти, отсюда, конечно, и само поведение, которое бывает и преступным.

Вот почему подавляющее большинство людей проявляют исключительную преданность матери-земле, эта преданность может быть даже чрезмерной. В таком случае человек, фанатично привязанный к ней, может стать убийцей и террористом, чтобы защитить ее

от действительных или мнимых врагов. Значит глубинные истоки современного этнорелигиозного терроризма следует искать в названной чрезмерной привязанности к архетипу великой матери. В целом такой терроризм носит архетипический характер и может быть объяснен в том числе в рамках архетипической психологии. Многие кровавые конфликты и войны начинались из-за споров по поводу принадлежности той или иной земли (страны, анклава, области). Причем очень часто стороны не в состоянии логично объяснить, почему им так нужна эта земля. Очень часто она им необходима потому, что там находятся их храмы и кладбища.

Одним из аспектов архетипа великой матери является злая, жестокая, коварная, смертельно опасная женщина. Ее в частности олицетворяет индийская богиня Кали, которую всегда изображают с черепами, орудиями убийства и другими атрибутами смерти. Такая архетипическая фигура всегда наводила страх и представляла собой свидетельство признания двойственной и противоречивой женской природы. Поэтому в средние века в Европе женщин часто считали ведьмами и сжигали на кострах. Но во все времена, и сейчас тоже, женщину как зло воспринимают многие сексуальные неудачники, которые в силу своих физиологических, психологических или иных недостатков не умеют или не могут вступать в нормальные сексуальные отношения с представительницами противоположного пола.

Женщины для них выступают в качестве носителя зла и причин их страданий, поскольку они не желают признавать себя «виновными» в этих не-

удачах, перекалывают вину на женщин. Поэтому можно утверждать, что серийные сексуальные убийства, совершенные с особой жестокостью, надругательства над женскими гениталиями имеют ярко выраженные архетипические характеристики.

Архетип великой матери постоянно принимает обличье политической партии, тайного общества (тайной организации), ордена и т.д. Членство в них особенно ценно для психологически отчужденной личности, которая только в них черпает себе силу и уверенность. Подобно Антею, такие личности обретают мощь, только касаясь животворящей земли, т.е. принадлежа единственной, великой, могучей, избранной партии, ордену и так далее. Поэтому если партия прикажет, ее верный сын или столь же преданная ей дочь могут совершить преступление. Они в великом множестве и совершали их именем Коммунистической партии и ради нее, точнее - ради принадлежности к ней. Таким образом, и здесь вполне убедительны архетипические объяснения.

В странах с неустойчивой экономикой и острыми социальными проблемами, низким уровнем материального обеспечения граждан, а тем более в тоталитарных обществах особенно «популярен» архетип чужого (врага). Это один из самых древних архетипов, он появился на заре человечества, когда первобытные люди в каждом незнакомце, а тем более чужеземце, видели врага. От него исходила неизвестность, от него следовало ожидать всяких бед и опасностей, он мог убить, наслать злых духов, опасные болезни и т.д. Поэтому даже послы других владык пропускать между костров, чтобы огонь

уничтожил вредоносных духов, которых тот нес в себе.

В определенных условиях, о которых сказано выше, этот опаснейший чужой начинает заявлять о себе во весь голос. Гитлеровская Германия и большевистский СССР были окружены плотной стеной страшных и неумолимых врагов, которых, естественно, следовало уничтожать. Вообще очень просто и эффективно называть других причинами своих промахов и неудач, своей лени и безынициативности, своей необразованности и бестолковости. Поэтому если кто-то в чем-то нуждается, но не может удовлетворить свои потребности, то виноваты представители известной нации или религии, которые захватили все богатства в свои руки; если нет работы, то, разумеется, по той причине, что ее дают только приезжим; если проигрывается сражение, то не потому, что бездарны военачальники и армия плохо вооружена, а из-за шпионов и предателей и т.д.

Таким образом, мы видим, что корни ксенофобии, убийств и иной жестокой агрессии на почве этнорелигиозной вражды или ненависти носят архетипический характер.

Весьма трагично, если политическую партию (движение) возглавляет лидер, фанатически одержимый «великой идеей» спасения человечества или своей нации (религии). Если партия достаточно велика и материально обеспечена, хорошо организована, имеет прочный идеологический фундамент и пользуется поддержкой народа, соответствующая его менталитету, если ее возглавляет харизматическая, тираническая личность и партия захватывает власть в государстве, страна превра-

щается в тоталитарный заповедник. Лидер партии и государства в глазах населения постепенно теряет черты живого человека, мифологизируется и превращается в архетипический образ великого отца, чье слово является высшей мудростью и законом, а воля и желание не имеет границ. Только он знает, что нужно народу и ему он указывает единственно верный путь.

При этом не очень существенно, принадлежит ли тоталитарный вождь к фанатически заряженным личностям как Ленин или Гитлер, либо он холоден и расчетлив как Сталин: все они некрофильные люди, способные уничтожить миллионы ради своих целей.

Среди преступников достаточно распространен архетип героя. Его можно выделить, например, среди молодых людей, в том числе подростков, желающих своими преступными действиями продемонстрировать силу, храбрость, ловкость. Очень часто именно для того, чтобы выглядеть героем, а не из-за корыстных соображений, они совершают кражи, грабежи, разбои и другие имущественные преступления. Именно героем в собственных глазах хотел стать Раскольников в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», хотя это ему не удалось не в последнюю очередь потому, что он слишком примитивно понимал статус и содержание «героя».

В качестве архетипической фигуры героя часто предстают лидеры преступного мира - «воры в законе», «смотрящие» и т.д. Подобные персонажи не только могут возглавлять преступные группы, готовить и направлять совершение конкретных преступлений, они еще являются и главными храни-

телями и попечителями обычаев преступного мира. Они иногда пытаются появляться в отличии защитников слабых и бедных, но это им редко удается. В местах лишения свободы они ведут себя как герои, нередко и выигрывают ими. Но справедливости ради следует сказать, что многие «воры в законе» и т.д. - это карнавальные, показушные герои, если иметь в виду реальные материальные выгоды от преступной активности. Те, которые по этой причине действительно имеют большие материальные выгоды, обычно находятся в тени, скрытно руководя преступной организацией, нередко по при этом занимая высокое административное положение.

Здесь высказаны соображения архетипического характера относительно криминальных явлений (уголовно-

наказуемого поведения) у преступников. Естественно, вполне архетипическими могут быть и так сказать обычные поступки, и обычные люди. Иными словами, все или почти все виды поведения (деятельности) и люди, их реализующие, в той или иной мере, полностью или частично могут быть названы архетипическими, либо какими могут быть лишь отдельные поступки. Те или иные люди, обладающие определенными биологическими и психологическими особенностями, в силу воспитания и своего социального положения склонны к некоему виду (типу) поведения, который никогда не бывает совершенно новым, а всегда повторяет что-то из того, что уже было. То же относится и к типам личности.

¹ См.: Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев - М., 1997. С. 217-218.

Уровень субъективного контроля осужденных, больных наркоманией

А.Я. Гришко

Задачи, стоящие перед психологической службой лечебных исправительных учреждений, в которых отбывают наказания осужденные, больные наркоманией, к которым применено обязательное лечение, обуславливают необходимость разработки и применения новых методов исследования указанной категории лиц. Эти методы должны быть направлены, прежде всего, на описание их отношений к разнообразным аспектам социальной жизни личности.

Одной из важнейших социально-психологических характеристик личности является степень активности человека в достижении своих целей, мера

независимости и самостоятельности его поведения, уровень развития чувства личной ответственности за происходящее с ним. Эта обобщенная характеристика системы отношений оказывает регулирующее влияние на многие аспекты поведения человека. Она играет важную роль в формировании межличностных отношений в способе разрешения кризисных ситуаций, в отношении болезни и мероприятий, проводимых с ними.

Актуальность этой проблематики обусловила необходимость разработки экспериментально-психологической методики, которая позволяет сравнительно быстро и эффективно оценить

сформированный уровень субъективного контроля (УСК) личности над разнообразными жизненными ситуациями и пригодна для применения, в том числе и в отношении осужденных, больных наркоманией.

Данная методика разработана лабораторией клинико-психологического института им. В.М. Бехтерева и утверждена Управлением по внедрению новых лекарственных средств и медицинской техники Минздрава СССР 29 февраля 1984 г. № 21-59/ПС 81-3/ПП.

УСК является серией специально отобранных вопросов, ответы на которые свидетельствуют об определенных особенностях личности испытуемого. Содержание этих вопросов в данном случае связано с тем, в какой степени человек ощущает себя активным субъектом собственной деятельности, «хозяином своей судьбы», а в какой - пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств.

Показатели опросника УСК организованы в соответствии с принципом иерархической структуры системы регуляции деятельности таким образом, что включают в себя обобщенный показатель индивидуального УСК, инвариантный к частным ситуациям деятельности, два показателя среднего уровня общности, дифференцированные по эмоциональному знаку этих ситуаций, и ряд ситуационно-специфичных показателей.

1. Шкала общей интернальности Ио. Высокий показатель по этой шкале соответствует высокому уровню субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Такие люди считают, что большинство важных событий в их

жизни было результатом их собственных действий, что они могут ими управлять, и, следовательно, чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. Низкий показатель по шкале Ио соответствует низкому уровню субъективного контроля. Такие испытуемые не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями их жизни, не считают себя способными контролировать их развитие и полагают, что большинство их является результатом случая или действий других людей.

2. Шкала интернальности в области достижений Ид. Высокие показатели по этой шкале соответствуют высокому уровню субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Такие люди считают, что они добились сами всего хорошего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом преследовать свои цели и в будущем. Низкие показатели по шкале Ид свидетельствуют о том, что человек приписывает свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам - везению, счастливой судьбе или помощи других людей.

3. Шкала интернальности в области неудач Ин. Высокие показатели по этой шкале говорят о развитом чувстве субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в склонности обвинять самого себя в разнообразных неудачах, неприятностях и страданиях. Низкие показатели Ин свидетельствуют о том, что испытуемый склонен приписывать ответственность за подобные события другим людям или считать их результатом невезения.

4. Шкала интернальности в семейных отношениях Ис. Высокие показатели Ис означают, что человек считает себя ответственным за события его семейной жизни. Низкий Ис указывает на то, что субъект считает не себя, а своих партнеров причиной значимых ситуаций, возникающих в его семье.

5. Шкала интернальности в производственных отношениях Ип. Высокий Ип свидетельствует о том, что человек считает свои действия важным фактором в организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении и т. д. Низкий Ип указывает на то, что испытуемый склонен приписывать более важное значение внешним обстоятельствам - руководству, товарищам по работе, везению-невезению.

6. Шкала интернальности в области межличностных отношений Им. Высокий показатель Им свидетельствует о том, что человек считает себя в силах контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию и т.д. Низкий Им, напротив, указывает на то, что он не считает себя способным активно формировать свой круг общения и склонен считать свои отношения результатом действия своих партнеров.

7. Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни Из. Высокие показатели Из свидетельствуют о том, что испытуемый считает свой образ жизни во многом ответственным за свое здоровье; если он болен, то склонен обвинять в этом самого себя и считать, что выздоровление во многом зависит от его действий. Человек с низким Из считает здоровье и болезнь ре-

зультатом случая и надеется на то, что выздоровление придет в результате действия других людей, прежде всего врачей.

Все шкалы опросника имеют распределения, близкие к нормальному.

Применение опросника УСК возможно при решении широкого круга социально-психологических проблем осужденных, отбывающих наказание.

Психологические особенности осужденных наркоманов изучены автором статьи в соответствии с указанной методикой.

Результаты исследования показали, что на первом этапе отбывания наказания - в период до 2-месячного пребывания в лечебном исправительном учреждении, у испытуемого отмечаются: 1) достаточный уровень субъективного контроля над значимыми ситуациями; 2) склонность представлять большинство важных жизненных событий как результат собственных действий; 3) субъективное ощущение ответственности за то, как складывается его жизнь; 4) повышение уровня субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями; 5) склонность рассматривать свои успехи и достижения как следствие собственных способностей добиваться поставленных целей; 6) ощущение по отношению к внутреннему контролю по отношению к отрицательным событиям, склонность к самообвинению при неудачах и неприятностях, способность нести субъективную ответственность в случаях неблагоприятного развития событий; 7) тенденция рассматривать свои действия как важное обстоятельство в организации собственной профессиональной деятельности, карьере,

4. Шкала интернальности в семейных отношениях Ис. Высокие показатели Ис означают, что человек считает себя ответственным за события его семейной жизни. Низкий Ис указывает на то, что субъект считает не себя, а своих партнеров причиной значимых ситуаций, возникающих в его семье.

5. Шкала интернальности в производственных отношениях Ип. Высокий Ип свидетельствует о том, что человек считает свои действия важным фактором в организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении и т. д. Низкий Ип указывает на то, что испытуемый склонен приписывать более важное значение внешним обстоятельствам - руководству, товарищам по работе, везению-невезению.

6. Шкала интернальности в области межличностных отношений Им. Высокий показатель Им свидетельствует о том, что человек считает себя в силах контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию и т.д. Низкий Им, напротив, указывает на то, что он не считает себя способным активно формировать свой круг общения и склонен считать свои отношения результатом действия своих партнеров.

7. Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни Из. Высокие показатели Из свидетельствуют о том, что испытуемый считает свой образ жизни во многом ответственным за свое здоровье; если он болен, то склонен обвинять в этом самого себя и считать, что выздоровление во многом зависит от его действий. Человек с низким Из считает здоровье и болезнь ре-

зультатом случая и надеется на то, что выздоровление придет в результате действия других людей, прежде всего врачей.

Все шкалы опросника имеют распределения, близкие к нормальному.

Применение опросника УСК возможно при решении широкого круга социально-психологических проблем осужденных, отбывающих наказание.

Психологические особенности осужденных наркоманов изучены автором статьи в соответствии с указанной методикой.

Результаты исследования показали, что на первом этапе отбывания наказания - в период до 2-месячного пребывания в лечебном исправительном учреждении, у испытуемого отмечаются: 1) достаточный уровень субъективного контроля над значимыми ситуациями; 2) склонность представлять большинство важных жизненных событий как результат собственных действий; 3) субъективное ощущение ответственности за то, как складывается его жизнь; 4) повышение уровня субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями; 5) склонность рассматривать свои успехи и достижения как следствие собственных способностей добиваться поставленных целей; 6) ощущение по отношению к внутреннему контролю по отношению к отрицательным событиям, склонность к самообвинению при неудачах и неприятностях, способность нести субъективную ответственность в случаях неблагоприятного развития событий; 7) тенденция рассматривать свои действия как важное обстоятельство в организации собственной профессиональной деятельности, карьере,

характере отношений с сослуживцами; 8) стремление считать, что особенности межличностных отношений в значительной мере определяются собственными личными качествами, ощущение своей достаточной способности вызывать симпатии и уважение; 9) стремление приписывать ответственность за значимые ситуации, возникающие в семье, своим близким; 10) тенденция считать свое здоровье или болезнь следствием стечения обстоятельств, склонность полагаться на других людей (например, врачей) в случаях серьезных осложнений в состоянии здоровья.

На втором этапе - свыше двух месяцев до одного года отбывания наказания, у испытуемого отмечаются: 1) определенное снижение общего уровня субъективного контроля над значимыми ситуациями; 2) стремление представлять большинство важных событий как результат случайного стечения обстоятельств или действий других людей; 3) недостаточное понимание связи между своими поступками и тем, как складывается жизнь; 4) снижение уровня субъективной ответственности за происходящее и недостаточность ощущения внутреннего контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, повышение уровня субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями; 5) склонность приписывать ответственность за неудачи другим людям или внешним обстоятельствам, склонность рассматривать свои успехи и достижения как следствие собственных способностей добиваться поставленных целей; 6) тенденция считать свое здоровье или болезнь следствием стечения обстоятельств, склонность

полагаться на других людей (например, врачей) в случаях серьезных осложнений в состоянии здоровья; 7) склонность приписывать ответственность за неудачи другим людям или внешним обстоятельствам, рассматривать свои успехи и достижения как следствие собственных способностей добиваться поставленных целей; 8) стремление считать, что особенности межличностных отношений в значительной мере определяются собственными личными качествами, ощущение своей достаточной способности вызвать симпатии и уважение; 9) стремление приписывать ответственность за значимые ситуации, возникающие в семье, своим близким.

На третьем этапе отбывания наказания—в течение более одного года, у испытуемого отмечаются: 1) определенное снижение общего уровня субъективного контроля над значимыми жизненными ситуациями; 2) стремление представлять большинство важных событий как результат случайного стечения обстоятельств или действий других людей; 3) недостаточное понимание связей между своими поступками и тем, как складывается жизнь; 4) снижение уровня (субъективной ответственности за происходящее и недостаточность ощущения внутреннего контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, повышение уровня субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями; 5) склонность приписывать ответственность за неудачи другим людям или внешним обстоятельствам, склонность рассматривать свои успехи и достижения как следствие собственных способностей добиваться поставленных целей; 6) стрем-

ление считать, что особенности межличностных отношений в значительной мере определяются собственными личными качествами, ощущение своей достаточной способности вызвать симпатию и уважение; 7) стремление приписывать ответственность за значимые ситуации, возникающие в семье, своим близким; 8) тенденция считать свое здоровье или болезнь следствием стечения обстоятельств, склонность полагаться на других людей (например, врачей) в случаях серьезных осложнений в состоянии здоровья.

Сравнительный анализ уровня субъективного контроля (УСК) на всех трех этапах применения к осужденным, больным наркоманией, обязательного лечения показывает, что он в определенной степени отличается только на первом этапе. УСК на втором и третьем этапах пребывания осужденных в ЛИУ практически друг от друга не отличаются. УСК в период нахождения в исправительной колонии больных в первые два месяца отличается от УСК осужденных, находящихся в указанных учреждениях более двух месяцев.

Если первые характеризуются: а) достаточным уровнем субъективного контроля над значимыми ситуациями; б) склонностью представлять большинство важных ситуационных событий как результат собственных действий; в) субъективным ощущением ответственности за то, как складывается его жизнь; г) повышением уровня субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями, то вторые: а) определенным снижением общего уровня субъективного контроля над значимыми жизненными ситуациями; б) стремлением представ-

лять большинство важных событий как результат случайного стечения обстоятельств или действий других людей; в) недостаточным пониманием связей между своими поступками и тем, как складывается жизнь; г) снижением уровня субъективной ответственности за происходящее.

В целом на первом этапе осужденные, больные наркоманией, характеризуются гораздо лучше. По мнению автора, это можно объяснить тем, что на последующих этапах неизбежно снижается внимание со стороны врачей, психологов, начальников отрядов, что отражается на качестве поддерживаемой терапии, неправильным регулированием трудовой нагрузки, что вызывает протестную реакцию, дискомфорт, озлобленность указанных осужденных.

Автором по приведенной выше методике был изучен усредненный уровень субъективного контроля наркоманов, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Он показал, что для уровня субъективного контроля осужденных наркоманов характерно: 1) достаточный уровень субъективного контроля над значимыми ситуациями; 2) склонность представлять большинство важных жизненных событий как результат собственных действий; 3) субъективное ощущение ответственности за то, как складывается его жизнь; 4) повышение уровня субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями; 5) склонность рассматривать свои успехи и достижения как следствие собственных способностей добиваться поставленных целей; 6) вместе с тем отмечается недостаточность ощущения внутреннего контроля

отношения к отрицательным событиям и ситуациям, склонность приписывать ответственность за неудачи другим людям и внешним обстоятельствам; 7) тенденция рассматривать свои действия как важное обстоятельство в организации собственной профессиональной деятельности, карьере, характере; 8) стремление считать, что особенности межличностных отношений в значительной мере определяются собственными личными качествами, ощущение своей достаточной способности вызвать симпатии и уважение; 9) тенденция возлагать ответственность за свое здоровье на собственный образ жизни, склонность считать болезнью следствием своих неправильных действий и стремление полагаться в обес-

печении своего здоровья прежде всего на себя; 10) стремление приписывать ответственность за значимые ситуации, возникающие в семье, своим близким.

Нет необходимости доказывать, что при прочих равных условиях исправительно-психологическое воздействие оказывается тем успешнее, чем выше контроль, ощущаемый осужденным, больным наркоманией, над своей жизненной ситуацией: «вера в выздоровление, чувство необходимости в собственных целенаправленных действиях, направленных на излечение, и т.д.». Результаты изучения УСК осужденных наркоманов позволяют с известной долей оптимизма смотреть на возможности их медицинской и социальной реабилитации при адекватном ее проведении.

Психология просоциального соучастования осужденных в местах лишения свободы

В.М. Поздняков

Намерение выступить по данной теме возникло после знакомства с опубликованной в Интернете стенограммой публичной лекции крупнейшего современного криминолога, члена Академии наук Норвегии и Швеции Нильса Кристи. В рамках лекции по широко сформулированной теме «Современное преступление» и проведенной затем дискуссии Кристи убедительно показал актуальность дальнейшего реформирования пенитенциарных систем в направлении социальной открытости и максимального сокращения страданий людей, находящихся в местах заключения. По его мнению, чтобы постоянно «не воссоздавать общество через тюрьму», крайне важно персоналу пе-

нитенциарных учреждений «видеть в каждом отбывающем наказание человека» и изменять среду мест лишения свободы так, чтобы «бывшие заключенные не выходили в общество озлобленными и выносили асоциальные привычки в мирную жизнь».

Ознакомление со стенограммой недавнего выступления, так и личное общение с Нильсом Кристи в предыдущие годы позволяют утверждать, что мэтром криминологии отстаиваются и пенитенциарные идеи, активно развивавшиеся в России в конце XIX века. Однако Кристи при формулировании позиции по реформированию современной пенитенциарной системы ссылается лишь на взгляды гениального писа-

теля Ф.М. Достоевского, имевшего личный опыт нахождения в местах лишения свободы. В то же время проведенное нами монографическое исследование позволяет констатировать, что у Достоевского позиция по приоритетам в реформе пенитенциарных учреждений не только сложилась на основе личного опыта, но и отражала ориентацию ученых и передовых людей Российской империи, считавших, что и здесь надо создавать «общество с коллективистскими способами поддержания устойчивости индивидов»¹.

Так, еще до Пенитенциарной реформы 1879 года ряд наших соотечественников (причем как пенологов, так и представителей других областей знания и культуры) убедительно доказывали, что для перевоспитания оступившего человека необходимо использовать просоциальные возможности общностей, в которые он включен. В частности, известный журналист Н.М. Ядринцев, отбывший 12-летнее наказание в остроге и опубликовавший в 1872 году фундаментальный труд «Русская община в тюрьме и ссылке», писал: «В отношении сообщества лиц, находящихся в местах лишения свободы, следует вести речь прежде всего как о тюремной общине, где складывается коллективная жизнь». По его наблюдениям, хотя в условиях изоляции общение и деятельность могут приобретать уродливые формы, соответствующие существующим в тюрьме нравам и обычаям, но если действующее там самоуправление основывается на идее договора, взаимного блага и доверия, то можно способствовать тому, чтобы инстинкты общежития, взаимных привязанностей и симпатии не пропадали

даже в самых тяжелых тюремных условиях².

Н.М. Ядринцев, раскрывая особенности возникновения и специфику функционирования тюремных, каторжных, поселенческих и бродяжнических общин, приходит к выводу, что существующая в России пенитенциарная практика «терпит затруднения в проведении принципа нравственного воспитания падших людей..., их побуждения к исправлению, т.к. до сего времени все еще основана на чисто механических способах и внешних принуждениях: дисциплина в тюрьмах все еще держится большей частью на угрозах наказания, на не терпящих прекословия приказаниях». В то же время «никто лучше не может покорить личность заключенного, как общество; никто лучше не повлияет на направление его деятельности и общения; никто лучше не перевоспитает его, как общественное мнение». В этой связи, согласно Ядринцеву, требуется «крепко и искренно связать поведение отдельной личности с выгодами самой общины, которая и будет ее обуздывать»³. Найти подход к просоциальному изменению личности, по мнению Н.М. Ядринцева, должна новая наука - пенитенциарная педагогика. Наряду с раскрытием её предмета, узловых принципов, методов и приемов Ядринцев предпринял и попытку обосновать новую систему исправления преступников, которая «должна соединить все лучшие исправительные способы, выработанные европейской практикой, принять к сведению все данные педагогической науки»⁴. Данная система, по его мнению, может быть представлена в следующем порядке и последовательности:

1) предварительное дисциплинирование личности, приучение ее к подчинению и повиновению путем внешнего и механического ограничения ее воли (обыкновенная внешняя дисциплина);

2) развитие самодеятельности, самовоспитания и самомощи при известной доле свободы, т.е. воспитание, соответствующее развитию индивидуальных способностей и сил личности;

3) воспитание социальных и симпатических инстинктов, основанное на рациональном применении общения с условиями взаимных обязательств и взаимных услуг (применение общественного самоуправления и самопомощи, основанное на различных особенностях учреждений).

Проводя в заключительной части своего фундаментального труда критический анализ мировых систем наказания, Н.М. Ядринцев убедительно доказывал: «Опыты русской тюремной общины должны войти в общую сокровищницу мировой науки со своим самобытным принципом, со своим национальным значением», так как они показывают «живительную силу общественной и кооперативной тенденций», базируются на «естественном влечении людей друг к другу, взаимной помощи и поддержке» и «не пропадают ни в какой группе людей, как бы она не была несовершенна, как бы низко не было ее падение»⁵. В тоже время, по мнению Ядринцева, использование на Западе в моделях пенитенциарных учреждений лишь одного из узловых человеческих побуждений - «мотивов личных, направленных к сохранению индивидуума, но без одновременного задействования другого рода узловых

побуждений - мотивов сочувственных, обусловленных влечением к другим, крайне непродуктивно в аспекте исправления преступников»⁶.

Осуществленное подробное цитирование книги Н.М. Ядринцева сделано по ряду причин. Во-первых, именно данным автором перед Пенитенциарной реформой 1879 года комплексно проанализированы недостатки, присутствующие различным пенитенциарным учреждениям царской России второй половины XIX века и обозначена конструктивная модель ее реформирования. Во-вторых, вслед за ним другими публицистами (в особой мере, А.И. Свирским и П.Ф. Якубовичем) и писателями (Ф.М. Достоевским, А.П. Чеховым А.Н. Короленко) обозначена узловая проблематика (прежде всего личностного и социально-психологического плана), которая в последующем станет предметом активной научной проработки и полевого пенитенциарного экспериментирования⁷.

О реальном влиянии Н.М. Ядринцева в дореволюционный период на развитие отечественной юридико-психологической теории, а также исправительной пенитенциарной практики свидетельствует активное использование его идей при разработке юристом Л.И. Петражицким теории «психология права», а также создании криминологом и пенитенциаристом-практиком Д.А. Дрилем превентивной системы работы с несовершеннолетними заключенными⁸.

В XX столетии в развитие идеи «соучаствующего исправления осужденных», сформулированной Ядринцевым, наиболее весомый вклад, на наш взгляд, внесен А.С. Макаренко. Однако

1) предварительное дисциплинирование личности, приучение ее к подчинению и повиновению путем внешнего и механического ограничения ее воли (обыкновенная внешняя дисциплина);

2) развитие самодеятельности, самовоспитания и самопомощи при известной доле свободы, т.е. воспитание, соответствующее развитию индивидуальных способностей и сил личности;

3) воспитание социальных и симпатических инстинктов, основанное на рациональном применении общения с условиями взаимных обязательств и взаимных услуг (применение общественного самоуправления и самопомощи, основанное на различных особенностях учреждений).

Проводя в заключительной части своего фундаментального труда критический анализ мировых систем наказания, Н.М. Ядринцев убедительно доказывал: «Опыты русской тюремной общины должны войти в общую сокровищницу мировой науки со своим самобытным принципом, со своим национальным значением», так как они показывают «живительную силу общественной и кооперативной тенденций», базируются на «естественном влечении людей друг к другу, взаимной помощи и поддержке» и «не пропадают ни в какой группе людей, как бы она не была несовершенна, как бы низко не было ее падение»⁵. В тоже время, по мнению Ядринцева, использование на Западе в моделях пенитенциарных учреждений лишь одного из узловых человеческих побуждений - «мотивов личных, направленных к сохранению индивидуума, но без одновременного задействования другого рода узловых

побуждений - мотивов сочувственных, обусловленных влечением к другим, крайне непродуктивно в аспекте исправления преступников»⁶.

Осуществленное подробное цитирование книги Н.М. Ядринцева сделано по ряду причин. Во-первых, именно данным автором перед Пенитенциарной реформой 1879 года комплексно проанализированы недостатки, присутствующие различным пенитенциарным учреждениям царской России второй половины XIX века и обозначена конструктивная модель ее реформирования. Во-вторых, вслед за ним другими публицистами (в особой мере, А.И. Свирским и П.Ф. Якубовичем) и писателями (Ф.М. Достоевским, А.П. Чеховым А.Н. Короленко) обозначена узловая проблематика (прежде всего личностного и социально-психологического плана), которая в последующем станет предметом активной научной проработки и полевого пенитенциарного экспериментирования⁷.

О реальном влиянии Н.М. Ядринцева в дореволюционный период на развитие отечественной юридико-психологической теории, а также исправительной пенитенциарной практики свидетельствует активное использование его идей при разработке юристом Л.И. Петражицким теории «психология права», а также создании криминологом и пенитенциаристом-практиком Д.А. Дрилем превентивной системы работы с несовершеннолетними заключенными⁸.

В XX столетии в развитие идеи «соучаствующего исправления осужденных», сформулированной Ядринцевым, наиболее весомый вклад, на наш взгляд, внесен А.С. Макаренко. Однако

современные исследователи его научного наследия преимущественно обращают внимание, что Макаренко раскрыты лишь педагогические закономерности создания коллектива и его воспитательного воздействия на личность трудных подростков. На наш взгляд, этим принижается роль Макаренко в научном обосновании и практической реализации целостной системы перевоспитания, в рамках которой реализованы два узловых принципа просоциального соучастования в условиях исполнения наказания: с одной стороны, принцип поэтапного формирования самого коллектива и превращения его в субъект просоциального воздействия, а с другой стороны, гуманистический принцип организации диалектического взаимодействия личности и коллектива, дающий «возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность».

Наиболее адекватную оценку заслуг Макаренко в области пенитенциарной теории и практики, на наш взгляд, дал В.Н. Мясищев - один из лидеров петербургской психологической школы. В частности, в одной из своих статей (1965 г.) он писал: "А.С. Макаренко, справедливо критикуя двухплановую педагогику «парного взаимодействия», выдвинул принцип трёхпланового взаимодействия, где субъектами выступают: педагог, коллектив и отдельный воспитанник... В этом процессе формируются взаимоотношения и отношения человека, становящиеся шире, многостороннее, дифференцированное, сознательнее и перспективнее»⁹. Созданная Макаренко педагогическая технология перевоспитания, действи-

тельно, опередила идеи, сформулированные затем в теории систем и в синергетике, а поэтому ее реализация дала столь значительный эффект¹⁰.

В советский период, когда в учреждениях Вологодской области в 1960-70-е гг. была предпринята попытка опереться в исправлении осужденных на педагогическую систему А.С. Макаренко, был получен ряд позитивных результатов, в том числе и по снижению рецидива. Однако, несмотря на одобрение ведомством вологодского опыта, он не получил значительного распространения. В то же время за рубежом, как свидетельствует проведенное нами компаративное исследование, ориентация на реализацию идеи просоциального соучастования осужденных в местах лишения свободы получила достаточное развитие. В частности, реформирование пенитенциарной практики с внедрением технологии общинной жизнедеятельности и коллективного самоуправления было реализовано через следующие модели: «участие заключенных в делах тюрьмы в соответствии с требованиями «Лиги взаимного благосостояния» (Т.М. Осборн, 1924), «тюремная общность людей» (Х.В. Джил, 1932), «демократизация жизни заведения» (Т. Матисен, 1967), «терапевтическая община» (Э. Штудт, 1968). С 1970-х годов в исправлении заключенных получили одобрение: в США - «реинтеграционная пенитенциарная модель», которая первоначально была апробирована в штатах Калифорния и Мерилэнд; в Европе - создание социально-терапевтических учреждений для несовершеннолетних преступников¹¹.

Приведенные примеры просоциаль-

ной трансформации пенитенциарной практики свидетельствуют, что чем в большей степени при исполнении уголовного наказания созданы условия для проявления со стороны осужденных просоциальной активности и их жизнедеятельность приближена к требованиям нормального человеческого общежития, тем более реальным становится достижение цели уголовного наказания - исправление осужденных. Это обеспечивается, как свидетельствуют результаты исследований, прежде всего за счет организации обращения с осужденными на основе психологических закономерностей партисипативного управления или, если использовать отечественную терминологию, благодаря феномену просоциального соучаствования осужденных в местах лишения свободы¹². Именно в силу того, что суть данного феномена онтологически по «шкале межличностных отношений» относится к типу установок «другой - ценность» (Е.Л. Доценко, 1996) и соответствует «уровню между правовым и нравственным общением» (В.Н. Сагатовский, 1980), он может способствовать возвращению в общество лиц, которые не совершают преступления не из-за страха перед наказанием, а в силу изменившихся жизненных установок и позиций.

Сегодня актуальность реализации в отечественных исправительных учреждениях модели просоциального соучаствования осужденных обусловлена рядом обстоятельств:

во-первых, в соответствии с международными правовыми актами, ратифицированными нашей страной, УИС обязана обеспечить гуманизацию социальной среды и обращения с осуж-

денными;

во-вторых, усложнение криминального состава среди отбывающих наказания требует целенаправленного преодоления давления на осужденных атрибутов криминальной субкультуры и предоставления им возможности проявления просоциальной активности;

в-третьих, внедрение прогрессивной системы отбывания наказания и появление среди персонала исправительных учреждений новых категорий специалистов (психологов, социальных работников) позволяют реально управлять условиями жизнедеятельности осужденных и применять к ним научно обоснованные средства исправительного воздействия.

Просоциальное соучаствование осужденных должно базироваться на **социально-экологическом принципе существования человека** (А. Бос, 1976), ориентирующем на создание в исправительных учреждениях среды с возможностями для реализации основных сущностей человека - тела, души и духа. При этом представляется важным опереться на идеи, развиваемые Рудольфом Штайнером (1920), Виктором Франком (1946) и Фридрихом Глазлом (1980) по проблематике преодоления отчуждения и создания условий по актуализации человеческих потребностей, а именно:

- для развития духа включать человека в культурно-духовную жизнь, где действует императив личной свободы (аутентичности самоопределения и ответственности);

- для развития души - принимать меры к поддержанию в учреждениях чувства человеческого достоинства и по просоциальному саморазвитию

осужденных;

- для нормального функционирования тела - создать условия для поддержания физического здоровья и удовлетворения витальных потребностей.

Учитывая, что для многих осужденных типично отсутствие доверия к социальному миру и к другим людям, а порой и к самому себе как субъекту жизнедеятельности, **создание в отечественных исправительных учреждениях гуманной среды отбывания наказания должно реализовываться через целенаправленное создание условий по просоциальному удовлетворению осужденными базовых потребностей личности.** При этом первостепенное внимание должно быть обращено на изменение характера обращения различных категорий сотрудников с осужденными и, прежде всего, со стороны специалистов, ведущих с ними воспитательную работу. Так, профессионально-ролевая позиция начальника отряда, на наш взгляд, в идеале должна приближаться к позиции, занимаемой «partisипативными менеджерами»¹³, у социальных работников - к позиции "социального адвоката"¹⁴, а у психологов - «пенитенциарного психотерапевта»¹⁵.

Для внедрения технологии «соучастствующего исправления личности осужденного» **требуется научно обосновать и реализовывать комплекс пенитенциарных программ**¹⁶. Их число будет превышать количество установленных в законе основных средств исправления¹⁷, так как необходимо охватить все основные сферы просоциальной активности лиц, лишенных свободы, и задействовать механизм самоуправления в сообществе осужденных.

При реализации исправительных программ акцент должен быть сделан на целенаправленное формирование у лиц, отбывающих наказание, просоциального чувства (по А. Адлеру) и, прежде всего, на основе преодоления отчужденности и за счет повышения уровня личностной доверительности. В этой связи при совершенствовании исправительной практики представляется важным как учесть позитивные моменты технологии «трехчленной педагогики», созданной А.С. Макаренко, так и принять меры к созданию «четырёхчленной по субъектам педтехнологии», задействовав возможности следующих субъектов воздействий: сотрудников учреждений, представителей общественных, конфессиональных организаций и попечительных органов, актива осужденных, а также самих осужденных в осуществлении самосовершенствования.

В качестве методических ориентиров, которые должны быть учтены при разработке исправительных программ, могут выступить следующие:

- *Системный подход* - направленность мер воздействия на одновременный учет и целенаправленное изменение личностных, групповых и организационно-ситуационных характеристик.

- *Психолого-педагогическая обоснованность* - любое воздействие на личность и среду осужденных должно быть с учетом их личностных и социально-психологических характеристик, а также базироваться на психологической компетентности персонала в их осуществлении.

- *Разнообразие применяемых форм* - воздействия реализуются с учетом индивидуальных потребностей и зако-

номерностей развития морально-групповой сплоченности, способствуя в итоге участию в них на уровне единства слова и дела различных категорий осужденных.

- *Эмоциональная привлекательность* - условие включенности и эффективная ответственность мероприятий на эмоциональную сферу личности и групповые переживания.

- *Делегирование доверия* - обеспечение конкретных прав и возможности высказать свою позицию или внести предложения.

- *Профилактика неуспеха в личностной трансформации и групповой динамике.*

- *Соучастующее признание и оценка заслуг* - наличие постоянной обратной связи, дающей возможность характеризовать достигнутое и вносить коррективы.

Проведенное историко-компаративное исследование позволило обосновать **предназначение и требования по научно-методическому обеспечению следующих 7 исправительных программ:** 1) режимно-поведенческие, 2) трудовые, 3) образовательные, 4) профподготовки, 5) психологической помощи, 6) религиозные, 7) досугово-бытовые. Кратко раскроем их суть.

Режимно-поведенческие исправительные программы. Они предназначены для реализации установленного законом и другими нормативными актами порядка отбывания наказания, при котором программно-целевым образом с использованием возможностей «прогрессивной системы исполнения наказания» обеспечивается устранение прежних поведенческих стерео-

типов и осуществляется исправительное дисциплинирование личности конкретных категорий осужденных¹⁸. Для введения данных программ прежде всего требуется обоснованное классифицирование осужденных по конкретным видам мест лишения свободы.

В последние десятилетия в отечественной пенитенциарной практике классификация осужденных традиционно велась на основе или их криминальной опасности, или экспертного определения их степени исправления¹⁹. Международный пенитенциарный опыт свидетельствует, что распределение заключенных может быть реализовано на основе ряда подходов (моделей): 1) в соответствии со «степенью асоциального риска» при отбытии наказания, 2) на основе «принципа юридической справедливости», 3) по психоанамнитическим признакам, предопределяющим индивидуализацию психокоррекционных воздействий²⁰.

В первом случае только учитываются не криминальные и социально-демографические показатели осуждаемого, но и делается прогноз возможных с учетом клинических и личностных характеристик профилактических мер для предотвращения совершения им побега, недисциплинированного поведения или даже совершения преступления при отбытии наказания. Во втором случае используются только определяемые законом составляющие, отражающие прошлую и настоящую характеристику преступника, которые важны для индивидуализации исправления. В третьем случае при распределении опираются преимущественно на результаты и общие выводы психодиагностических обследова-

ний, которые получены в специальных диагностико-распределительных центрах, и осуществляется своеобразный прогноз психологической совместимости лиц для совместного отбывания наказания и участия в исправительном процессе.

Несмотря на специфику, имеющуюся в каждом из приведенных подходов к распределению заключенных, при реализации режимно-поведенческих исправительных программ представляется важным совместить все три подхода, чтобы продуктивно использовать основные функции режима (карательную, воспитывающую и обеспечивающую), а также возможности мер специальной превенции. В итоге лишь под влиянием организованной внешней исправительной среды с «просоциальным психологическим климатом соучастования» возникнут более благоприятные возможности для формирования у отбывающих наказание дисциплинированности, исполнительности, аккуратности и других значимых в социуме личностных качеств и паттернов поведения. Среди методов в режимно-поведенческих программах для исправления могут быть использованы «моделирование» (в том числе по технологии так называемой «жетонной системы»²¹), «дозированные упражнения», «повторение», «убеждение на основе наглядного примера» и др.²².

Трудовые исправительные программы. В советский период труд рассматривался как основа, на которой строится процесс перевоспитания осужденных. При этом осуждение практики «лагерной трудовой перековки» заключенных способствовало в 1960-

80-х годах поиску и нахождению более продуктивных форм трудового использования осужденных, так как отношение их к труду законодательно выступало в качестве основного показателя при определении степени исправления личности. В этой связи и сегодня заслуживают внимания и продолжения в исследованиях имевшие место попытки психологов осуществить анализ и предложить научно обоснованные рекомендации по повышению исправительного влияния труда на позитивную трансформацию личности отбывающих наказания.

Общим направлением усилий психологов являлось подтверждение ведущей идеи советской уголовно-исполнительной политики о необходимости рассмотрения труда осужденных как средства их исправления и перевоспитания, в том числе через вскрытие объективных и субъективных условий его эффективности как совместной деятельности, позитивно влияющей на личность и коллектив, обоснование важности проведения трудовой экспертизы и внедрения научной организации трудового процесса с учетом специфики конкретных видов исправительно-трудовых учреждений. Однако при множестве вышедших публикаций²³, к сожалению, было крайне мало работ экспериментально-психологического характера, а также методолого-теоретического уровня.

Среди экспериментальных работ не потеряли своей актуальности выводы диссертационного исследования А.Н. Пастушени (1987), где доказано, что исправительное влияние труда на личность осужденных наиболее действенно происходит при психологически

обоснованном использовании бригадной формы его организации. При этом эффективность функционирования бригад во многом зависит не только от подбора в них психологически совместимых людей, ее численности, звеновой структуры, используемых форм организации и стимулирования труда, но и от создаваемой групповой направленности и наличия оценочного общения членов бригад по отношению к качеству совместной деятельности и требованиям исправительно-трудового процесса²⁴.

Среди работ методолого-теоретического уровня представляют интерес публикации М.Г. Дебольского (1984, 1986), в которых, во-первых, доказывалась важность разграничения степени влияния на мотивацию труда осужденных объективных и субъективных факторов, а во-вторых, раскрывались причины снижения их производственно-экономической незаинтересованности и возможные пути их устранения. Однако одновременно затронутая учебным проблема влияния специфических объективных условий ИТУ на возникновение в сознании осужденных отчужденного отношения к труду, к сожалению, не получила в последующем развития ни в трудах как данного, так и других пенитенциарных психологов²⁵. А ведь она является, на наш взгляд, для пенитенциарной психологии в этой проблемной области ключевой, так как вносит, в частности, ограничения в применении теории деятельности, разнотраново разработанной в советской психологии. В этой связи видный психолог О.К. Тихомиров подчеркивал: «...отчужденность или неотчужденность самого действующего человека всегда

должны учитываться», но «если посмотреть буквально все публикации по теории деятельности и по проблемам единства психики, сознания и деятельности, вы не найдете там разработок, которые бы обсуждали, какую разную психику формирует труд при строительстве «Беломорканала» или в условиях свободного творчества. Нет этой проблемы. А это значит, что в зоне постановки самих исследовательских задач наука испытывала деформирующее влияние самой жизни»²⁶.

Ведя речь о создании трудовых исправительных программ, представляется важным проанализировать с позиции психологии, во-первых, роль труда как экономического фактора на развитие отечественного института наказания, а во-вторых, взгляды А.С. Макаренко по трудовому воспитанию.

Зарубежные историки психологии считают, что реальной заслугой советской пенитенциарной теории и практики является постоянное внимание к повышению эффективности промышленного труда осужденных в коллективных формах (отрядной, бригадной и др.). Однако в отечественной исправительно-трудовой практике имелся и положительный опыт использования труда в других формах: общественных работ, контрактного труда, в программах «бесконвойных работ» и др. Современные отечественные ученые, ведя речь о перспективах экономического фактора, отмечают, что в будущем в отечественной уголовно-исполнительной системе он уже не будет и не должен играть стратегической, концептуальной роли в формировании государственной пенитенциарной политики²⁷. С приведенным выводом с позиции психологической

науки полностью согласиться нельзя, так как труд в местах лишения свободы должен оставаться не только важнейшим средством предохранения психики осужденного от гнетущих последствий однообразия и «тягостно длящегося времени», но и выступать основой для возвышения «человеческого в человеке».

А.С. Макаренко, разрабатывая на основе результатов исправительной практики теорию трудового воспитания личности правонарушителей, прежде всего раскрыл содержание следующих узловых проблем: 1) воспитательное воздействие в условиях трудовой деятельности; 2) организация трудового коллектива в условиях производства; 3) содержание стимулов трудовой деятельности; 4) дисциплина труда.

Для успешной реализации первой проблемы на обоих заводах, построенных при колонии и коммуне, где работал Макаренко, - на заводе электроинструментов и на заводе фотоаппаратов, были внедрены самые передовые индустриальные технологии²⁸. При вовлечении воспитанников в производительный труд (ежедневно по четыре часа) одновременно были созданы условия, которые позитивно влияли на их личность не только через осознание его социальной престижности, но и понимание личной значимости, в том числе для проявления способностей и творчества.

При реализации второй проблемы Макаренко доказал важность, во-первых, применения в колонии производственного принципа построения коллективов воспитанников (отряд соответствует цеху), а во-вторых, опоры на воспитательные возможности самоор-

ганизации и позитивного соучастования осужденных, занятых совместной деятельностью.

Совершенствование мотивации трудовой деятельности и поддержание трудовой дисциплины Макаренко считал важным добиваться прежде всего через позитивное стимулирование, в том числе через широкое внедрение трудового соревнования, вовлечение в конкурсы профмастерства, в организаторскую деятельность и др. Важность именно такого подхода сам Макаренко подчеркивал в связи с тем, что «наказание очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности...»²⁹.

Реализация в современных социально-экономических условиях России всего богатства идей Макаренко по исправительному влиянию труда на осужденных является весьма затрудненным. Однако их безусловное претворение в жизнь представляется крайне важным в воспитательных колониях, так как там многие из воспитанников впервые сталкиваются с трудом, и он должен давать возможность для познания своих склонностей и позитивного самоутверждения в колонийском коллективе. В колониях же для взрослых, когда сегодня их производство не загружено, в организации труда, вероятно, многое придется переосмыслить и прежде всего в контексте психологических механизмов вовлечения осужденных в индивидуальную трудовую деятельность, а также в реализуемые учреждениями программы предпринимательства, на которую их ориентируют рекомендации ФСИН³⁰. В связи с последним требуются дальнейшие специальные психологические исследования.

Образовательные исправительные программы. Актуальности их разработки и внедрения в исправительные учреждения посвящен целый ряд исследований (В.С. Медведев, 1990; Ю.А. Алферов, Г.П. Байдаков, А.А. Лакеев, А.В. Шамис, 1990), а также защищенная Н.А. Тюгаевой (1998) докторская диссертация по педагогике. Во многом разделяя сформулированные указанными учеными положения, в то же время представляется с позиции психологии важным сформулировать ряд принципиальных на современном этапе пенитенциарной реформы предложений.

В силу психолого-возрастных особенностей и жизненных ценностей отношение осужденных к содержанию и процессу обучения весьма специфично. К началу 1990-х годов исследователи фиксировали наличие у осужденных учащихся таких стремлений и желаний, как избежать конфликт с администрацией (33,0%), после освобождения из ИТУ продолжать образование в техникуме или вузе (18,3%), расширить кругозор (17,0%), в будущем сменить профессию или повысить квалификацию (9,3%), изменить обстановку после освобождения (7,5%), заполнить свое время, чтобы срок не казался таким долгим (5,0%). В связи с появившейся сегодня возможностью включения осужденных в систему непрерывного образования страны (ст. 108 УИК РФ), которая реально позволяет увеличить среди них число заинтересованных в образовательном росте, в том числе на основе обучения в открытых при учреждениях филиалах вузов³¹, представляется важным более целенаправленно влиять на мотивацию лиц, лишенных свободы. Для этого необходимо раз-

работать специальные системы морального и материального стимулирования осужденных (думается, прежде всего из денег благотворительных фондов), имеющих продвинутое личное образовательные планы и демонстрирующих результат повышения общей культуры в повседневном поведении.

Общеобразовательные исправительные программы должны строиться на более индивидуализированной, чем советский период, основе. В этой связи необходимо подходить к вовлечению осужденных в них в зависимости от индивидуального образовательного потенциала. Отдельные программы, представляется, должны существовать для следующих категорий лиц:

1) осужденных с умственной отсталостью, так как для данной категория лиц, имеющих в последние годы тенденцию к росту, требуются при обучении особые педагогические и психокоррекционные технологии³²;

2) осужденных из маргинальных слоев общества, которым в силу жизненных обстоятельств не было возможным систематически посещать школу и в итоге иметь сформированное ценностное отношение к повышению образовательного уровня;

3) осужденные с наличием интеллектуальных и креативных способностей, для которых обучение может способствовать не только удовлетворению познавательных интересов, но и нравственно-духовному обогащению личности.

Образовательные исправительные программы должны, естественно, строиться на основе соответствующих государственных стандартов и на должном качественном уровне, чтобы в жизни на

свободе у отбывших наказания не возникал определенный комплекс неполноценности.

Исправительные программы в процессе профессиональной подготовки. Их предназначение состоит в том, чтобы при формировании у осужденных навыков и умений, необходимых для включения их в производительный труд в местах лишения свободы, вырабатывать общую установку на позитивное отношение и возможность совершенствования в любой профессиональной деятельности, в итоге получая и личное удовлетворение, и признание в социуме.

Придание в современных местах лишения свободы профессиональной подготовке исправительной направленности сталкивается со значительным числом трудностей, которые, проявляясь одновременно, снижают их мотивационную привлекательность. Во-первых, профессии, предлагаемые осужденным для овладения, зачастую не пользуются спросом в гражданском обществе. Во-вторых, осужденные, обучаемые профессии, стажировались на устаревшем или вышедшем из широкого употребления оборудовании, так как средства учреждений не позволяют использовать современные технологии. В-третьих, в силу режимных и производственных приоритетов обучение осужденных ведется лишь по практической стороне профессии без привития личности всего комплекса профессионально-ментальных качеств, позволяющих стремиться к достижению профессионального мастерства.

С учетом современных социально-экономических реалий в стране и их ближайших перспектив снижается оп-

тимизм в эффективном разрешении указанных проблем только силами самих учреждений. Разрабатываемые в них исправительные программы по профессиональной подготовке могут стать более действенными, если будет налажено перспективное сотрудничество со службами занятости регионов, которые развернут в ИУ филиалы своих учебных центров. Оказана помощь со стороны руководства госпредприятий и предпринимательских организаций, которые имеют долгосрочные планы развития и соответствующие инвестиции.

Социальные исправительные программы. Их предназначение состоит в том, чтобы способствовать развитию конструктивного соучастия осужденных в местах лишения свободы и подготовке их к ответственной жизни после освобождения в обществе. О позитивности подобных программ свидетельствует зарубежный пенитенциарный опыт, когда сначала в тюрьмах США (особенно для подростков), а затем в пенитенциарных учреждениях многих других стран была внедрена идея социальной терапии под названием «терапевтическое сообщество»³³. Ее суть состоит в том, чтобы сделать жизнь в пенитенциарных учреждениях более демократичной и чтобы сами заключенные могли участвовать во всем, что в них происходит.

Общие принципы создания в учреждении «социально-терапевтического сообщества»²⁸ (или отдельных «социально-терапевтических участков», где отношения в достаточной мере защищены от деструктивно действующих влияний криминальной пенитенциарной среды) состоят в следующем:

Любая форма взаимодействия и совместной деятельности используется, чтобы помочь заключенному подготовиться к освобождению и жизни в обществе.

Используются самоуправление и формы группового решения всех проблем, возникающих в тюремной жизнедеятельности.

Широко проводятся групповые тренинги, направленные на повышение способности людей, находящихся в условиях лишения свободы, адекватно реагировать как на внутрисудебные проблемные ситуации, так и на ситуации, с которыми они могут столкнуться при выходе на свободу.

Всемерно развиваются воспитывающие связи с жизнью общества (включая поддержание непрерывной связи с семьей и комплекс общественных воздействий).

Благодаря реализации коллективными усилиями сотрудников указанных принципов, где ведущая роль и координация мероприятий осуществляется со стороны социальных работников и социальных педагогов, в учреждении или в его локальных участках создается гуманная социальная среда, способствующая ресоциализации личности осужденных. В ее основе лежит прежде всего диалогическое общение персонала с отбывающими наказания и предоставление учреждениями заключенным шансов для возвышения личностного потенциала на основе примирения с собой, с другими людьми и обществом и выработки просоциальных установок и паттернов поведения. К реализации социальных исправительных программ должны широко привлекаться пред-

ставители патронажа и благотворительных фондов, общественных и государственных организаций (особенно на стадии подготовки осужденных к освобождению)³⁴.

Психологические исправительные программы. Под ними понимаются все виды психологической помощи, оказываемой специалистами-психологами осужденным в местах лишения свободы в индивидуальной или групповой формах: психологическое консультирование, психокоррекция, психотерапия и др. Как правило, психологические исправительные программы строятся на основе итогов многостороннего изучения личности осужденного и включения его в специализированные психотерапевтические группы, предназначенные для разрешения имеющихся внутриличностных проблем. Кроме того, психологи могут работать с конкретным осужденным по осуществлению психологической помощи в форме так называемых «кризис-интервенций».

При проведении психологических исправительных программ, естественно, должны учитываться желания самого осужденного и его добровольное согласие. Поэтому всегда требуется постепенное вовлечение его в конкретные формы индивидуальной и групповой психологической помощи. В этой связи с учетом мирового пенитенциарно-психологического опыта среди мер индивидуального исправительного воздействия, думается, следует вначале использовать беседы, проводимые по технологии «роджерсианское интервью», а среди методов группового консультирования - метод «групп проживания» или метод «балинтовских групп»³⁵. В последующем в силу доминирующей у

осужденного личностной проблемы он может быть включен в специализированные психотерапевтические (психокоррекционные) группы, где применяются методы психоанализа, гештальт-терапии, психодрамы и пр.³⁶ Итогом применения психологических исправительных программ может быть выведение в дальнейшем осужденных на самовоспитание и оказание здесь соответствующей психологической помощи³⁷.

Участие психологов в «кризис-интервенциях» - это целенаправленная профилактическая и реабилитационная работа с осужденными, которые имеют возрастные или ситуативные внутриличностные кризисы, проявляют склонность к совершению суицида, демонстрируют виктимное или провоцирующее поведение и т.д. Здесь могут быть применены как специализированные психокоррекционные методы, так и технология «дибрифинга стресса критического инцидента»³⁸.

В связи с тем, что исправление осужденных по своей имманентной природе является многоплановым и многоуровневым процессом, ведущей характеристикой пенитенциарной психопрактики должна быть исправительная интегративность всех форм и методов психологических воздействий на человека в период отбытия им наказания. Однако в отечественной пенитенциарной практике пока отсутствуют эффективные в технологическом и комплексные по содержанию применяемых средств психотехнические модели, которые были бы созданы на основе интеграции идей из различных пенитенциарно-психологических теорий исправительного воздействия на осужденных. В этой связи в перспективе представляется важным продолжить на-

учное обоснование и расширить применение системы педагогического аутотренинга по научной программе А.С. Новоселовой, апробированной в 1980-90-х годах в исправительных учреждениях Пермской области³⁹.

Религиозные исправительные программы. Они должны не только обеспечивать соблюдение права осужденных на вероисповедание, но и использовать потенциал конкретных религий для раскаяния и покаяния преступника. Одновременно данный тип программ может способствовать адаптации к условиям места лишения свободы и снижению дисциплинарных нарушений, а также облегчать бремя отбывания осужденным наказания, так как дает ему возможность расширить круг позитивного общения с другими осужденными-верующими и с представителями религиозных конфессий.

В дореволюционной России переплетение православных норм с юридическими, ведущее к подкреплению норм закона религиозными ритуалами, было одной из основных черт исполнения уголовного наказания⁴⁰. Однако, как отмечается Р.Б. Головкиным, сегодня последнее осуществить в уголовно-исполнительной практике крайне трудно: «Реализованное в советское время отчуждение личности от религии не могло не нарушить динамического равновесия, существующего между эмоционально-духовной и интеллектуально-рассудочной сферой человека. Жесткий идеологический пресс любыми средствами (от самых примитивных до весьма утонченных) долгие десятилетия вытеснял религиозное восприятие мира из индивидуально-го сознания, а вместе с ним и социальную ценность религии»⁴¹. Провозглашенная нынешней Конституцией РФ охрана прав

и свобод личности (в том числе на вероисповедание) заставила ГУИН в 1990-е годы искать организационно-правовые формы и создавать в местах лишения свободы условия для отправления осужденными религиозных ритуалов. Однако осужденные потянулись в «лоно церквей» совершенно по разным мотивам. Согласно М.П. Стуровой и В.Б. Первозванскому, среди осужденных-верующих в силу личностных качеств и особенностей религиозных взглядов возникли ряд типов: 1) «нейтрально верующие», 2) «религиозные фанатики», 3) «верующие интеллектуалы», 4) «эмоционально верующие», 5) «верующие по привычке», 6) «религиозные безбожники», 7) «псевдоверующие»⁴². Приведенная типология свидетельствует о необходимости дифференцированно подходить к исправительной работе с различными категориями осужденных.

Проведенные исследования свидетельствуют, что интерес к религии у значительной части осужденных носит прагматический характер. При этом осужденные часто пытаются найти в ней «защитные идеологемы», позволяющие оправдать себя как человека, совершившего преступное деяние⁴³. Но стихийно сформулированные истины и ценности, как отмечает А.И. Зеличенко, нежизнеспособны, так как они не обеспечивают устойчивой почвы, на обретение которой должна быть направлена работа осмысления⁴⁴. В этой связи совместная работа сотрудников ИУ со священнослужителями по опровержению возникающих в сознании осужденного «защитных идеологем», блокирующих путь к его подлинному раскаянию и покаянию, должно являться основной целью исправительных ре-

лигиозных программ. Кроме того, согласно зарубежным ученым, в местах лишения свободы может возникать феномен «религия тюремного дома», суть которого состоит в том, что осужденные «внешне определяются в веру» с целью лучше выглядеть в глазах администрации учреждения и иметь в перспективе больше шансов на условно-досрочное освобождение⁴⁵.

В связи с тем, что многие сотрудники УИС, к сожалению, сегодня не имеют знаний, достаточных для анализа и воздействия на религиозных осужденных и процессы в их среде, где возможны и противоречия (столкновения) между отбывающими наказания на религиозной почве, то повышение профессиональной компетенции в указанных вопросах является одной из актуальных проблем, требующих своего разрешения.

Досугово-бытовые исправительные программы. Их предназначение состоит в том, чтобы, с одной стороны, через различные формы культурного досуга, спортивных соревнований и развлечений сглаживать атмосферу отчуждения и противостояния различных групп осужденных в учреждении, прививать навыки гуманного общения и коллективного взаимодействия, а с другой - через досуг и воспитывающий быт создавать условия для формирования у отбывающих наказания различные виды социальных умений (и прежде всего по «содержательному конструированию досуга и быта»⁴⁶).

В советский период проблеме быта осужденных (за исключением воспитательных колоний), как правило, уделялось недостаточно внимания. В то же время организации культурного досу-

га осужденных отводилось весьма значительное место. Подобная традиция была заложена еще в первое пятнадцатилетие советского государства, когда исправительно-трудовое законодательство (ст. 48, 83 и 175 ИТК РСФСР 1924 г.) культурно-просветительную работу рассматривало как одну из основ режима и всей деятельности исправительно-трудовых учреждений. Кроме главных задач, реализуемых с помощью весьма широко понимаемой культурно-просветительной работы (ликвидация общей, политической и профтехнической неграмотности), в рамках ее решались и вопросы организации кружковой и библиотечной работы, создания органов самоуправления заключенных⁴⁷. В 1960-80-х годах целенаправленная организация практически всего досуга осужденных являлась составной частью политико-воспитательной работы учреждений и осуществлялась в групповой форме через мероприятия нравственного, правового, эстетического, атеистического, физического и других направлений воспитания⁴⁸.

В современных условиях досуг осужденных является недостаточно сориентированным на исправительную цель. Это в итоге может вести к стихийному развитию событий во внутренней жизни учреждений, в том числе через утверждение криминальными группировками негативных форм проведения досуга. Представляется, что подобный ход дел чреват и осложнениями в безопасности учреждений, так как при незанятости значительной части осужденных трудом возникает острая необходимость конструктивного заполнения свободного времени полезными

видами деятельности, способствующими их просоциальному личностному росту, а не десоциализации под влиянием атрибутов криминальной субкультуры мест лишения свободы. В связи со значительным качественным изменением состава отбывающих наказание и преимущественной доступности лишь образцов массовой культуры в современных исправительных учреждениях требуется провести дополнительные исследования по изучению культурно-ценностных ориентаций различных категорий осужденных и разработать на их основе рекомендации по совершенствованию досуговых исправительных программ, в том числе организуемых с использованием творческого потенциала осужденных и с участием представителей гражданского общества.

Итак, обоснованный комплекс исправительных программ направлен на удовлетворение основных потребностей осужденных и благодаря их разноплановости способен задействовать различные психологические механизмы просоциального изменения человека, находящегося в местах лишения свободы. Включение осужденных в данные исправительные программы всегда должно базироваться на предварительном многоплановом изучении их личности. В отношении осужденных, имеющих аддиктивные зависимости (наркотическую, алкогольную и др.), важна предваряющая реабилитационная деятельность, связанная с привлечением их к участию в специальных медико-профилактических курсах и программах по здоровому образу жизни.⁴⁹

Масштабы внедрения в отечествен-

ную пенитенциарную практику научно обоснованных исправительных программ будут меняться в зависимости, прежде всего, от изменяющихся «сверху» приоритетов в пенитенциарной политике, благодаря совершенствованию системы управления в УИС и комплексированию методических средств исправительного влияния, позволяющих адекватно воздействовать на различные категории осужденных (с учетом их криминогенных, личностно-психологических и других характеристик, а также за счет задействования возможностей просоциально организованного их сообщества). Должный исправительный эффект от применения исправительных программ, преследующих цель не только частной превенции, но и возвышения «человеческого в человеке» (по Ф.М. Достоевскому), возможен лишь в том случае, если все они взаимосогласованы, чтобы в итоге с учетом особенностей личности и закономерностей динамики развития управляемой социальной среды развить у осужденного «систему перспективных линий» (по А.С. Макаренко).

Сотрудники различных отделов и служб исправительных учреждений должны вовлекаться в реализацию исправительных программ с учетом не только специфики реализуемых ими профессиональных функций, но и разделяя общие установки реализуемого всем персоналом процесса соучастного исправления личности осужденных. В этой связи, на наш взгляд, требуется продумать комплекс мер, связанных с целенаправленным повышением профессионального уровня (в частности, и социально-психологической компетентности) персонала ФСИН России.

¹ Подробнее см.: Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: История и современность: Монография. М., 2000. С. 150-223.

² См.: Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и семье. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжнических общин. Сравнение разных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опытам русской тюремной общины, СПб. 1872. С. 3-4.

³ Там же. С. 185.

⁴ Там же. С. 694

⁵ Там же. С. 718-719.

⁶ Там же. С. 698.

⁷ См.: Свирский А.И. В стенах тюрьмы: Очерки арестантской жизни. - СПб., 1894; Он же. По тюрьмам и вертепам. - СПб., 1895; Якубович П.Ф. В мире отверженных: записки бывшего каторжника. - СПб., 1907.

⁸ Подробнее см.: Поздняков В.М. Личность преступника и исправление осужденного (историко-психологический очерк). - Домодедово, 1998. С. 48-49.

⁹ Цит. по: Мясичев В.Н. Социальная психология и психология отношений, М., 1995. С. 163, 168.

¹⁰⁰ Об эвристичности педагогической системы А.С. Макаренко и перспективности его идей для развития современной психологии: Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории/ Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 392-398.

¹¹ Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии (историко-сравнительный анализ): Монография. - М., 2000. С.138-139.

¹² Используемый во многих европейских языках термин «партиципация» переводится на русский язык как «со-участование». Конструктивность научного применения категории «просоциальное соучастование» раскрыто в публикациях психологов. - См.: Энциклопедия юридической психологии. - М., 2003. С.36.

¹³ Реализация технологии «партиципативного менеджмента» прежде всего способствует ослаблению и прекращению межличностного противоборства в общностях людей, а также задействует более высокие уровни их субъектной активности.

¹⁴ Оттеняя суть профессионально-ролевой позиции социального работника, нами учитывается прежде всего латинское значение слова «адвокат» (advocare) - «призывать на помощь». См.: Большой словарь иностранных слов в русском языке. М., 1998. С. 21.

¹⁵ Подробнее см.: Энциклопедия психотерапии / Под ред А.В. Карвасарского. СПб, 1999.

¹⁶ На важность разработки исправительных программ, базирующихся на изучении личности и среды осужденных, указывают публикации многих современных ученых. См.: Стурова М.П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений (теоретико-педагогический и организационный аспекты): Автореф. дис.... д-ра. пед. наук. М, 1991; Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология. 2 ч. Домодедово, 1995. Фомин Н.С. Методика реализации дифференцированных программ перевоспитания осужденных. Домодедово, 1996.

¹⁷ Ведя речь о комплексе исправительных программ, нами поддерживается позиция А.В. Пищелко (1992), что при перестройке деятельности исправительных учреждений «нельзя ограничиваться лишь совершенствованием отдельных средств исправления правонарушителей или некоторых направлений воспитательной работы с ними».

¹⁸ Отстаивая необходимость разработки указанного типа исправительных программ, нами поддерживается позиция М.П. Стуровой (1991), А.В. Пищелко (1992, 1998), В.Е. Южанина (1999) и других ученых, что режим нельзя относить лишь к чисто карательным средствам.

¹⁹ Подробнее см.: Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания и степень исправления осужденных к лишению свободы: Монография. - М., 1997. С. 8-45; 89-131.

²⁰⁰ Toch H. inmate Classification as a Transaction / *Criminal Justice and Behavior*. 1991. № 8. P. 4-12; Austin J. Assessing the Generation of Prison Classification Models // *Crime and Delinquence*. 1993. № 29. P. 563-572.

²¹ *American Corrections/ Ed. by Todd R. Clear, George F. Cole. - 3 rd ed. - Belmont California, 1994. P. 356-357.*

²² По эффективности различных поведенческих методов в исправлении заключенных за рубежом имеется сегодня значительное число мета-анализов. См., например: Andrews D.A., Zinger i, Hoge R.D., Bonta J., Gendreau P., Cullen F.T. Does correctional treatment Work? A clinical and psychologically informed meta-analysis // *Criminology*. 1990. V. 5. P369-404.

²³ Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф.

Готовность к труду// *К новой жизни*. 1969. № 5; Егоров В.Е. Формирование нравственного самосознания осужденных в процессе трудовой деятельности. - Рязань, 1982; Зубков А.И., Ушакова Н.В. Индивидуализация воспитательного воздействия на осужденных в сфере общественно-полезного труда. - Рязань, 1983; Мокрецов А.И., Поздняков В.И. Социально-психологические аспекты трудового соревнования осужденных к лишению свободы// *Лич-*

ность осужденного и вопросы их исправления и перевоспитания. - М., 1986. С. 71-82; Медведев В.С. Общественно-полезный труд как средство исправления и перевоспитания осужденных. Киев, 1988. и др.

²⁴ См.: Пастушеня А.Н. Психологические аспекты повышения функционирования производственных бригад в ИТУ: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1987. С. 12-15.

²⁵ См.: Дебольский М.Г. Изучение производственно-экономической психологии осужденных / Преподавание юридической психологии и ее практическое применение - Тарту, 1986. Ч. 1. С. 100 - 102.

²⁶ Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М, 1992. С. 78.

²⁷ См.: Томина Н.М., Упоров И.В. Роль экономического фактора в формировании пенитенциарной политики Российского государства. Рязань, 1998. С. 41.

²⁸ См.: Козлов И.Ф. Педагогический опыт А.С. Макаренко. М., 1987. С. 29-30.

²⁹ Макаренко А.С. Соч. В 8 т. М., 1960. Т. 4. С. 371.

³⁰ См.: Рекомендации ГУИН МВД РФ к учреждению предприятий различных форм собственности с участием представителей исправительно-трудовой системы // *Преступление и наказание*. 1992. № 9.

³¹ По данным ГУИН миноста России на начало 2000 года в них обучалось уже свыше 700 человек. Цит. по: Зубков А.И. Карательная политика на рубеже тысячелетий... М., 2000. С. 59.

³² См.: Саблина В.С., Синева В.Н. Организация воспитательной работы с умственно отсталыми осужденными в ВТК. - М, 1989. С. 27-33; Гришко А.Д. Учет мотивационной сферы умственно отсталых несовершеннолетних осужденных в коррекционно-воспитательной работе в условиях ВТК. Киев, 1998.

³³ Идея «терапевтического сообщества» была выдвинута американским психологом Максвеллом Джонсом в 1956 году. Однако еще раньше видным психотерапевтом Бруно Беттельхаймом, бывшим узником немецких концлагерей, была обоснована концепция специальной «терапевтической среды». См.: *American Corrections / Ed. by Todd R. Clear, George F. Cole. - 3 rd ed. - Belmont California, 1994. P. 360-361.*

³⁴ В европейских странах активная реализация социальных исправительных программ осуществляется прежде всего в специальных социально-терапевтических учреждениях, которые, по мнению немецкого криминолога Ханса-Дитриха Швинда, следует рассматривать как «места исполнения предоставляемых учреждением шансов». См.: Schwind H.-

D. Orientierungspunkte der (Straf-)Vollzugspolitik / Strafvollzug in der 90-er Jahren: Perspektiven und Herausforderungen / Heinz Muller-Dietz, Michael Walter (Hrsg.). - Pfaffenweiler, 1995. С. 216-223.

³⁵ Балинтовские группы и супервизия в подготовке специалистов, работающих с людьми. СПб., 1998. С. 3-28.

³⁶ См., например: Стуканов В.Г. Методические основы исправительной психологической коррекции личности осужденного за корыстные преступления. - Минск, 1999. С. 6-36.

³⁷ См.: Петухов Е.В. Психологическая помощь осужденным в самовоспитании. - М., 1998. С. 4-9.

³⁸ См.: Формирование групп и работа с личным составом ОВД в особых условиях/ Под общей ред. Н.В. Андреева. М., 1996. С. 46-49.

³⁹ См.: Новоселова А.С. Психолого-педагогические основы взаимодействия убеждения и внушения как условие ресоциализации осужденных: Теория и технология. Монография. Пермь, 1998. С. 135-224.

⁴⁰ См.: Клочков В.В. Закон и религия. М., 1992. С. 5-6; 41-48.

⁴¹ См.: Головкин Р.Б. Некоторые особенности интеграции права и религии в социальном регулировании // Нижегородские юридические записки: Сб. науч. тр. Н. Новгород, 1997. С. 68-72

⁴² Подробнее см.: Первозванский В.Б., Стурова М.П. Проблемы исправления осужденных различных категорий. М., 1999. С. 19-22.

⁴³ См.: Авксентьевский И.И. Религия в процессе исполнения наказания (философский аспект) // Сб. науч. трудов Вологодского института права и экономики Минюста России. Вологда, 2000. С. 50-58.

⁴⁴ См.: Зеличенко А.И. Психология духовности. М., 1996. С. 297.

⁴⁵ American Corrections/ Ed. by Todd R. Clear, George F. Cole. 3 rd ed. - Belmont California, 1994. P. 362; Palmer T. The Re-emergence of Correctional Intervention. California, 1992. P. 37.

⁴⁶ Бестужев-Лада И. Альтернативная цивилизация: Актуальность социологического исследования // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследования. - М., 1999. С. 48.

⁴⁷ См.: Бехтерев Ю., Кеслер М., Утевский Б. Исправительно-трудовое дело в вопросах и ответах / Под ред. ГУМЗ НКВД РСФСР Е.Г. Ширвиндта. - М., 1930. С. 62-126.

⁴⁸ См.: Педагогика и политико-воспитательная работа с осужденными / Под науч. ред. Ю.В. Гербева. - Рязань, 1985. С. 103-113; 119-148.

⁴⁹ См.: Басенко М.С. Психологическая характеристика личности женщины, потребляющей наркотики, и ее учет в воспитательной деятельности в местах лишения свободы: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1991; Гришко, А.Я. Характеристика личности хронических алкоголиков инаркоманов / Библиотечка работника ИТУ и ЛТП. - Рязань, 1991. С. 37-45; Ковтун В.П. Воспитательное взаимодействие сотрудников и лиц, больных алкоголизмом в ЛТП: Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1993; Бадалянц Э.Ю. Социальная реабилитация женщин, признанных хроническими алкоголиками: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Рязань, 1994; Старков О.В. Основы криминологии: Монография. - Уфа, 1997. 233-258.

Реинтегрирующий подход к профессиональному развитию сотрудников правоохранительных органов.

Горностаев С.В.

(Исследования проведены при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект № 07-06-00079а)

Личностное развитие специалиста до последнего времени являлось «белым пятном» отечественной психологии, и посвященные этому вопросу

исследования являются инновативными [Акмеология / Под ред. А.А. Деркача. - М.: Изд-во РАГС, 2002. - 681 с., С. 27, 438]. До сих пор не разработано психологических основ, которые могли бы послужить достаточной базой для создания эффективных технологий профессионального развития действующих специалистов в целом, не гово-

ря уже о технологиях профессионального развития отдельных категорий специалистов, например специалистов правоохранительных органов. Ведь их профессиональное развитие осложняет немало специфических моментов. Например, начальники и сотрудники правоохранительных органов часто не разделяют декларируемой миссии своей организации, ее ценностей и целей, не заинтересованы лично в их достижении. В результате передаваемое обучаемым видение профессиональной деятельности и ее методы, ориентированные на «декларируемые» цели, оказываются невостребованными. Эта и другие специфические проблемы профессионального развития требуют своего разрешения путем создания психологически обоснованных развивающих технологий.

В ряде современных работ заявляется о создании технологий профессионального развития действующих специалистов различных категорий (И.В. Кизесова, Н.Н. Муслимова, А.Ю. Петров, Л.И. Салыхова, И.М. Варнавина, Д.В. Голубин, Л.Р. Ахмадиева, И.В. Резанович, В.А. Кобак, М.А. Петрова, Л.В. Таборадзе, Л.А. Голубь, И.Е. Домогацкая, В.Н. Дулин и др.), в том числе и сотрудников правоохранительных органов (Е.В. Решетников, А.В. Нино, О.И. Еремеев и др.). Но чаще всего в работах не описываются и даже не упоминаются психологические теории личностных изменений взрослых субъектов профессиональной деятельности, на которых эти технологии базируются. Фундаментальные вопросы психологического содержания, а главное, используемых психологических механизмов профессионального развития

просто обходятся авторами. При значительном освещении самих технологий, точнее, процедур и результатов их применения, в тени остаются вопросы психологических механизмов, делающих возможными достижение и раскрывающих психологическую сущность описываемых результатов. Таким образом, можно отметить, что в отличие от многочисленных педагогических технологий развития детей, примерно и надежно опирающихся на психологические механизмы и закономерности подробно изученные в возрастной и педагогической психологии, технологии профессионального развития зрелой личности, существующие в настоящий момент, по большому счету «опираются на воздух».

При этом нельзя сказать, что работы, посвященные психологии развития зрелой личности профессионала, в отечественной психологии отсутствуют. Отдельные подходы и механизмы развития зрелого специалиста разработаны в акмеологии. К примеру, в работах И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова в качестве такого механизма рассматривается рефлексия. Согласно рассматриваемой концепции, рефлексия представляет собой осознание и переосмысление стереотипов мышления и их эвристическое преодоление вплоть до образования нового (креативно-инновационного) содержания сознания. Однако прогрессивные акмеологические подходы пока не нашли своей реализации на уровне педагогических (развивающих) технологий. Возможно, разработанные в психологии теоретические основы пока недостаточны либо слишком сложны для непосредственного практического применения.

Таким образом, можно констатировать разрыв в теоретических и практических исследованиях профессионального развития действующих специалистов. Положительные результаты внедрения созданных к данному времени технологий профессионального развития носят во многом случайный характер, слабо контролируются, прогнозируются и управляются и в лучшем случае представляют собой разрозненные научные факты.

Перспективной в научном и практическом плане видится дальнейшая разработка практических и технологически реализуемых психологических основ профессионального развития действующих специалистов. Эти основы могут быть разработаны в виде отдельных подходов или частных теорий, описывающих закономерности и механизмы профессионально-личностного развития специалистов. В перспективе, при достаточном накоплении эмпирических фактов и теоретических обобщений, в отношении различных категорий специалистов может быть выработано единое понимание этих процессов. Необходим анализ, обобщение и сопоставление различных частных теорий и подходов. Таким образом, на современном этапе имеется потребность в разработке подходов и частных теорий в области психологии развития профессионала и их дальнейшей систематизации.

Мы предполагаем разработать один из таких подходов на специфической выборке обучаемых - на специалистах правоохранительных органов.

В ходе обучения специалистов ФСИН России и некоторых других правоохранительных органов, получающих

дополнительное профессиональное образование, нередко можно встретиться с мнением обучаемых о неприемлемости некоторых компонентов передаваемого учебного материала на практике, о расхождении этого материала с индивидуальным опытом профессиональной деятельности. По мнению многих обучаемых, передаваемые знания плохо соотносятся с реалиями профессиональной деятельности, и от них придется отказаться по возвращению в практические органы. Часто противопоставляется «как нужно» и «как есть». Подобные суждения иногда слишком категоричны и преувеличены, однако они заставляют задуматься над факторами, которые обуславливают формирование подобных мнений. Нельзя сбрасывать со счетов индивидуальные способности обучаемых (гибкость и самостоятельность мышления, способность к анализу и экстраполяции и др.). Вместе с тем специфика деятельности правоохранительных органов и практикуемые в специализированных учебных заведениях методы переподготовки и повышения профессионального мастерства обучаемых способствуют подобным суждениям. По мнению О.И.Еремеева, качество подготовки снижается и не происходит раскрытие индивидуальных способностей «из-за сжатых сроков обучения и снижения интереса слушателей к традиционным формам проведения занятий, что приводит к пассивности на занятиях, ухудшению восприимчивости к изучаемому как в школе материалу» [Еремеев О.И. Развитие правовой культуры специалиста пенитенциарной системы в процессе повышения квалификации: Дисс. канд. пед. наук:

Таким образом, можно констатировать разрыв в теоретических и практических исследованиях профессионального развития действующих специалистов. Положительные результаты внедрения созданных к данному времени технологий профессионального развития носят во многом случайный характер, слабо контролируются, прогнозируются и управляются и в лучшем случае представляют собой разрозненные научные факты.

Перспективной в научном и практическом плане видится дальнейшая разработка практических и технологически реализуемых психологических основ профессионального развития действующих специалистов. Эти основы могут быть разработаны в виде отдельных подходов или частных теорий, описывающих закономерности и механизмы профессионально-личностного развития специалистов. В перспективе, при достаточном накоплении эмпирических фактов и теоретических обобщений, в отношении различных категорий специалистов может быть выработано единое понимание этих процессов. Необходим анализ, обобщение и сопоставление различных частных теорий и подходов. Таким образом, на современном этапе имеется потребность в разработке подходов и частных теорий в области психологии развития профессионала и их дальнейшей систематизации.

Мы предполагаем разработать один из таких подходов на специфической выборке обучаемых - на специалистах правоохранительных органов.

В ходе обучения специалистов ФСИН России и некоторых других правоохранительных органов, получающих

дополнительное профессиональное образование, нередко можно встретиться с мнением обучаемых о неприемлемости некоторых компонентов передаваемого учебного материала на практике, о расхождении этого материала с индивидуальным опытом профессиональной деятельности. По мнению многих обучаемых, передаваемые знания плохо соотносятся с реалиями профессиональной деятельности, и от них придется отказаться по возвращению в практические органы. Часто противопоставляется «как нужно» и «как есть». Подобные суждения иногда слишком категоричны и преувеличены, однако они заставляют задуматься над факторами, которые обуславливают формирование подобных мнений. Нельзя сбрасывать со счетов индивидуальные способности обучаемых (гибкость и самостоятельность мышления, способность к анализу и экстраполяции и др.). Вместе с тем специфика деятельности правоохранительных органов и практикуемые в специализированных учебных заведениях методы переподготовки и повышения профессионального мастерства обучаемых способствуют подобным суждениям. По мнению О.И.Еремеева, качество подготовки снижается и не происходит раскрытие индивидуальных способностей «из-за сжатых сроков обучения и снижения интереса слушателей к традиционным формам проведения занятий, что приводит к пассивности на занятиях, ухудшению восприимчивости к изучаемому как в школе материалу» [Еремеев О.И. Развитие правовой культуры специалиста пенитенциарной системы в процессе повышения квалификации: Дисс. канд. пед. наук:

В.Новгород: Новгор. Гос. Ун-тим. Ярослав Мудрого, 2004., С.21]. Как отмечает Л.М.Митина, зав. лабораторией психологии профессионального развития личности Психологического института РАО: «В силу существующих традиций обучение стремится отеснить, игнорировать субъективный опыт как несовершенный, либо переделать, втянуть в «прокрустово ложе» научных понятий. Картина мира просто «пересаживается» в голову ученика, следствием чего является формализм знаний, снижение, а зачастую и потеря познавательного интереса, отказ от самостоятельности и ответственности» [Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: «Академия», 2004. - 320 с, С.8]. Такой подход, естественно, не может дать хороших результатов в отношении сформированной личности профессионала с закрепленным собственным опытом, стереотипами восприятия собственной деятельности, который обладает самостоятельностью мировоззрения и не склонен воспринимать все на веру. Сотрудникам пытаются передать некую стандартную модель профессиональной деятельности, выработанную в теории, но каждый сотрудник смотрит на свою деятельность и себя в ней через призму своей мотивации и своего индивидуального опыта. В результате, проходя обучение, сотрудник попадает в ситуацию, когда передаваемая информация не стыкуется с уже сформированной системой профессионального опыта и взглядов. Передаваемая информация отвергается и игнорируется, не происходит объединения личного опыта с научным, передаваемым в форме знаний. Сотрудник у-

рывает мотивацию к обучению, так как поступающая информация во многом не соответствует его актуальным запросам. Передаваемые знания отрицаются либо частично присоединяются к существующему опыту в каких-то извращенных формах.

Неадекватные суждения, взгляды и профессиональные понятия у сотрудников, особенно имеющих большой стаж службы, в значительной степени деформированных, имеющих мощные психологические защиты изменить довольно сложно. В данном случае необходимо хотя бы частичное разрушение существующей системы, в которую интегрированы элементы профессионального опыта. По мнению многих исследователей, это возможно, хотя требует значительных усилий. Наиболее часто встречаемый в литературе рецепт - разрушение системы через поиск ее противоречий с воспринимаемой действительностью. Спровоцированная нестабильность будет побуждать обучаемых к стабилизации, то есть к скорейшему формированию нового комплекса когнитивных образований, относящихся к профессиональной деятельности. Ничей опыт не убеждает человека лучше, чем его собственный. Явление дестабилизации будет вызываться, по нашему предположению, с большим успехом, если материал, дестабилизирующий систему профессионального мировоззрения, будет обнаружен внутри ее самой. То есть элементы профессионального опыта, на которых базируется профессиональное мировоззрение и мышление, могут быть использованы для разрушения имеющейся системы и формирования на их базе новой - более эффективной. Такое же влияние может ока-

зать на личность профессионала получение нового значимого опыта. Новый опыт может быть приобретен при личном проживании новой ситуации либо старой ситуации в измененных условиях, то есть в ситуациях, когда человек не может использовать имеющиеся стереотипы и вынужден усиливать внимательность, чувствительность к деталям и поисковую активность. Взаимодействие с коллегами по обучению также может повлиять на сложившуюся систему личного профессионального опыта и взглядов. И.В.Кизесова описывает явление «персонализации одного индивида в другом» [Кизесова И.В. Организация персонализированного обучения слушателей в процессе дополнительного профессионального образования. - Дисс. канд. пед. наук: Красноярск: Сиб. Гос. Технол. Ун-т, 2006., С.25], в результате которого общающиеся взаимно развивают друг друга, в той или иной форме проявляя элементы собственной личности. По нашему мнению, получение от коллег «другой», «непривычной» обратной связи (в виде высказываний, выражения эмоций, демонстрации вариантов действий) на привычные профессиональные ситуации, описание новых, не вписывающихся в мировоззрение профессионала ситуаций, может привести его к когнитивному диссонансу и последующей ломке стереотипов. Для этого нужна особая доверительная рабочая обстановка, которая снизит вероятность включения у обучаемых психологических защит, типичных для ситуации получения новой информации, угрожающей устоявшимся взглядам. После дестабилизации системы профессиональных взглядов полученный ранее

профессиональный опыт будет переоценен и интерпретирован обучаемыми вновь с точки зрения новой полученной информации, ляжет в основу новой, более адекватной системы профессиональных взглядов.

Механизм обесценивания и разрушения старых связей между элементами профессионального опыта специалиста и последующего включения этого опыта во вновь формируемую структуру изменяющегося профессионального мировоззрения, условно обозначенный как реинтеграция профессионального опыта, согласно выдвигаемой гипотезе объективно существует и может выступить основой профессионального развития специалиста. Соответственно, подход к развитию действующих специалистов, основанный на реинтеграции индивидуального опыта, можно обозначить как реинтегрирующий.

Объективность и действенность разрабатываемого теоретического конструкта предполагается проверить путем создания и использования развивающих технологий, основанных на реинтеграционных процессах. Предполагается контроль, прежде всего, изменений когнитивной сферы, а также мотивационной сферы личности, результат взаимодействия которых можно будет отслеживать в профессиональных понятиях, отражающих основные предметные и инструментальные элементы сознания профессионала.

По психологическому содержанию предлагаемый подход к профессиональному развитию специалиста близок к психотерапевтическому. Терапия предназначена в основном для работы со взрослыми людьми, для повышения их эффективности в решении жизнен-

ных проблем, на основании использования их же жизненного опыта. Практически все направления терапии обращаются к опыту личности для ее изменения и совершенствования, значимо затрагивают мотивационную сферу. Доминирующая в настоящий момент парадигма профессионального образования этого, как правило, не предусматривает. В то время как А.М. Павлова в своем исследовании показала [Павлова А.М. Психологические особенности профессионально-личностного потенциала субъекта трудовой деятельности: Дис. канд. психол. наук: Казань, 2004. - 183 с, С.8], что роль личностных, мотивационных компонентов в профессионально-личностном потенциале, с набором профессионального опыта возрастает. Терапевтическая практика успешно существует много лет, в отличие от гораздо менее успешных попыток профессионального развития специалистов в рамках действующих образовательных технологий. Это свидетельствует о том, что теоретические представления о механизмах изменения психики взрослых людей, на которых основывается терапия, более адекватны. Почему же они не используются в обучении действующих специалистов? Почему собственный опыт специалистов не выступает основой развивающего влияния на их личность? Сами термины «обучение» и «образование» для обозначения процесса изменения личности специалиста с целью повышения его профессиональной эффективности не всегда удачны. Они подходят для высшего профессионального образования лиц, не столкнувшихся с профессиональной деятельностью и не имеющих о ней собственного представления (это представление целенаправленно образовывается в ходе

обучения). Термин «образование» в работе с действующими специалистами будет правомерным лишь в ситуации, когда специалист имеет полностью адекватную картину собственной деятельности и себя в ней и лишь получает дополнительную информацию, которая без противоречий и сопротивления вписывается в картину индивидуального профессионального опыта. Однако, в большинстве случаев, специалисты, по крайней мере, действующие сотрудники правоохранительных органов, нуждаются в более основательных приобретениях в процессе профессионального развития, нередко в коррекции неверных профессиональных представлений, от которых они не откажутся без прохождения и преодоления определенных психологических кризисов. В этом, на наш взгляд, нуждается большинство сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, эффективный процесс профессионального развития не может ограничиваться только пополнением багажа недостающих профессионалу знаний. Во многом это работа с личностью профессионала. Опорными точками этой работы нам представляются мотивация и профессиональный опыт.

Исходя из предполагаемых особенностей механизмов реинтеграции предлагаемый подход, скорее всего, будет иметь ограничения по применению. Наибольшая применимость прогнозируется для развития тех категорий специалистов, ситуации в деятельности которых могут быть оценены неоднозначно и по ним могут быть приняты разные решения. Совмещение методов реинтегрирующего и традиционного подхода к профессиональному развитию специа-

листов в рамках дополнительного профессионального образования, по-видимому, может изменяться в зависимости от соотношения в деятельности той или иной категории специалистов стандартных и вариативных задач. Например, в деятельности психологов ФСИН России есть задачи, которые являются стандартными и решаемыми без вариантов. Чаще всего это работа с документацией. Есть задачи как например диагностика или коррекция, носящие вариативный характер. В целом, вариативность в деятельности психологов, как и представителей многих других профессий типа человек-человек, достаточно высока. Следовательно, доля реинтегрирующих методов и техник в обучающе-развивающей технологии, предусмотренной для этой категории специалистов в курсах

переподготовки и повышения квалификации, должна быть высокой.

В заключение можно отметить, что для любой категории специалистов обучение обязательно должно сопровождаться мероприятиями личностно-ориентирующего характера, напоминающими по форме и где-то сходными по содержанию с терапевтическими. Нет мотивов или профессиональной идентификации - все передаваемые методы не будут восприниматься и использоваться.

Повышение квалификации должно не только научить, но и открыть новые мотивы и горизонты профессиональной деятельности, сделать сотрудника более гибким и самокритичным, запустить механизмы профессионально-личностного саморазвития.

ЖИЗНЕННЫЕ КРИЗИСЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

А.И. Папкин

Исследования и наблюдения показывают, что в значительной мере девиантное (отклоняющееся, асоциальное, противоправное) поведение ряда лиц *детерминировано жизненными кризисами* (возрастными кризисами, кризисами отношений, семейными, профессиональными и др.).

Слово «кризис» (от гр. krisis) означает: *решение, приговор, решительный*. Обычно под кризисом понимается: *перелом, тяжелое переходное состояние в жизни человека*. Таким образом, *жизненный кризис представляет собой сложный период в жизни человека, вызывающий психи-*

ческую напряженность, хронический, долго длящийся стресс и требующий активизации его личностных ресурсов для адаптации к новой ситуации и преодоления возникших трудностей.

Под *девиацией* (лат. deviation - отклонение, de от + via дорога) следует понимать отклонение от некоторых норм, стандартов, предписанных правил поведения. Таким образом, *девиантное поведение* представляет собой отклонение индивида от нормативного, принятого в обществе поведения, ведущее к нарушениям нравственных, правовых, этических, профессиональных и иных норм, изменению спосо-

бов решения профессиональных, семейных и личностных задач, деформации отношений и образа жизни. *Девиянтное поведение* может приобретать **форму:** *нравственного проступка; дисциплинарного проступка; аддиктивных реакций в виде пристрастия к агентам зависимости (алкоголизм, наркомания, азартные игры и др.); сексуальных перверсий; склонности к суициду; общественно опасных действий невменяемых лиц; некриминального деликта (лат. delictum - правонарушение, юр.), то есть административного, гражданского, семейного и иного правонарушения; криминального деликта (преступления).* Часто неправовые формы девиантного поведения (аморальность, аддиктивность и др.) предшествуют совершению правонарушений и преступлений. В психосоциальной концепции развития личности Э. Эриксона отмечается, что процесс развития личности от младенчества до старости состоит из *восьми этапов*, каждый из которых представляет собой особую *альтернативную фазу* решения возрастных и жизненно-ситуативных задач. К *таким кризисным фазам* Э. Эриксон относит: 1) базисное доверие / недоверие к миру; 2) автономия / чувство зависимости; 3) инициативность / чувство вины; 4) производительная предметная деятельность / чувство неполноценности; 5) идентичность / диффузия идентичности; 6) интимность и солидарность / изоляция; 7) творчество / застой; 8) эго-интеграция / разочарование в жизни. (16, с. 263-264). Представляется, что каждый из восьми этапов состоит из *ряда кризисных ситуаций*, в которых люди

выбирают разные *альтернативные варианты поведения*.

В одном случае они приводят к социальной адаптации личности, эгоидентичности и интеграции с обществом, социальными нормами и социальными группами, а в другом случае - к социальной отчужденности, дезадаптации, деиндивидуализации, отхода от принятых в обществе нормативных способов решения жизненных проблем.

В связи с этим у человека начинают формироваться личностные качества, свойственные нарушителям социальных норм, в том числе правовых норм: повышенная тревожность, агрессивность, подозрительность, импульсивность, склонность к решению проблем силовым путем и др.

В *кризисных жизненных ситуациях*, требующих от лиц значительного напряжения, активизации всех жизненных ресурсов, выбора способа разрешения ситуации, как показывают исследования, довольно часто возникают *девиации поведения, то есть отход от социальных норм в целях разрешения возникшего кризиса неадекватными, противоречащими нормам нравственности и права способами*. Разрешение жизненных кризисов у преобладающего числа людей происходит в рамках нормативного поведения, но у ряда лиц наблюдаются склонности к девиантным действиям и правонарушительству.

Статданные ГИАЦ МВД России свидетельствуют, что лица, испытывающие значительные жизненные трудности, являются тем контингентом, который часто пополняет ряды преступников (см.табл.1)

Таблица 1

	Год	% от общего числа преступников (все виды преступлений)	Убийства (% от общего числа)	Разбои (% от общего числа)	Кража (% от общего числа)
Всего преступников (абсолютное число)	2001	1644242	28312	39190	568593
	2005	1297123	26304	36662	437481
Из них: без постоянного источника дохода	2001	55,1	66,8	70,6	64,4
	2005	60,3	71,8	69,1	67,5
безработных	2001	5,4	6,3	5,6	6,7
	2005	6,3	7,4	6,0	7,3
в состоянии алкогольного опьянения	2001	22,6	64,0	39,2	20,6
	2005	21,3	61,3	33,3	17,6
в состоянии наркотического и токсического опьянения	2001	0,8	1,0	0,9	0,9
	2005	0,4	0,4	0,5	0,4

Важно выделить основные пути и механизм влияния кризисных жизненных ситуаций на формирование девиантного поведения индивида. Рассматриваемые в статье научные проблемы образуют *психологическую теорию влияния кризисных жизненных ситуаций на развитие девиантного поведения личности, в том числе криминального.*

Исследования и наблюдения показывают, что к числу *основных кризисных жизненных ситуаций* следует отнести:

возрастные кризисы, или кризисы возраста (кризисы подросткового и юношеского возраста, пенсионного возраста, старческого возраста);

кризисы выполнения социальных ролей (незнание, непонимание и уклонение от исполнения социальных ролей);

кризисы социальных отношений (ссоры, конфликты, моббинг, месть, провокации, шантаж, обман и др.);

кризисы социальных состояний личности (алкоголизм, наркомания, хроническая болезнь, инвалидность, сексуальные перверсии, суицидальные

намерения, старость, одиночество, отсутствие семьи, гражданства, работы, постоянного дохода, места жительства и др.);

семейные кризисы (проблемы отношений родителей и детей, уход из семьи совершеннолетних детей, сексуальные проблемы супругов, выход супругов на пенсию, тяжелая болезнь члена семьи, инвалидность члена семьи, супружеская измена и др.)

кризисы учебной деятельности (неуспеваемость, второгодничество, отчисление из учебного заведения; неудачная сдача экзаменов при поступлении после окончания школы в профессиональное образовательное учреждение; разочарование в будущей профессии и др.)

профессиональные кризисы (кризисы учебно-профессиональной ориентации, профессиональных экспектаций, профессиональной адаптации, профессионального роста, профессиональной карьеры, утраты профессии и др.)

кризисы социальных препятствий (невозможность трудоустроиться; хроническая безработица; отказ банков в кредитовании своего дела; невозможность

Таблица 1

	Год	% от общего числа преступников (все виды преступлений)	Убийства (% от общего числа)	Разбои (% от общего числа)	Кража (% от общего числа)
Всего преступников (абсолютное число)	2001	1644242	28312	39190	568593
	2005	1297123	26304	36662	437481
Из них: без постоянного источника дохода	2001	55,1	66,8	70,6	64,4
	2005	60,3	71,8	69,1	67,5
безработных	2001	5,4	6,3	5,6	6,7
	2005	6,3	7,4	6,0	7,3
в состоянии алкогольного опьянения	2001	22,6	64,0	39,2	20,6
	2005	21,3	61,3	33,3	17,6
в состоянии наркотического и токсического опьянения	2001	0,8	1,0	0,9	0,9
	2005	0,4	0,4	0,5	0,4

Важно выделить основные пути и механизм влияния кризисных жизненных ситуаций на формирование девиантного поведения индивида. Рассматриваемые в статье научные проблемы образуют *психологическую теорию влияния кризисных жизненных ситуаций на развитие девиантного поведения личности, в том числе криминального.*

Исследования и наблюдения показывают, что к числу *основных кризисных жизненных ситуаций* следует отнести:

возрастные кризисы, или кризисы возраста (кризисы подросткового и юношеского возраста, пенсионного возраста, старческого возраста);

кризисы выполнения социальных ролей (незнание, непонимание и уклонение от исполнения социальных ролей);

кризисы социальных отношений (ссоры, конфликты, моббинг, месть, провокации, шантаж, обман и др.);

кризисы социальных состояний личности (алкоголизм, наркомания, хроническая болезнь, инвалидность, сексуальные перверсии, суицидальные

намерения, старость, одиночество, отсутствие семьи, гражданства, работы, постоянного дохода, места жительства и др.);

семейные кризисы (проблемы отношений родителей и детей, уход из семьи совершеннолетних детей, сексуальные проблемы супругов, выход супругов на пенсию, тяжелая болезнь члена семьи, инвалидность члена семьи, супружеская измена и др.)

кризисы учебной деятельности (неуспеваемость, второгодничество, отчисление из учебного заведения; неудачная сдача экзаменов при поступлении после окончания школы в профессиональное образовательное учреждение; разочарование в будущей профессии и др.)

профессиональные кризисы (кризисы учебно-профессиональной ориентации, профессиональных ожиданий, профессиональной адаптации, профессионального роста, профессиональной карьеры, утраты профессии и др.)

кризисы социальных препятствий (невозможность трудоустроиться; хроническая безработица; отказ банков в кредитовании своего дела; невозможность

расплатиться по взятому кредиту в банковском учреждении или займу у физических лиц; выселение из занимаемой квартиры; низкий уровень доходов или нищета; отказ в предоставлении социальных льгот и др.)

кризисы потерь (потери из-за внезапной смерти в результате преступного насилия, терактов, стихийных бедствий, техногенных катастроф близких лиц, семьи, опекунов, друзей, супруга (и), детей и др.; потери работы, дохода, жилья, имущества, места жительства, гражданства, свободы и т.п.);

кризисы изменения социального окружения (вхождение в новый учебный или профессиональный коллектив; приобретение новых знакомых и друзей; отбывание уголовного наказания в исправительном учреждении; выезд за границу на временное или постоянное место жительства и др.);

кризисы изменения образа жизни (брак; развод; переезд из села в город и наоборот; эмиграция; вынужденное переселение; миграция; переход от законопослушного поведения к асоциальному; маргинальный образ жизни; бродяжничество; попрошайничество; потеря мотивации общественно полезного труда; беспризорничество и др.);

кризисы отношений государства и личности (неверные решения государственной власти и суда в отношении личности; злоупотребления государственных служащих и работников правоохранительных органов; вымогательство; коррупция и др.)

Предпосылками девиантного поведения некоторых лиц являются испытываемые ими при наступлении жизненных кризисов **кризисные эмоциональные состояния, фрустрационные и агрес-**

сивные психические состояния. В психологии *теория кризисных состояний* ведет отсчет от работы Э. Линдемманна (3), посвященной анализу острого горя. Острое горе - кризисное переживание, страдание, возникающее, например, в ответ на потерю (смерть) близкого человека. Кроме изменения самочувствия, астении, оттока жизненных сил и интеллектосов наблюдаются также некоторые изменения сознания. Одни из них "поглощенность образом умершего", "легкое чувство нереальности". Острое горе есть определенный синдром с психологической и соматической симптоматикой. Общим для него являются следующие психосоматические проявления: периодические приступы физического страдания, спазмы в горле, припадки удушья с учащенным дыханием, постоянная потребность вздохнуть, чувство пустоты в животе, потеря мышечной силы, интенсивное субъективное страдание, выраженное в наличии психического напряжения у человека и душевной боли. Э. Линдемманн считал, что характерными для такого кризисного переживания, как горе, являются пять признаков: 1) физическое страдание; 2) поглощенность образом умершего; 3) вина; 4) враждебные реакции; 5) утрата привычных моделей поведения. (4, с.398-399). Горе может вызвать агрессивные действия в отношении его виновника (виновников), привести к мести и т. д. Кризисное состояние обнаруживает определенную динамику. Так, Дж. Каплан (5, с.521-532) описал четыре стадии кризиса, которые следуют одна за другой по нарастающей: 1) первичный рост напряжения, стимулирующий привычные способы разрешения проблемы; 2) дальнейший рост напря-

жения в условиях, когда эти способы оказались безрезультатными; 3) еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних источников; 4) если все оказывается тщетным, наступает четвертая стадия, характеризующаяся повышением тревоги и депрессии, чувством беспомощности и безнадежности, дезорганизацией личности. Выделяются следующие фазы переживания горя: фаза шока и оцепенения; фаза поиска, связанная с нереалистическим стремлением вернуть утраченное и отрицанием не столько факта смерти, сколько постоянства утраты; фаза острого горя, длящаяся до 6-7 недель с момента трагического события; фаза остаточных явлений и реорганизации поведения; фаза «завершения», когда образ умершего занимает постоянное место в смысловом поле переживающего горе человека (6, с. 5-10). Ориентируясь на довольно традиционное определение кризиса как неразрешаемого противоречия или осознания неразрешаемости, полагают, что человек поставлен в ситуацию, в которой либо депривирована фундаментальная потребность (смыслообразующий мотив), либо для этого «создается потенциальная или актуальная угроза», от которой в реальном взаимодействии человек «не может уйти и которую не может разрешить в короткое время и привычным способом». Более того, в кризисе вернуть ситуацию к исходной точке отсчета, которая имела для человека жизненный смысл, нельзя.

Отрицательное влияние на поведение личности в ситуации жизненного кризиса *оказывает фрустрационное состояние (фрустрация)*. Оно возникает в связи с появлением *отдельного жизненного*

*отношения лица, проявляясь в его деятельности, и обусловлена внутренней необходимостью реализовать определенный мотив. Разрушение деятельности возникает в результате нарушения соотношения и связей между мотивом и целями деятельности. Под фрустрацией (от лат. *избъю* - обман, тщетное ожидание, расстройство) часто понимают психическое эмоциональное состояние индивида, возникающее в ситуации внутреннего противоречия между сильным мотивом и возможностью его реализовать, столкновения с непреодолимым препятствием, проблемой, которую крайне необходимо, но неизвестно как решить, расстройство от нереализованных планов и жизненных ожиданий. Фрустрация связана с внутренними конфликтами и мотивацией. При этом следует отметить наличие внутренних и внешних барьеров, связанных с возникновением состояния фрустрации, отрицательное влияние фрустрации на поведение человека. Фрустрационное состояние вызывается определенным фактором, называемым фрустратором. Часто выделяют три типа фрустраторов: 1) лишение (отсутствие чего-либо); 2) потери; 3) конфликт. Таким образом, фрустрацию можно определить как состояние, которое возникает в жизнедеятельности личности в ситуации неуспеха, вызванного субъективно непреодолимыми препятствиями на пути к достижению цели (противодействие другого лица; недостаточная профессиональная подготовленность; социальные потери; барьеры к реализации мотивов успеха и т. д.). Для фрустрационной ситуации характерно наличие препятствия - внешнего или внутреннего, когда какая-то потребность не может удовлетворить-*

ся. Выделяются *различные виды поведения в состоянии фрустрации (фрустрационные реакции)*: 1) генерализованная агрессивность; 2) двигательное возбуждение - бесцельные неупорядоченные реакции; 3) отступление - компенсация в виде психологических защит; 4) стереотипия - тенденция к слепому повторению фиксированного поведения, когнитивной, мотивационной и эмоциональной фиксированности на препятствии; 5) регрессия - инфантилизация, примитивизация поведения, снижение конструктивности поведения, падение качества исполнения; 6) апатия - депрессивное состояние, печаль, переживание неуверенности, бессилия, безнадежности, а иногда отчаяния. Выраженное фрустрационное состояние может существенно влиять на сознание и поведение личности, вызывать нарушения восприятия, моторной координации и мышления. Фрустрационное состояние представляет интерес как значимое, особенно в связи с его длительным влиянием, явление, снижающее эмоциональную устойчивость и ведущее к элементам деструктивности в поведении индивида. *Одним из основных направлений преодоления фрустрационного состояния является поиск и точное определение фрустратора, а затем его устранение. Агрессивное состояние индивида часто является реакцией на возникшую кризисную ситуацию угрозы со стороны других лиц [7, с.64-70]. С другой стороны, агрессивное состояние, будучи пролонгированным, характеризует определенный уровень агрессивности человека и готовности к агрессивным реакциям. В связи с этим*

обстоятельством Леонард Берковитц, понимая под *агрессией определенный вид вредоносного поведения*, разделил, наряду с другими авторами, ее на два вида: *инструментальную и эмоциональную агрессию*. Агрессию, служащую реализации *других целей* (совершение киллером заказного убийства с целью получения денег, нападение грабителя на прохожего с целью овладения чужим имуществом и деньгами и т. п.) он назвал *инструментальной агрессией*. Основной целью *эмоциональной агрессии* является *причинение ущерба другому лицу*, которую по этому часто называют также «враждебной», «аффективной», «гневной» агрессией. Некоторые лица испытывают удовольствие оттого, что причиняют вред другим людям. При этом речь обычно идет о негативных эмоциях и негативных эмоциональных состояниях, связанных с намерением агрессора причинить вред другому лицу. (8, с.32-35).

А. Басс понимал под агрессией поведение, направленное на причинение вреда другому человеку (9). А. Бандура отмечал, что под агрессивным поведением подразумеваются действия, противоречащие социально одобряемой роли. Агрессия является, по его мнению, следствием искаженного процесса социализации, злоупотребления родителями наказаниями, жестокого обращения с детьми (10). Л. Берковитц писал, что агрессия означает поведение, физическое или символическое, которое *мотивировано намерением причинить вред кому-то другому* (8, с.32). Исходя из общепринятого понимания термина, можно сказать, что *агрес-*

сия (то есть агрессивные действия и агрессивные состояния, которые сопровождают агрессивное поведение) является формой девиантного поведения индивида, имеющая своей целью умышленное, то есть намеренное нанесение физического или психологического вреда, ущерба другому лицу. Эмоциональное состояние агрессивности усиливает уровень агрессивности и силу агрессивных реакций, может привести к деструктивному поведению. Этот вывод следует из результатов экспериментов, полученных Р. Бэроном (11, с.260-263).

Важны понимание и учет в профилактической работе механизмов преодоления кризиса, адаптации индивида к возникшей жизненной ситуации. В связи с этим обстоятельством целесообразно обратиться к одному из теоретических положений, сформулированных Эдвином Сатерлендом в рамках теории дифференцированной связи. Он отмечал: «Лицо становится преступником в результате преобладания у него взглядов, благоприятствующих нарушению закона, над взглядами, не благоприятствующими этому». В отечественной криминологии А.Н. Пастушеня выдвинул понятие «личностная приемлемость преступного поведения». Эти по-

ложения авторов направлены на обоснование приоритетности ценностно-нормативной сферы лица в объяснении его криминальных действий. (2, с.112).

Однако указанных факторов недостаточно для создания полной объяснительной картины противоправного поведения как разновидности девиантного поведения. Поэтому целесообразно обратиться к теории копинг-поведения, сформулированной во второй половине XX века (Р. Лазарус и др.). Понятие «копинг» происходит от coping (англ.) - совладание, преодоление чего-либо внешнего (обстоятельств, трудной ситуации, условий и т. д.) или внутреннего (собственных чувств, желаний, эмоций, внутренних конфликтов).

В теории копинг - поведения утверждается, что для совладания индивидом с трудностями необходимо иметь личностные ресурсы или копинг - ресурсы, включающие опыт и психологические особенности индивида), использовать собственные стратегии действий (копинг-стратегии, включающие в себя способы управления факторами кризисной жизненной ситуации). Таким образом, преодолевающее поведение следует рассматривать как результат взаимодействия

Таблица 2

№№	СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ	МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ
1	Активная	Ассертивные действия
2	Просоциальная	Вступление в социальный контакт
3	Просоциальная	Поиск социальной поддержки
4	Пассивная	Осторожные действия
5	Прямая	Импульсивные действия
6	Пассивная	Избегание
7	Непрямая	Манипулятивные действия
8	Асоциальная	Асоциальные действия
9	Асоциальная	Агрессивные действия

копинг-ресурсов индивида и его копинг - стратегий. Выделяют ряд стратегий преодоления (С. Хобфолл и др.) и соответствующие им модели поведения (табл. 2)

Кроме того, копинг-стратегии можно разделить на адаптивные и дезадаптивные. Наблюдения показывают, что к распространенным способам деструктивного, девиантного реагирования на кризисную жизненную ситуацию, то есть дезадаптивным стратегиям копинг - поведения, можно отнести следующие: *обвинение окружающих в своих неудачах; агрессивные действия; злоупотребление алкоголем; прием наркотиков; поиск незаконных, «быстрых» способов разрешения кризиса; обман других лиц, моббинг, шантаж, провокацию и мошенничество; самоубийство; устранение источника фрустрации (например, убийство другого лица) и т. п.; месть; совершение различных правонарушений и преступлений в целях разрешения кризиса; социальную позицию, конформизм и подчинение себя другим в целях разрешения кризиса; пассивный уход от кризиса (отъезд, изменение места жительства и работы и т. п.); социальную отчужденность (избегание других лиц, изменение круга общения, изменение образа жизни, одиночество и т. п.); привлечение третьих лиц для противоправного разрешения кризиса и др.* Указанные способы разрешения кризисной жизненной ситуации не обязательно ведут к совершению противоправных действий (правонарушению, преступлению), но часто представляют собой *другие виды девиантного поведения: безнравственные поступки, обман других лиц, сокрытие*

важной информации, пренебрежение интересами родственников, членов семьи и близких друзей, супружеская измена, утаивание от членов семьи доходов и т. п. Такие действия часто выступают в качестве причин или условий совершаемых впоследствии противоправных деяний.

При проведении индивидуальной предупредительной работы важно выяснить тенденции индивидуальных стратегий разрешения жизненных трудностей на основе применения существующих диагностических средств и повысить уровень личностно-средовых адаптационных ресурсов. Исследования показали, что к личностно-средовым адаптивным ресурсам следует отнести: 1) уровень когнитивного развития индивида; Я-концепцию; locus контроля; эмпатию; аффилиацию; стрессоустойчивость лица (*личностные ресурсы*); 2) способность оказывать и воспринимать социальную поддержку; наличие социальноподдерживающей сети и поддержание ее эффективности (*средовые ресурсы*).

Учитывая сложившееся неблагоприятное положение в сфере профилактики правонарушений и преступлений, целесообразно решить ряд организационных, правовых, криминологических и психологических проблем:

разработать проект закона о мерах по профилактике противоправных деяний и противодействию преступности, провести его широкое общественное обсуждение и принять. На основе этого закона подготовить среднесрочную государственную программу (3-5 лет) по предупреждению преступлений, определив конкретные полномочия государственных и право-

охранительных органов, а также мероприятия по координации их деятельности в сфере криминологической профилактики;

создать в стране самостоятельную криминологическую службу, включив в ее состав специалистов различных направлений (юристов-криминологов, юридических психологов, педагогов и др.) и определив в качестве основных задач координацию профилактической деятельности государственных и правоохранительных органов, организаций других форм собственности и граждан, СМИ, проведение криминологических экспертиз и конкретных мероприятий по общей и индивидуальной профилактике правонарушений, разработку практических методов профилактической деятельности, систематический и постоянный мониторинг состояния преступности в стране, исследование особенностей девиантного поведения и формирования личности преступника.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Выготский Л.С.** Проблемы возрастной периодизации детского развития. // Вопросы психологии. 1972. №2.
2. Энциклопедия юридической психологии Под общ. ред. А.М.Столяренко. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и Право, 2003.
3. **Lindemann E.** Symptomatology and management of acute grief || Amer. Journ. Of psychiatry. 1944. V. 101. №2.
4. **Психология эмоций.** - СПб.: Питер, 2004. - С. 398-399.
5. **Caplan G.** Emotional crises. - In: The encyclopedia of mental health. N.Y. 1963. Vol.2. p.521-532.
6. **В. Василюк Ф.Е.** Пережить горе // Альтер Эго. Психологический журнал. 1991. №2. С. 5-10.
7. **Лоренц К.** Агрессия (так называемое «зло») - СПб.: Амфора, 2001. - С. 64-70.
8. **Берковиц Л.** Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. С. 32-35.
9. Buss, A.H. The psychology of aggression. - New-York: JohnWiley, 1961.
10. Bandura, A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, N.-Y: Ronald Press, 1973.
11. Baron, R. A. Human aggression. New York: Plenum, 1977. p. 260-263.
12. Dollard, J, Doob, L.W, Miller, N.E, Mowrer, O.H, Sears, R.R. Frustration and aggression. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 1939.
13. **Папкин А.И., Кузнецов Д.Ю.** Негативные эмоциональные состояния сотрудников ОВД в опасных ситуациях профессиональной деятельности и психологические пути их преодоления. Вопросы гуманитарных наук, №5(20), 2005, с.408-417.
14. Психические состояния / Сост. и общ. ред. Л.В.Куликов. - СПб.: Питер, 2001.
15. **Папкин А.И., Папкин И.А.** Юридическая психология: Учебное пособие. - Домодедово: ВИПК МВД РФ, 2006.
16. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю.Головин. - Минск: Харвест, 1998.

Гендер организованной преступности*

Д.В. Сочивко

(Исследования проведены при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект № 07-06-00080а)

Cherchez la femme

Казалось бы, кто же не знает этого крылатого выражения: «Ищите женщину», а вот ведь и не сразу вспоминается, что сказал это не кто иной, как министр французской полиции, и не в праздности пребывающий, а по поводу раскрытия самых сложных преступлений. Получается, что вольная или невольная, но именно организация, причем наихитрейшая, преступлений, по мнению этого великого криминологического ума, является природным уделом женщины. Нам, конечно, сразу возразят, что Ж. Фуше имел в виду женщину как причину преступлений, что преступления как-то группируются вокруг фемининного фактора (или гендера), а совсем не организуются им. Возможно, что это так... и было в 19 веке. Однако мы живем в 21-м. Это, во-первых. Во-вторых, так или иначе женщины, когда выпадет ей соприкоснуться с криминалом, как-то сразу отводятся центральная роль. Об этом писал не только Фуше. Наконец, в третьих, эта статья не о женщинах, а о фемининном гендере, который есть всего лишь комплекс психологических свойств, определяющих социализацию и самоидентификацию личности в обществе и при этом прямо не детерминированный физиологией пола. Фемининность - маскулинность как единое свойство с двумя полюсами присутствует в ин-

дивидуальном выражении в любом человеке. Всякий имеет и фемининные и маскулинные черты с естественным преобладанием тех или иных в зависимости от половой принадлежности. Собственно говоря, такое представление является новым лишь в том смысле, что именно в последнее время гендерные особенности человека стали активно изучаться, появилась новая отрасль научно-психологического знания - гендерная психология.

О мужском и женском как абстрактных началах говорит практически каждая из древнейших философских систем и мировых религий. Культурный архетип мужественности - женственности имеет, на наш взгляд, две существенные стороны диалектического противоречия. С одной стороны, женское практически везде понимается как производное, вторичное (из ребра мужчины), подчиненное, но при этом почему-то темное, греховное, злое. С другой стороны, человеческое бытие невозможно без какого-либо из начал, т. е. и общественное, и индивидуальное (и духовное, и материальное) основано на балансе Инь и Ян, женского и мужского, и нарушение этого баланса имеет разрушительные последствия для истории.

С этой точки зрения в гендерной концепции вообще нет места преступлению. Норма фемининного гендера - это воспроизводство рода и поддержание семейного очага, норма маскулинного гендера - созидательный труд на благо семьи и всего общества. Преступление по своей природе направле-

но против и того и другого. Логично предположить, что совершение преступления и последующее самопринятие себя как преступника того или иного пола сопровождается мощными гендерными изменениями личности. Более того, само изменение структуры гендерной самоидентификации является и одной из причин преступности.

Известно, что с давних времен субкультурные нормы различного рода воров, бандитов, пиратов и прочих бродяг в первую очередь отрицали именно институт семьи. Проще говоря, внутренние нормы субкультуры запрещают настоящим ворам иметь семью, что есть существенное изменение гендерной самоидентификации. Характерно, однако, что опять же с незапамятных времен именно организованные формы преступности строятся по принципу семьи. Это и мафия, и восточные бандитские кланы, и кланы в диаспорах переселенцев. Таким образом, если обратиться к историческим корням, то различия воровской и организованной преступности носят ярко выраженный гендерный характер. Именно разрушение архаической семьи в Новое время, особенно активно развивающееся в 19 веке, совпадает с появлением не только феминистского движения, но и терроризма, и организованной преступности в формах, близких к современным. В настоящее время исследователи отмечают (возможно, как продолжение этого процесса) рост женской преступности, а главное все более увеличивающееся среди женщин число «неженских» преступлений - грабежей, разбоев, корыстных и заказных убийств, сексуального насилия.

Анализируя экспериментальные данные, которые мы приведем ниже, а

также общие тенденции развития преступности, складывается впечатление, что нарождается какой-то новый третий гендер, который постепенно становится реальностью нашего общества. Преступник - это уже не только отказавшийся от ряда социальных, в том числе и гендерных, ценностей (в первую очередь семьи) человек. Это некий монстр с мужской толстокожестью и женским коварством, подростковой беспринципностью и агрессивностью ревнивой самки. Естественная человеческая надполовая духовность заменяется уродливым гендерным суррогатом. Болезненное женское чувство «мое» сливается с мужским «героизмом» отобрать любой ценой.

Однако перейдем к анализу эмпирических данных психологических исследований, дабы совсем не запутаться в метафорах и в конце статьи представить вышеописанный теоретический «коктейль» из вполне реальных психологических свойств современных осужденных.

В исследовании приняли участие осужденные мужчины (67 человек) и женщины (49 человек). Осужденные подбирались так, чтобы характер преступления был связан с некоторой существенной его предварительной организацией: усложненные (квартирные) кражи, мошенничество, групповые подготовленные преступления, наконец, просто действия в составе организованных преступных групп.

Были использованы психодиагностические методы: тест «Самоотношение», разработанный Р.С.Пантелеевым [1], тест LSI Плутчика с соавт.[2], для исследования психологических защит, тест Люшера с расчетом психо-

динамических коэффициентов цветовых предпочтений по Д.В. Сочивко [3].

По тесту «Самоотношение» статистически значимые различия получены по показателям самооценности, самопринятия и самопривязанности. У женщин эти показатели выше, что в общем соответствует обычной логике более высокого уровня самолюбования у женщин. Посмотрим, однако, как принимает себя женщина, совершившая (иногда страшное) преступление. На этот вопрос позволяет ответить факторный анализ матрицы интеркорреляций результатов тестирования обеих групп испытуемых. В результате выделяется два фактора, хотя для обычных граждан, согласно авторам методики, их три. Один из факторов (второй у женщин и первый у мужчин) повторяет фактор общей структуры, объединяя в себе аутосимпатию и самоуважение. Этот фактор общий и неспецифический для гендерных отличий у осужденных можно было бы назвать **самопринятием**. Это уплощение факторной структуры с акцентом на самопринятие тоже является особенностью преступного гендера.

По оставшемуся фактору структуры у мужчин и женщин имеются существенные различия. У женщин этот фактор кроме внутреннего конфликта включает показатели открытости (внутренней честности) и отрицательного самоотношения. Кроме того, у женщин этот фактор выходит на первое место по объему объясняемой дисперсии.

Этот фактор мы бы назвали фактором **самообличения**. Это сугубо гендерный фактор, характерный для фемининной составляющей личности и по существу определяющий ее готовность

к истинному покаянию и раскаянию в совершенном преступлении. В названии мы хотели бы подчеркнуть не просто самообвинение, не просто внутренний конфликт и отрицательное самоотношение, но то, что все эти процессы развиваются на фоне внутренней честности к себе. И напротив, отсутствие внутреннего конфликта связано с закрытостью, самообманом. У мужчин второй фактор внутреннего конфликта не принимает такую обостренную форму самообличения, возможно, в связи с развитием вытеснения и ограниченности осознанности своих поступков.

Итак, фемининная гендерная структура самоотношения как ядро самоидентификации личности осужденных женщин состоит из двух факторов «самообличения» и «самопринятия» (самообольщения), а маскулинная - из факторов «самопринятия» (самообмана) и «внутреннего конфликта».

У женщин специфика фактора самообличения заключается в том, что наряду с внутренним конфликтом туда входят и внутренняя честность, и отрицательное самоотношение. Женщина честно и тяжело (конфликтно) внутренне переживает, что она такая. И полностью себя принимает такой, на еще более высоком уровне, чем мужчина. Больше раскаяния, больше преступления. Семь бед один ответ. В этом заключается парадоксальность женского самоотношения у осужденных: более высокое самопринятие на фоне развитого самообличения: «Такая вот я сво-лочь». А коли так, то министр полиции Ж. Фуше был прав, организует женщины на преступления непосредственно или нет, но она, раз вступив на эту стезю, уже воспринимает ее как свою жизнь.

динамических коэффициентов цветовых предпочтений по Д.В. Сочивко [3].

По тесту «Самоотношение» статистически значимые различия получены по показателям самооценности, самопринятия и самопривязанности. У женщин эти показатели выше, что в общем соответствует обычной логике более высокого уровня самолюбования у женщин. Посмотрим, однако, как принимает себя женщина, совершившая (иногда страшное) преступление. На этот вопрос позволяет ответить факторный анализ матрицы интеркорреляций результатов тестирования обеих групп испытуемых. В результате выделяется два фактора, хотя для обычных граждан, согласно авторам методики, их три. Один из факторов (второй у женщин и первый у мужчин) повторяет фактор общей структуры, объединяя в себе аутосимпатию и самоуважение. Этот фактор общий и неспецифический для гендерных отличий у осужденных можно было бы назвать **самопринятием**. Это уплощение факторной структуры с акцентом на самопринятие тоже является особенностью преступного гендера.

По оставшемуся фактору структуры у мужчин и женщин имеются существенные различия. У женщин этот фактор кроме внутреннего конфликта включает показатели открытости (внутренней честности) и отрицательного самоотношения. Кроме того, у женщин этот фактор выходит на первое место по объему объясняемой дисперсии.

Этот фактор мы бы назвали фактором **самообличения**. Это сугубо гендерный фактор, характерный для фемининной составляющей личности и по существу определяющий ее готовность

к истинному покаянию и раскаянию в совершенном преступлении. В названии мы хотели бы подчеркнуть не просто самообвинение, не просто внутренний конфликт и отрицательное самоотношение, но то, что все эти процессы развиваются на фоне внутренней честности к себе. И напротив, отсутствие внутреннего конфликта связано с закрытостью, самообманом. У мужчин второй фактор внутреннего конфликта не принимает такую обостренную форму самообличения, возможно, в связи с развитием вытеснения и ограниченности осознанности своих поступков.

Итак, фемининная гендерная структура самоотношения как ядро самоидентификации личности осужденных женщин состоит из двух факторов «самообличения» и «самопринятия» (самообольщения), а маскулинная - из факторов «самопринятия» (самообмана) и «внутреннего конфликта».

У женщин специфика фактора самообличения заключается в том, что наряду с внутренним конфликтом туда входят и внутренняя честность, и отрицательное самоотношение. Женщина честно и тяжело (конфликтно) внутренне переживает, что она такая. И полностью себя принимает такой, на еще более высоком уровне, чем мужчина. Больше раскаяния, больше преступления. Семь бед один ответ. В этом заключается парадоксальность женского самоотношения у осужденных: более высокое самопринятие на фоне развитого самообличения: «Такая вот я сволочь». А коли так, то министр полиции Ж. Фуше был прав, организует женщины на преступления непосредственно или нет, но она, раз вступив на эту стезю, уже воспринимает ее как свою жизнь.

Интересным являются различия в защитной сфере осужденных мужчин и женщин. Статистически значимые различия получены по шкалам «проекция» и «реактивные образования». Защиты типа «отрицание» также более выражены у женщин, однако различия лишь намечаются, едва дотягивая до 5%-ного уровня. Их роль опять же проявится в корреляционном анализе.

Реактивные образования как психологическая защита представляют собой мини-концепции своего Я для оправдания в общем-то неприемлемого поведения. Для осужденных таким поведением в первую очередь является совершенное преступление, а также все последующее поведение, основанное на принятом в местах лишения свободы криминальном образе жизни. Самой типичной формой реактивного образования в тюрьме является так называемая жизнь по понятиям. Любой осужденный вам скажет, что в тюрьме иначе нельзя. Иногда это правда, но чаще это просто защита от неприятных сомнений (как поступить) и переживаний. Подтверждение нашей гипотезы мы видим в том, что женщины гораздо более склонны развивать различные оправдательные концепции своего непотребного поведения, чем мужчины, что лишний раз подтверждает большую значимость для них совершенных поступков. Развивая реактивные образования вокруг совершенных поступков, фемининный гендер тем самым идентифицирует их как **свои** поступки, т.е. отводит им вполне определенное значимое место в структуре самоидентификации.

Чтобы исследовать роль *проекции* в защитной сфере женщин-осужденных, необходимо привести данные совмест-

ного корреляционного анализа с показателями теста «Самоотношение». У женщин показатели внутреннего конфликта и самообвинения имеют сильные корреляционные связи как с *регрессионным*, так и с *проекционным* защитными механизмами. У мужчин, в частности, существенную роль в формировании самооценности играет такая защита, как рационализация - нахождение разумных объяснений своим асоциальным действиям и поступкам. Регрессия имеет еще одну естественную корреляцию с внутренней честностью (открытостью). Чем более мужчина нечестен сам с собой, тем более он склонен к регрессу в детство. Интересными также являются высокие коэффициенты корреляций регрессии и показатели лишений в детстве, которые оценивались по специальной анкете. Так, у женщин имеется высокая значимая положительная корреляция с показателем «дефицит внимания близких», а у мужчин с показателями «дефицит игрушек» и «дефицит одежды». Для фемининного гендера важен, таким образом, дефицит живого общения с близкими, для маскулинного дефицит внешних престижных факторов воспитания.

Таким образом, для маскулинного гендера защитная сфера играет свою естественную защитную роль относительно самооотношения, сглаживая внутренний конфликт и излишнюю внутреннюю честность регрессом, проецируя неприятное самообвинение во вне, и повышая собственную самооценку рационализацией своих непотребных действий и поступков.

Самоотношение как ядро гендерной самоидентификации у фемининного гендера нуждается уже в гораздо большей защите и как следствие в гораздо более

развернутой защитной сфере. У женщин гораздо больше корреляционных связей самопринятия и защитной сферы. В отличие от мужчин у женщин подпадают также и примитивные защиты - *отрицание и подавление*. Причем именно эти примитивные отказы в восприятии очевидных фактов защищают внутреннюю честность и внутренний стержень (показатель «самоуправление»). В этом, на наш взгляд, опять проявляется парадоксальность фемининного гендера. Казалось бы, как согласуются примитивные защиты с глубоким самоанализом в самопринятии, с большей внутренней честностью, о которых мы говорили выше. Это своего рода «женская логика», смысл которой в том, что если она принимает себя как преступницу, то принимает очень глубоко и серьезно.

Прежде чем перейти к анализу гендерных отличий по спектру психодинамических коэффициентов, приведем здесь краткое описание этой методики обработки теста цветовых предпочтений, т.к. она еще недостаточно известна. В контексте же данной статьи мы уделяем различиям в цветопредпочтениях особое значение. Характерными здесь являются следующие моменты. Именно у женщин по всему спектру психодинамических коэффициентов получилась картина, в целом сходная по характеру отличий от обычных осужденных мужчин с таковыми отличиями у осужденных за терроризм и за преступления, совершенные в составе организованных преступных групп. Именно женщинам и организованной преступности свойственно системное отвержение зеленого и фиолетового фактора (рис.1,2), ряд других более тонких совпадений, которым мы уделим

место в более пространных публикациях. На наш взгляд, это не случайное совпадение хотя бы потому, что и для женщин (как мы показали выше), и для террористов (и для орг. преступности в целом) преступление это не просто эпизод, или ошибка, или трагическое стечение обстоятельств, а дело всей жизни. Не случайно у женщин, по данным всероссийской переписи (Михлин), в целом выше рецидивная преступность.

Количественный метод системной обработки ряда цветовых предпочтений в восьмицветном тесте Люшера.

Попытки построить всеобъемлющий количественный метод обработки результатов применения теста Люшера как к отдельному испытуемому, так и к группе испытуемых предлагались различными исследователями за всю историю использования этого теста неоднократно. При этом направления поиска путей построения количественной оценки предпочтения людьми одного цвета другому (независимо от обстоятельств восприятия цвета, т.е. цвета вообще, а не цвета чего-то) были самыми различными. Идея самого автора метода - Макса Люшера - заключалась в исследовании топологии цветового соседства и степени удаленности цветов в линейном порядке цветового выбора. Собственно такая топологическая количественная оценка легла в основу классической, в настоящее время качественной, интерпретации цветового выбора по методу разметки цветовых пар и их изменения от первого ко второму и последующим выборам. Предлагались и другие способы оценки. В частности, венгерским исследователем Шипошем был предложен метод расчета вегетативного коэффициента по положению четырех цветов на

основе построения некой функциональной оценки их ранговых мест в ряду цветных предпочтений испытуемого. В основу данной оценки была положена идея противопоставить ранговые места основных и неосновных цветов (как их принимал Люшер), а следовательно, сам коэффициент представляет в количественном виде именно это соотношение и по определению является единственным в своем роде.

Если же вернуться к самым истокам феномена цветового выбора (при этом несколько не умаляя всех сделанных автором метода и последующими исследователями интерпретаций), то поле поиска новых подходов к построению количественных оценок результатов тестирования может быть существенно расширено. Для целей построения системы психодинамических оценок (называемого нами методом расчета психодинамических коэффициентов по **всему** спектру цветового выбора) мы предложили временно абстрагироваться от главной идеи автора теста о существовании основных и дополнительных цветов, т.е. о том, что именно соотношение их ранговых мест лежит в основе интерпретации результатов цветových предпочтений. Предположим, что положение каждого цвета в ряду предпочтений вызывает системные перемещения других цветов. И именно этот комплекс взаимозависимой динамики занятия ранговых мест всем восьми цветами и может лечь в основу построения системы количественных оценок цветового выбора. Собственно говоря, это последнее положение не было нами придумано, но явилось результатом экспериментальных исследований. Было замечено, что определенные психологи-

ческие типы по разработанным нами ранее методам психодинамической диагностики эмоций, воли и познавательной сферы предполагают вполне определенное (в среднем) смещение некоторых цветов к началу ряда, а некоторых к концу. Это наблюдение легло в основу разработки первого психодинамического коэффициента - коэффициента дезадаптации. Люди различных эмоциональных типов (имеется в виду с различными психодинамическими циклами по тесту «Эмоции») показывают устойчивые различия по выбору синего, желтого и черного цветов теста Люшера. Так, одни отвергают синий и черный, а желтый, наоборот, ставят в начало ряда, другие, напротив, отвергают желтый, а синий и черный помещают в начало ряда. Если обратиться к стандартной таблице интерпретаций люшеровских выборов, то относительно первой группы испытуемых можно будет сказать, что эти люди будут противиться разрядке, собирать нервы в кулак, (синий в конце ряда), при этом надеяться на лучшее будущее (желтый в начале ряда) и бороться с ограничениями (черный в конце ряда). Что же касается второй группы, то эти люди скорее будут стремиться к покою (синий в начале ряда), разочаровываться и терять надежду (желтый в конце ряда), вплоть до отчаяния и непредсказуемых действий (черный в начале ряда) (подробнее см. Д.В.Сочивко, 2003, 2007).

Анализируя приведенные устойчивые люшеровские характеристики личности по указанным трем цветам, логично рассматривать испытуемых первой группы как хорошо адаптированных к экстремальным УЖД, а второй - как плохо адапти-

рованных. Основываясь на этом, можно предложить коэффициент дезадаптированности человека как частное от **деления рангового места желтого цвета на сумму ранговых мест синего и черного цвета:**

$$K_{да} = \frac{\text{желтый}}{\text{синий} + \text{черный}}$$

Коэффициент изменяется от 0,07 до 2,67, если умножить коэффициент на 100 и округлить до целого числа, то он будет меняться от 7 до 267. В этой книге могут встречаться как первые, так и вторые числовые значения, представленные в исследованиях, проводимых в разные годы по предложенной нами методике расчета. Умножением на 100 стали пользоваться в самые последние годы.

Высокий К_{да} будет таким образом свидетельствовать о низкой адаптированности и высокой дезадаптации. Аналогично, сравнивая люшеровские выборы испытуемых с разными волевыми, когнитивными и читательскими циклами, мы получили и другие психодинамические коэффициенты (пс.д.к.), которые легли в основу разработки метода оценки экстремальности условий жизнедеятельности человека и общей системной оценки психологической проблемности его личности.

Итак, согласно несложным комбинаторным вычислениям всего психодинамических коэффициентов описанного выше типа может быть 168. Мы приводим их в таблице в порядке, соответствующем положению того цвета, который находится в числителе.

Как можно видеть, приведенная таблица содержит восемь столбцов, каждый из которых включает 21 коэффициент. Распределение значений каждого пси-

ходинамического коэффициента (пс.д.к.) является нормальным на достаточно больших выборках испытуемых, что является достаточно очевидным из общих соображений. Проверки по критерию Колмогорова-Смирнова для конкретных достаточно больших выборок в общем подтверждают этот факт. Хуже всего обстоит дело с черным и серым фактором, т.е. для тех коэффициентов, где в числителе имеются эти цвета. Однако при достаточном количестве в группе испытуемых депрессивных личностей и здесь распределение может быть нормальным.

Таким образом, можно предложить три ступени методической работы с предложенной в таблице моделью пространства цветопредпочтений.

Интерпретация отдельного психодинамического коэффициента представляет интерес в тех случаях, когда исследовательская задача направлена на конкретные проявления личности. Например, в исследованиях процессов адаптации может быть привлечен коэффициент дезадаптации. Также исследовательская задача может касаться различий между теми или иными (по экстремальности) условиями жизнедеятельности или теми или иными психодинамическими типами. Значения выбранного пс.д.к. могут дополнительно характеризовать этот тип. В этом случае пс.д.к. используется как обычный тестовый показатель.

Использование в интерпретациях некоторого множества коэффициентов. Здесь мы уже имеем дело с направленным анализом пространства цветопредпочтений, поэтому это множество должно быть отобрано так, чтобы представлять весь спектр реакций цвето-

Таблица 1

Полная таблица психодинамических коэффициентов по возможным сочетаниям цветов

(в формулы подставляются ранговые места каждого цвета во втором или последнем выборе испытуемого, восьмой номер соответствует серому, дополнительно помечены ранее опубликованные коэффициенты)

	1		2		3		4	
№ коэфф	синий	№ коэфф	зеленый	№ коэфф	красный	№ коэфф	желтый	
1	1/2+3	22	2/1+3	43	3/1+2	64	4/1+2	
2	1/2+4	23	2/1+4	44	3/1+4	65	4/1+3	
3	1/2+5	24	2/1+5	45	3/1+5	66	4/1+5	
4	1/2+6	25	2/1+6	46	3/1+6	67	4/1+6	
5	1/2+7	26	2/1+7	Какт 47	3/1+7	Кда 68	4/1+7	
6	1/2+8	27	2/1+8	48	3/1+8	69	4/1+8	
7	1/3+4	28	2/3+4	49	3/2+4	70	4/2+3	
8	1/3+5	29	2/3+5	50	3/2+5	71	4/2+5	
9	1/3+6	30	2/3+6	51	3/2+6	72	4/2+6	
10	1/3+7	31	2/3+7	52	3/2+7	Кмечт 73	4/2+7	
11	1/3+8	32	2/3+8	53	3/2+8	74	4/2+8	
12	1/4+5	33	2/4+5	54	3/4+5	75	4/3+5	
13	1/4+6	Квн 34	2/4+6	55	3/4+6	76	4/3+6	
14	1/4+7	35	2/4+7	56	3/4+7	77	4/3+7	
15	1/4+8	36	2/4+8	57	3/4+8	78	4/3+8	
16	1/5+6	37	2/5+6	58	3/5+6	79	4/5+6	
17	1/5+7	38	2/5+7	59	3/5+7	80	4/5+7	
18	1/5+8	39	2/5+8	60	3/5+8	81	4/5+8	
19	1/6+7	Ксопр 40	2/6+7	61	3/6+7	82	4/6+7	
Кдо 20	1/6+8	41	2/6+8	62	3/6+8	83	4/6+8	
21	1/7+8	Кизб 42	2/7+8	63	3/7+8	84	4/7+8	
	5		6		7		8	
№ коэфф	фиолет	№ коэфф	коричн	№ коэфф	черный	№ коэфф	серый	
85	5/1+2	106	6/1+2	Ккп 127	7/1+2	148	8/1+2	
86	5/1+3	107	6/1+3	128	7/1+3	149	8/1+3	
87	5/1+4	108	6/1+4	129	7/1+4	150	8/1+4	
88	5/1+6	109	6/1+5	Ккфл130	7/1+5	151	8/1+5	
89	5/1+7	110	6/1+7	131	7/1+6	152	8/1+6	
90	5/1+8	111	6/1+8	132	7/1+8	153	8/1+7	
91	5/2+3	112	6/2+3	133	7/2+3	154	8/2+3	
92	5/2+4	113	6/2+4	134	7/2+4	155	8/2+4	
93	5/2+6	114	6/2+5	135	7/2+5	156	8/2+5	
94	5/2+7	115	6/2+7	136	7/2+6	157	8/2+6	
95	5/2+8	116	6/2+8	137	7/2+8	158	8/2+7	
96	5/3+4	117	6/3+4	138	7/3+4	159	8/3+4	
97	5/3+6	118	6/3+5	139	7/3+5	160	8/3+5	
98	5/3+7	119	6/3+7	140	7/3+6	161	8/3+6	
99	5/3+8	120	6/3+8	141	7/3+8	162	8/3+7	
100	5/4+6	121	6/4+5	142	7/4+5	163	8/4+5	
101	5/4+7	122	6/4+7	143	7/4+6	164	8/4+6	
Кчэ 102	5/4+8	123	6/4+8	144	7/4+8	165	8/4+7	
103	5/6+7	124	6/5+7	145	7/5+6	166	8/5+6	
104	5/6+8	125	6/5+8	146	7/5+8	167	8/5+7	
105	5/7+8	126	6/7+8	147	7/6+8	168	8/6+7	

редпочтений на изменение психодинамики субстанционального деятеля. В этом случае могут быть использованы следующие методические приемы,

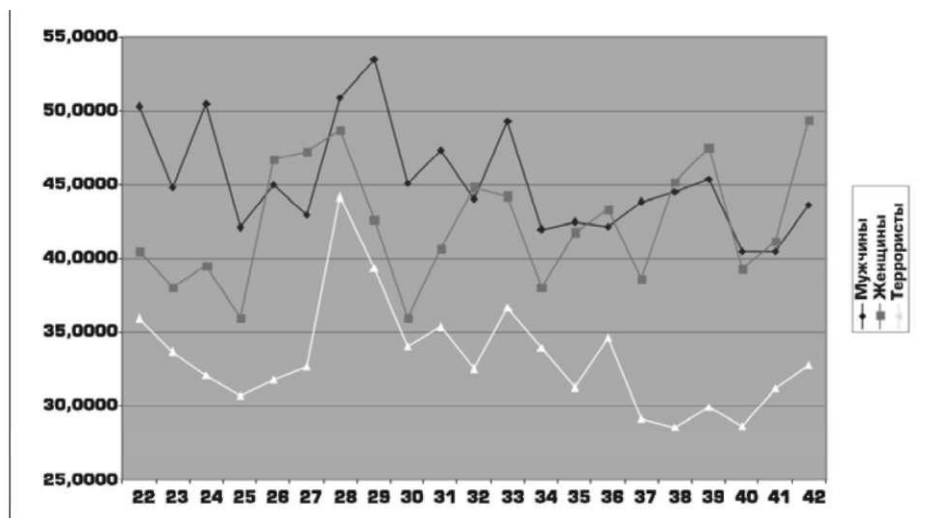
Первый: для интерпретации выбираются те коэффициенты, которые существенно изменились в процессе экспериментальных наблюдений. **Второй:** для интерпретации выбираются те коэффициенты, которые показали высокие значения корреляционных связей со статическими тестовыми показателями, привлеченными в исследовании. **Третий:** для интерпретации выбираются те пс.д.к., которые имеют максимальные и минимальные значения для данной группы. **Четвертый:** для интерпретации выбираются те коэффициенты, которые более всего отличаются от нормы Вальнефера или от средних значений по группе испытуемых, объединенных одними и теми же (по функции экстремальности) условиями жизнедеятельности.

Интерпретация всей модели пространства предпочтений по 168 пс.д.к. В этом случае проводится факторный ана-

лиз матрицы данных из 168 столбцов и n-строк испытуемых, которых не может быть меньше 168, т.к. иначе факторный анализ неприменим. Каждый фактор объединяет обычно коэффициенты какого-то одного цвета, стоящего в числителе. При этом для разных групп характерны разные «разваливающиеся» цвета, которые не собираются в отдельный фактор. Интерпретируется вся факторная структура по последовательности цветовых факторов, по цвету, «развалившиеся» на несколько других цветовых факторов. Далее интерпретируются спектры различий коэффициентов в соответствии с различиями групп или условий тестирования по каждому фактору. Например, в группах испытуемых террористов и обычных осужденных мужчин и женщин существенные отличия были получены по зеленому фактору и фиолетовому фактору (табл. 1, рис.1,2). К анализу чего мы сейчас и переходим.

Рисунок 1

Средние показатели пс.д.к. по зеленому фактору в разных группах осужденных

Из рис.1 отчетливо видно, что системное принятие зеленого по отношению ко всем другим цветам нарастает от наименьшего (у мужчин осужденных) к среднему (у женщин) и наибольшему у террористов (чем ниже коэффициенты фактора, тем ближе к началу ряда предпочтений стоит зеленый цвет).

Очевидно, что террористы предпочитают зеленый цвет не только по цвету чалмы, как склонны интерпретировать наши данные некоторые исследователи. Иначе непонятно, почему

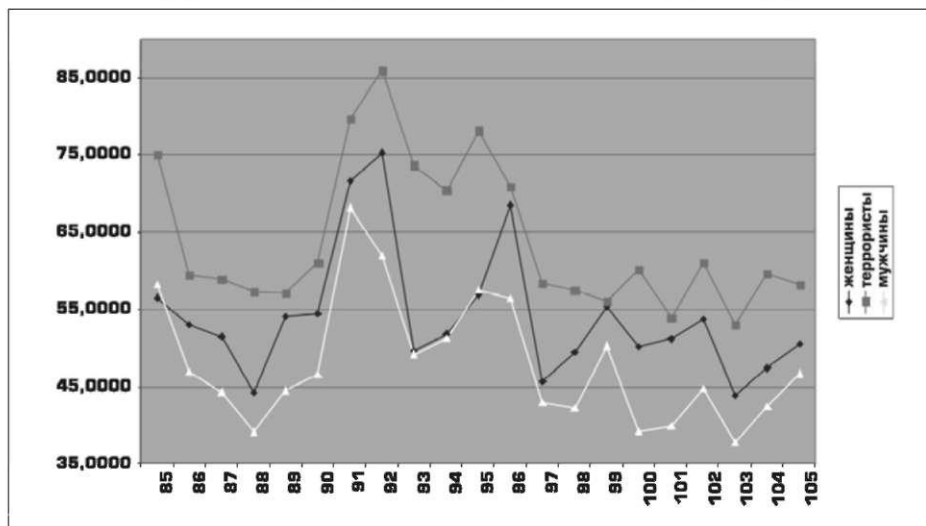
такую же тенденцию по сравнению с мужчинами демонстрируют женщины.

Таким образом, мы хотим здесь подчеркнуть не просто различия в спектре цветовых предпочтений у осужденных мужчин и женщин, но направленность этого различия.

Аналогичная картина, но в обратном порядке наблюдается по фиолетовому фактору. Тенденция системного отвержения фиолетового цвета, наблюдающаяся у женщин по сравнению с мужчинами, ярко выражена у террористов. (рис. 2)

Рисунк 2

Средние показатели пс.д.к. в разных группах осужденных по фиолетовому фактору

Отвержение зеленого по отношению ко всем возможным парам других цветов, системно иллюстрируемое спектром психодинамических коэффициентов, хорошо подтверждает нашу гипотезу о гендерной самоидентификации женщин, т.к. в отвергаемых позициях зеленый цвет прежде всего означает угнетение способности к от-

стаиванию своей позиции, неудовлетворенность своим социальным статусом, при трезвой, рассудочной оценке происходящего, в сочетании с выраженным нежеланием менять ситуацию» [4].

Для маскулинного гендера, напротив, характерно активное отстаивание своей позиции.

Дополняет картину системное отвержение фиолетового: «Напряженность, связанная с тенденцией к сдерживанию эмоцио-нальных проявлений. Выраженная избирательность в межличностных контактах, тонкость вкуса и повышенная сензитивность к внешним воздействиям диктует необходимость повышенного самоконтроля. Повышенные требо-

вания к окружающим как защита от собственной излишней доверчивости». По результатам этого раздела можно сделать вывод о различиях маскулинного и фемининного гендера по зелено-фиолетовому окрасу, при этом **маскулинный гендер выступает как инфантильно-настойчивый, фемининный - как сензитивно-недоверчивый.**

Гендер оргпреступности

Таблица 2

Психологические особенности	Фемининный гендер	Маскулинный гендер	«Гендер оргпреступности»
Факторная структура самоотношения	Наличие фактора «Самообличение»		Полное принятие вины (раскаяние) вместе с полным принятием себя (отказом меняться). Тюрьма — мой крест, моя судьба
Психологические особенности	Фемининный гендер	Маскулинный гендер	«Гендер оргпреступности»
Факторная структура самоотношения			Раз я не могу стать другим, так пусть всем будет хуже
Защитная сфера	Наличие примитивных защит	Наличие фактора «Внутренний конфликт»	«Не виноватая Я»
Защитная сфера	Повышение проекции и реактивных образований		Это вы все виноваты (проекция) и все мужики (или, например, инородцы) сво... (реактивные образования)
Защитная сфера	Регресс		Женщины более всего переживают дефициты живого человеческого общения, прежде всего, общения с близкими. Лишение этого общения порождает месть всем и вся на всю жизнь
Защитная сфера		Регресс	Мужчины более переживают дефициты отношений с внешним миром (не семейным), друзьями. Для них важнее престижные дефициты: одежда, игрушки, книги. Лишили меня этого, так я сам отберу все.
Цветовая самоидентификация	Фемининный гендер выступает как сензитивно-недоверчивый		За обиды — смерть, обманули в лучших чувствах, не прощать никому и никогда
Цветовая самоидентификация		маскулинный гендер выступает как инфантильно-настойчивый	Из беседы с осужденным: «ну и что, что он украл у меня . (ненужную мне вещь). Это мое, за это я его обокрал».

Вот такой «третий» гендер все активнее в лице новой (организованной и особенно молодежной) преступности начинает через свои субкультуры завоевывать и социокультурное пространство. Целью этой статьи было привлечь внимание исследователей к глубинным архитипическим процессам, происходящим в современном обществе и выражающимися, в частности, в таких уродливых явлениях, как организованная преступность во всех ее проявлениях.

Литература:

1. Методика исследования самоотношения (МИС) / Аладьин А.А., Пергаменщик Л.А., Фурманов И.А. Психодиагностика и психокоррекция в воспитательном процессе. Мн., 1992.
2. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Института психотерапии. 2002. - С. 444-451.
3. Сочивко Д.В. Психодинамика. М., МПСИ. - 2007 г.
4. Люшер Макс Цветовой тест Люшера. Спб 2006. с.190

Социально-психологические предпосылки эффективной деятельности спецподразделений по конвоированию ФСИН России

*Д. А. Красов, А. В. Кокурин,
А. И. Мокрецов*

Изучение пенитенциарной практики и анализ имеющейся литературы дают основания полагать, что эффективность служебной деятельности сотрудников специальных подразделений по конвоированию ФСИН России в значительной мере обуславливается психологическими факторами, например уровнем развития индивидуально-личностных качеств сотрудников, структурно-динамическими характеристиками взаимоотношений в коллективах, стилем руководства, практическими навыками рационального поведения в трудных ситуациях¹.

Сегодня становится все более очевидным, что, казалось бы, отлаженные и функционирующие модели отбора кадров в органы УИС и профессиональной подготовки личного состава сами по себе не приводят к качественному выполнению функционально-ро-

левых обязанностей и не способствуют улучшению служебной деятельности сотрудников органов и учреждений УИС. Можно привести немало примеров, когда напряженные взаимоотношения и неадекватный стиль руководства приводили к текучести кадров, нарушениям дисциплины и законности, а также ставили под угрозу выполнение поставленных задач.

Какими мотивами предпочитают руководствоваться сотрудники при поступлении на службу в спецподразделение по конвоированию, и чем отличается их деятельность от других функциональных служб УИС? Для ответа на эти вопросы исследовательской группой НИИ ФСИН России в течение 2007 года проведен опрос сотрудников управлений (отделов) по конвоированию по выявлению их мотивационных тенденций, структуры и динамики меж-

личностных отношений, профессиональной подготовленности, а также других социально-психологических составляющих служебной деятельности.² Обратимся сначала к факторам, которые обуславливают процесс профессионального становления и эффективность совместной работы сотрудников отделов по конвоированию. Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что значительная часть этой категории сотрудников при выборе своей служебной карьеры руководствовалась активным желанием иметь «удобный график работы» (31,5 %), затем следуют удовлетворение социальных и материальных интересов (28,3 % и 23,5 % соответственно), нередко в качестве определяющих факторов выступали «возможность принести пользу обществу» (14,5 %) и «оказание помощи людям, попавшим в беду» (2,6 %).

Практически каждый седьмой из общего числа обследованных сотрудников (13,4 %), считает наиболее привлекательной возможность самореализации. Примерно столько же респондентов указывают на взаимосочетание престижности службы (7,2 %) с уважением к ним со стороны ближайшего социального окружения (8,2 %), а каждый десятый (10,2 %) отметил в качестве ведущих мотивов борьбу с преступностью.

При ответах на вопрос: «Что, главным образом повлияло на Ваше решение поступить на службу в подразделение, в котором Вы проходите службу?» третья часть обследованных отметила, что решающим обстоятельством явились «советы друзей, родственников» (33,9 %). К этой же категории можно отнести ответ «следование семейным традициям» (8,6 %). Второе место в

рейтинге привлекательности занимают социальные ожидания, сопряженные с улучшением своего экономического положения, и материальной обеспеченности (31,0 %). Заметим, что такой мотив, как «стремление утвердиться в глазах окружающих» явился, решающим лишь для незначительной части опрошенных сотрудников отделов по конвоированию (5,3 %).

Подобное распределение ответов, на наш взгляд, обуславливается рядом причин объективного и субъективного характера. Во-первых, в социальном контексте преобразований, происходящих сегодня в обществе и пенитенциарной системе в частности, сотрудники органов и учреждений УИС прямо или косвенно желают улучшить собственное материальное положение и благосостояние своих семей. Во-вторых, негативные тенденции, сопряженные с текучестью кадров за последние несколько лет, порождались недостаточным уровнем денежного содержания, отсутствием перспектив продвижения по службе, хроническими трудностями в семейно-бытовой сфере (73,7 %, 43,5 %, 39,9 % соответственно). Кроме того, 35,3 % опрошенных указали в качестве негативных факторов конфликты с вышестоящим руководством, а 16,5 % - физическую и психологическую усталость («все надоело»).

Так, на вопрос: «Что Вы лично хотели бы достичь в рамках сегодняшних преобразований, происходящих в стране?» подавляющее большинство респондентов (84,3 %) на первое место опять же поставили улучшение своего материального положения³ (рис. 1). Обнадешивает, что для достижения своих целей значительная часть оп-

рошенных подчеркивает свое желание продолжить службу в органах и учреждениях УИС (40,1 %), добиться реальных успехов и продвинуться по «служебной лестнице» (50,0 %). Достаточно оптимистичное настроение прослеживается при взгляде сотрудников на свое ближайшее будущее. Например, около половины опрошенных 48,3 % полагают, что их положение изменится в лучшую сторону, 35,9 % высказывают более осторожные оценки («хуже не будет»), а 13,2 % респондентов вообще старается «не заглядывать вперед». И только незначительная часть из них придерживаются пессимистических взглядов 2,3 %. (рис. 1)

(61,2%), либо удовлетворительный (12,4 %). На высокую степень подготовленности указали 26,4 % сотрудников. По мнению большинства опрошенных членов служебных коллективов спецподразделений по конвоированию, отношение их сослуживцев к выполнению должностных обязанностей может расцениваться как позитивное (64,2 %). Удовлетворительно отзывается о работе своих товарищей почти каждый третий из числа обследованных (28,7 %). Лишь незначительная часть респондентов (3,0 %) считает, что их коллеги работают «спустя рукава», или под сильным «нажимом» сверху (3,2 %), и только 0,4 % опрошенных уверены, что их сослуживцы

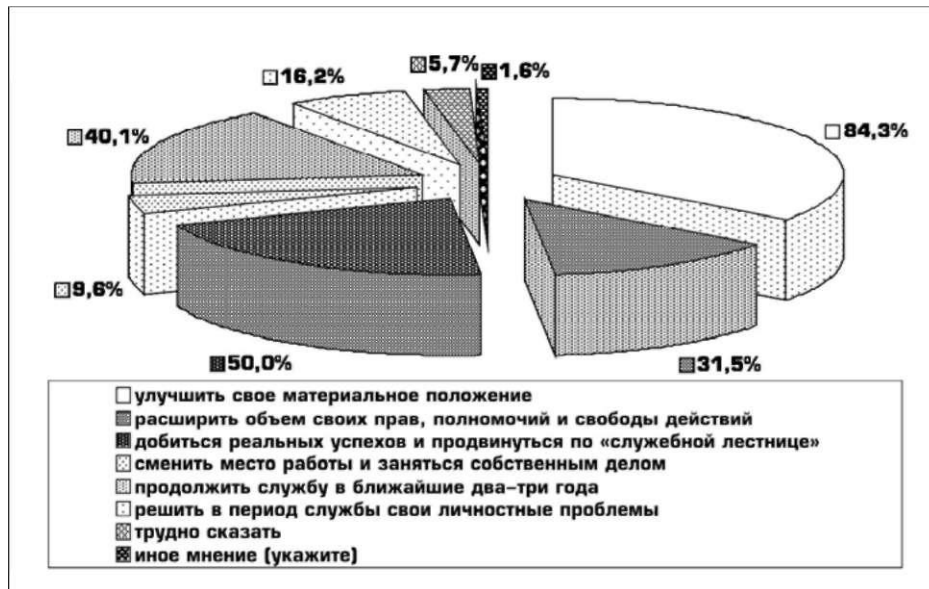

Рисунок 1. Структура социальных ожиданий сотрудников спецподразделений по конвоированию (в %, к общему числу опрошенных).

Что касается оценки уровня собственной профессиональной подготовленности, то большая часть респондентов оценивает его как средний

работают плохо.

Полученные данные позволяют говорить о трех основных мотивационных тенденциях, отражающих степень

рошенных подчеркивает свое желание продолжить службу в органах и учреждениях УИС (40,1 %), добиться реальных успехов и продвинуться по «служебной лестнице» (50,0 %). Достаточно оптимистичное настроение прослеживается при взгляде сотрудников на свое ближайшее будущее. Например, около половины опрошенных 48,3 % полагают, что их положение изменится в лучшую сторону, 35,9 % высказывают более осторожные оценки («хуже не будет»), а 13,2 % респондентов вообще старается «не заглядывать вперед». И только незначительная часть из них придерживаются пессимистических взглядов 2,3 %. (рис. 1)

(61,2%), либо удовлетворительный (12,4 %). На высокую степень подготовленности указали 26,4 % сотрудников. По мнению большинства опрошенных членов служебных коллективов спецподразделений по конвоированию, отношение их сослуживцев к выполнению должностных обязанностей может расцениваться как позитивное (64,2 %). Удовлетворительно отзывается о работе своих товарищей почти каждый третий из числа обследованных (28,7 %). Лишь незначительная часть респондентов (3,0 %) считает, что их коллеги работают «спустя рукава», или под сильным «нажимом» сверху (3,2 %), и только 0,4 % опрошенных уверены, что их сослуживцы

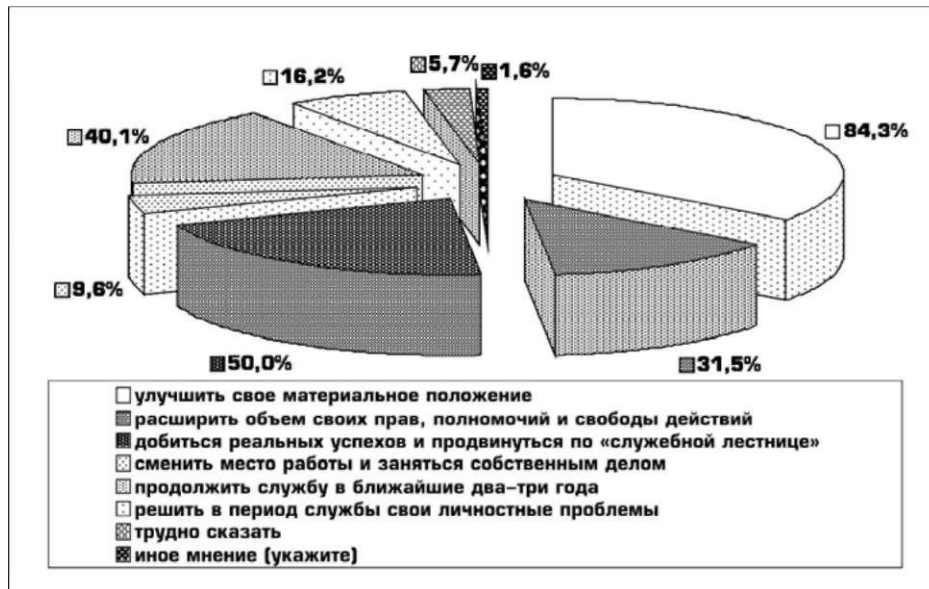

Рисунок 1. Структура социальных ожиданий сотрудников спецподразделений по конвоированию (в %, к общему числу опрошенных).

Что касается оценки уровня собственной профессиональной подготовленности, то большая часть респондентов оценивает его как средний

работают плохо.

Полученные данные позволяют говорить о трех основных мотивационных тенденциях, отражающих степень

соответствия деятельности сотрудника задачам спецподразделений по конвоированию, которые могут, в свою очередь, являться индикатором правильности выбора этой профессиональной деятельности. В зависимости от степени личностной значимости первая группа отличается яркой выраженностью материальной направленности интересов и потребностей. Для второй группы доминирующим стремлением выступает устойчивый интерес к избранной профессии и своему личностному развитию. Третья группа характеризуется случайным или ситуативным выбором этого вида деятельности и зависимостью от среды своего ближайшего социального окружения. Весьма характерно, что у сотрудников подразделений специального назначения ФСИН России, по сравнению с анализируемой категорией сотрудников, приоритетным является внутренняя мотивация и высокий уровень профессиональной самооценки, а внешние материальные и ситуативные побуждения занимают соответственно второе и третье место в общем перечне мотивационных составляющих. Более того, сотрудников, случайным образом избравшим карьеру, крайне мало, и долго они в подобных подразделениях, как правило, не задерживаются⁴.

Результаты исследования говорят о том, что практически каждый четвертый сотрудник отделов по конвоированию (24,3 %) был задействован в специальных мероприятиях, причем 11 % опрошенных - на территории Чеченской Республики. Почти столько же (10,9 %) сотрудников принимали участие в задержании осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений.

Обеспечивали поддержание и восстановление правопорядка в местах лишения свободы 10,7 % опрошенных сотрудников. Только незначительная часть из них привлекалась к операциям по освобождению заложников (1,0 %).

В ходе проведения специальных операций использовал индивидуальные специальные средства защиты каждый пятый из числа опрошенных (22,8 %). Однако в отличие от спецназовцев, где почти каждый третий (29,6 %) применял оружие на поражение, к крайним мерам обеспечения безопасности прибегали лишь незначительная часть сотрудников отделов по конвоированию (3,7 %)⁵. Таким образом, подавляющему числу опрошенных (70,2 %) не пришлось прибегать ни к специальным средствам, ни к табельному оружию в ходе своей служебной деятельности.

Какие эмоциональные состояния испытывают сотрудники спецподразделений по конвоированию в ходе проведения специальных операций? Согласно полученным данным, для 11,2 % опрошенных преобладающим чувством выступает «интерес», на «возбуждение» указывают 9,5 %, «бесстрашие» проявляется у незначительного количества респондентов (4,7 %). Такие отрицательные эмоциональные состояния, как «тревога», «гнев», «ярость», «страх», «отвращение» или «презрение» испытывают соответственно 7,3 %, 3,7 %, 3,7 % и 1,4 % опрошенных сотрудников.

Если проанализировать картину типичных состояний, переживаемых сотрудниками отделов по конвоированию после проведения спецопераций, то каждый десятый (10,8 %) в качестве

преобладающей эмоции отмечает у себя «усталость». Такие позитивные эмоции, как «радость», «гордость» и «удовлетворенность собой за хорошо выполненную работу», отмечают у себя соответственно 11,5 %, 9,1 % и 10,5 % респондентов.

Результаты проведенного опроса позволяют утверждать, что в настоящее время заметно активизировалась работа пенитенциарных психологов с сотрудниками спецподразделений по конвоированию практически на всех этапах подготовки и проведения специальных операций. Подобное мнение характерно для значительной части опрошенных в ходе нашего исследования респондентов (41,2 %).

Несмотря на столь обнадеживающие результаты, мы сталкиваемся с определенными проблемами, связанными с организацией медико-психологического сопровождения служебной деятельности этой категории сотрудников. Достаточно сказать, что только каждый десятый из общего числа опрошенных (10,8 %), после пребывания в экстремальной ситуации был включен в реабилитационные медико-психологические мероприятия, а 2,3 % опрошенных указали, что подобная работа с ними в постэкстремальный период вообще не проводилась.

Какие причины и обстоятельства влияют на качество служебной деятельности сотрудников спецподразделений по конвоированию? Ключевую роль играет «нацеленность на успешное решение поставленных задач» (38,4 % респондентов), далее следует «стремление не подвести сослуживцев» (32,2 %) и «чувство долга» (23,6 %). Престижность служ-

бы в спецподразделениях по конвоированию подчеркивает каждый пятый из числа обследованных сотрудников (20,0 %), «желание заслужить внимание окружающих» - 9,5 %⁶.

Наиболее распространенными причинами, негативно влияющими на выполнение служебных задач, являются сложные условия труда (44,1 %) в совокупности с недостаточно продуманными моделями стимулирования сотрудников (52,6 %). На втором месте стоит некомпетентность руководства, которая проявляется, по мнению опрошенных, в «необъективности оценок результатов деятельности» (41,1 %), «нечеткости в определении служебных задач» (25,7 %), «слабой координации действий сотрудников» (21,3 %) и «авторитарном стиле управления коллективом» (27,3 %). На третье место личный состав спецподразделений по конвоированию поставил «недостаточную сплоченность членов служебного коллектива» (25,1 %). К числу факультативных факторов, затрудняющих работу опрошенных, относятся недостаточная тактическая выучка сотрудников, а также психологическая некомпетентность (соответственно 14,8 % и 7,9 % из числа респондентов).

Отношения с непосредственными начальниками у большинства опрошенных сотрудников носят либо доброжелательный, либо сугубо официальный характер (соответственно, 34,8 % и 57,3 %). Лишь у незначительной части они имеют «отчужденную или конфликтную окраску» (4,9 % и 0,7 % соответственно). Несмотря на достаточно высокий уровень удовлетворенности взаимоотношениями по «вертикали», рядовые сотрудники указывают на ряд

признаков, препятствующих развитию сплоченности служебных коллективов. Как правило, они затрагивают *стилевые* характеристики управления служебными коллективами.

Если рассматривать профессионально важные качества, которыми должны в большей степени обладать идеальные руководители управлений (отделов) по конвоированию, то, по мнению опрошенных сотрудников, они в первую очередь должны быть «справедливыми», «авторитетными» (75,6 % и 63,2 %), «ответственными» и «требовательными» (47,7 % и 46,7 %), «уверенными в себе» и «инициативными» (36,9 % и 25,9 %).

Заметим, что такие базовые социально-психологические качества, как «веж-

ливость» и «доброжелательность», оцениваются сотрудниками спецподразделений по конвоированию также высоко, по сравнению с личным составом отделов специального назначения (37,6 % и 6 % соответственно)⁷⁷. А.В. Кокурин, А.И. Мокрецов Особенности социально-психологического климата в отделах специального назначения ФСИН России; Ведомости уголовно-исполнительной системы. №3. 2007).

Показательно, что столь необходимые в человеческих отношениях качества, как «мягкость» и «отзывчивость», с одной стороны, и «жесткость» - с другой, не являются предпочтительными для сотрудников отделов по конвоированию (7,6 % и 7,0 % опрошенных) рис. 2.

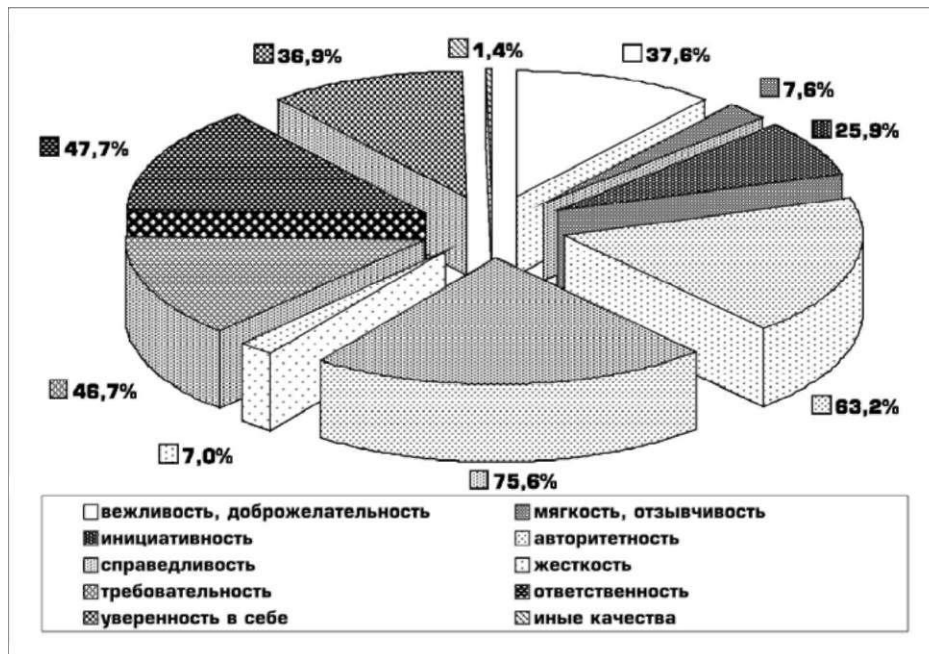

Рисунок 2. Структура личностных качеств, необходимых руководителям спецподразделений по конвоированию (в %, к общему числу опрошенных).

В контексте полученных данных интересно проанализировать профессионально важные качества, которыми должны обладать сотрудники отделов по конвоированию. Здесь предпочтение отдается «добросовестности» (68,0 %), «дисциплинированности» (49,4 %), «уверенности в себе» (37,9 %), «физической силе» и «выносливости» (37,8 %), «уравновешенности» (35,2 %). В число наиболее предпочтительных индивидуально личностных черт входят также «смелость» (25,6 %), «чувство локтя» (22,4 %), «сообразительность и находчивость» (25,6 % и 22,4 %), «внимательность», а также «преданность делу» (соответственно 22,7 % и 21,0 %). Среди сотрудников спецподразделений по конвоированию менее ценными чертами являются «интеллектуальная развитость» (12,9 %), «самостоятельность» (11,8 %), «активность» и «инициативность» (10,8 %). Интересно, что аналогичным образом последние два качества оцениваются и сотрудниками подразделений специального назначения. С другой стороны, каждый четвертый сотрудник отделов по конвоированию расценивает «внимательность» как весьма необходимое качество (22,6 %), а среди спецназовцев это качество как важное отмечают лишь 2,8 % опрошенных.

Таким образом, из достаточно обширного эталонного набора профессионально важных качеств, необходимых сегодня сотрудникам отделов по конвоированию, большинство отдает предпочтение добросовестности, физической силе, выносливости, находчивости, чувству групповой сплоченности, а также смелости. Представляется, что по-

добное смещение личностных выборов обусловливается высокой психофизической напряженностью этого вида служебной деятельности. «Перемещение» на второй план таких индивидуальноличностных черт, как «инициативность» и «самостоятельность», оказывается, скорее всего, своеобразным следствием директивного стиля руководства (что является нормой для сотрудников тех подразделений, которые несут службу с табельным оружием) и недостатками в организации профессиональной, в том числе психологической, подготовки сотрудников.

Оценивая уровень своей личной безопасности, значительное количество опрошенных связывает потенциальные угрозы с ухудшением оперативной обстановки в стенах пенитенциарных учреждений, например с возможностями нападения на персонал (44,8 %), побегами осужденных (30,5 %), групповыми эксцессами (28,9 %), захватами заложников (26,8 %), усилением влияния неформальных групп осужденных (13,6 %) и их лидеров (16,1 %), обострением межличностных и межгрупповых конфликтов, (11,9 % и 10,2 %) массовыми отказами от работы (11,1%), обострением межнациональных противоречий (7,8 %).

Анализ полученных данных показывает, что психологическая картина межличностного взаимодействия в служебных коллективах отличается уважительной и доброжелательной направленностью общения (71,3 % опрошенных). На исключительно деловой или официальный характер взаимодействия указывает почти каждый третий

из числа обследованных сотрудников (28,3 %). А вот напряженными, конфликтными и даже враждебными свои отношения со своими сослуживцами считают соответственно 1,4 % и 0,1 % респондентов. Отметим, что в подавляющем большинстве служебных коллективов между сотрудниками складываются доверительные отношения (51,1 %), наблюдается заинтересованность в решении профессиональных и социально-бытовых вопросов. По мнению каждого третьего опрошенного сотрудника (35,5 %), среди них преобладает «деловой, творческий настрой», при этом рабочие нагрузки распределяются достаточно равномерно. Полученные данные позволяют утверждать, что во многих отделах существуют определенные предпосылки для формирования социально-психологического чувства сопричастности, которое выступает в качестве силы, способной объединить личный состав в сплоченную команду или профессиональное ядро.

Значительно реже социально-психологический климат в служебных коллективах оценивается как неблагоприятный. Внешними индикаторами этого являются хронические опоздания и длительные «перекуры» сотрудников, дифференциация статусов по принципу «привилегированных и неугодных», распространение дезинформации и слухов, конфликты, случаи притеснения.

По мнению обследуемых, типичными факторами обострения напряженности являются; «неадекватное понимание и несогласованность действий», «взаимные упреки», «слабая профессиональная подготовленность отдельных членов коллектива», «вспыльчивость и несдержанность». В число менее выраженных

входят: «недостаточная компетентность руководителей», «авторитарный стиль руководства» подразделениями. Наконец, третья группа факторов коррелируется с «напряженными условиями деятельности» и «чрезмерными психологическими нагрузками». Несмотря на то что степень конфликтной активности не столь значительна (72,0 %), некоторые сотрудники указывают на ее повышение (11,8 %). Заметим, что 9,6 % из числа опрошенных сотрудников указывают на хронические конфликты в своих служебных коллективах.

Что лежит в основе конфликтов, возникающих в спецподразделениях по конвоированию? Результаты исследования показывают, что подавляющая часть противоречий вызывается следующими факторами (расположены в порядке убывания частоты значимости):

- нарушение требований службы (18,7 % от общего числа опрошенных сотрудников);
- взаимные антипатии (16,8 %);
- оскорбительные действия одного из участников общения (14,4 %);
- совместное употребление алкоголя (9,9 %);
- распространение необоснованных сплетен о сотрудниках (9,5 %);
- несправедливое распределение материальных и моральных поощрений между сотрудниками (6,8 %);
- нарушение общепринятых принципов и правил поведения (6,3 %);
- потеря «чувства локтя» или ненадежность при выполнении совместных служебных задач (5,2 %);
- религиозные разногласия (2,6 %);
- материальные претензии друг к другу (2,3 %);
- национальная нетерпимость (1,0 %)

Что касается динамики конфликтов, то они в основном носят скоротечный, быстро «затухающий» характер (32,6 %). Тем не менее в служебных коллективах между сотрудниками возникают и затяжные долговременные разногласия (17,4 %). Наиболее «популярными» способами урегулирования конфликтов являются нахождение компромиссов, например, взаимные уступки или заключение договоренностей (35,9 %). Конструктивное разрешение межличностных противоречий с привлечением посредников или добровольный отказ от действий одного из участников конфликта отмечаются соответственно 7,2 % и 8,2 % респондентов. Примерно столько же опрошенных предпочитает обращаться за советом к психологу (7,2 %).

К жестким инструментам влияния на «обидчика», например с использованием угроз и оскорблений, прибегают 5,3% и 10,6% опрошенных соответственно. По мнению сотрудников, наиболее конструктивными тактиками разрешения конфликтов могут служить:

- достижение согласия между конфликтующими сторонами (18,7 %);
- проведение индивидуальных профилактических бесед с инициаторами конфликта (18,1 %);
- своевременное устранение слухов или искаженной информации (14,9 %);
- обращение за помощью к наиболее авторитетным членам служебного коллектива (13 %);
- применение обоснованных и справедливых мер дисциплинарного воздействия (12 %)
- ограничение числа участников конфликта (11,2 %);
- посредничество психологов (10,9 %).

При отстаивании своей точки зрения в конфликтах большинство сотрудников спецподразделений по конвоированию, как правило, достаточно адекватно оценивают свои коллективные способности и возможные последствия конфликтов (80,5 %). Каждый десятый ориентируется на общепринятые стандарты поведения, своего рода корпоративные правила взаимодействия (10,1 %). Лишь немногие опрошенные переоценивают угрозу возможных последствий конфликта для себя лично (5,3 %), остальные предпочитают избегать противоречий со своими сослуживцами (2,7 %).

Типичными объективными признаками назревающих конфликтов, по мнению опрошенных сотрудников, являются (расположены в порядке убывания значимости): «нарастание эмоциональной напряженности, недовольства и агрессивности» (33,8 %); «целенаправленное распространение слухов, дезинформации» (29,9 %); «невыполнение указаний руководства» (13,5 %); «проявление оппозиционных настроений, критических высказываний» (12,1 %); «активизация общения в неформальных группах» (4,2 %). Незначительная часть опрошенных указывает, что им сложно судить о признаках назревающих конфликтов (3,4 %). Представляется, что изучение причин и обстоятельств возникновения конфликтов позволяет, во-первых, разработать комплекс мер по повышению уровня развития и организованности коллективов спецподразделений по конвоированию, а во-вторых, организовать цикл практических занятий по повышению конфликтологической компетентности сотрудников и руководителей.

Какие меры могут повысить результативность служебной деятельности и укрепить психологическую сплоченность коллективов? Анализ полученных результатов дает основание полагать, что подавляющее большинство опрошенных сотрудников спецподразделений по конвоированию надеется на увеличение денежного содержания (74,3 %). Следующее место по популярности занимают ответы, затрагивающие расширение возможностей продвижения по служебной лестнице (41,7 %). Примерно такое же количество опрошенных указывает на улучшение условий профессиональной деятельности (42,4 %) ⁸.

Почти каждый третий респондент (30,5 %) говорит о необходимости повышения требований к индивидуально

личностным качествам кандидатов на службу, чуть меньшее количество опрошенных (28,6 %) видит выход в «совершенствовании законодательства, расширении объема прав и должностных полномочий сотрудников». Каждый четвертый (27,2 %) настаивает на улучшении материально-технического и боевого обеспечения управлений (отделов) по конвоированию. На необходимость исполнительской и личной дисциплины, а также повышение психологической сплоченности коллективов указывает соответственно 24,0 % и 21,1 % опрошенных. Изменение стиля руководства в качестве меры, способствующей повышению результативности деятельности подразделения, является значимым для 19,5 % респондентов. рис. 3.

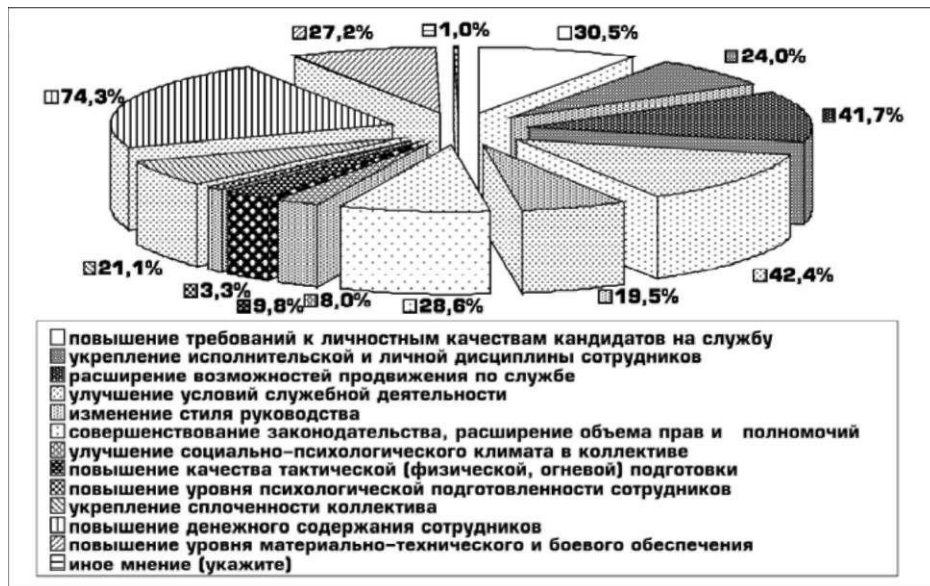

Рисунок 3. Распределение мнений сотрудников спецподразделений по конвоированию относительно мер, способствующих улучшению служебной деятельности (в %, к общему числу опрошенных).

В социально-психологическом плане настораживает весьма характерная тенденция, указывающая, что лишь незначительное меньшинство опрошенных усматривают резервы совершенствования служебной деятельности в повышении качества тактической, физической и огневой подготовки (9,8 %), улучшении морально-психологического климата в служебных коллективах (8,0 %), формировании практических навыков рационального поведения в экстремальных ситуациях (3,3 %). Это весьма показательные симптомы, которые следует учитывать при разработке программ психологической и воспитательной работы с личным составом органов и учреждений УИС.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что сегодня руководители управлений (отделов) по конвоированию должны наращивать усилия по реализации задач психологического и социального порядка. В их число входят, укрепление атмосферы сотрудничества, оказание психологической и материальной поддержки членам коллективов, использование мобильного стиля управления, улучшение денежного содержания сотрудников. На наш взгляд, в сфере управления служебными коллективами сотрудников органов и учреждений УИС наиболее предпочтительными являются социально-психологические подходы. С одной стороны, они базируются на собственных (компетентность руководителя) и внешних (потенциалы коллектива) ресурсах с точки зрения ожидаемых результатов работы. С другой стороны, они опираются на гуманистичес-

кие ценности, например, уважение и доверие к личности сотрудника, открытость и коллегиальность, а также дифференцированный подход к конкретным субъектам деятельности (учет профессиональных и индивидуально-психологических особенностей, условий жизни), которые будут способствовать укреплению сплоченности и повышению мотивации сотрудников.

¹ См., напр.: **Кокурин А.В.** Психологическое обеспечение экстремальной деятельности // Развитие личности. № 1, 2004.

² Выборочная совокупность исследования составила 696 сотрудников отделов по конвоированию, дислоцированных в 11 территориальных органах УИС. Возрастной диапазон у половины респондентов варьировал от 26 до 35 лет (52,2 %). Для каждого пятого (20,8 %) составлял от 36 до 45 лет. Почти каждый четвертый опрошенный (23,4 %) имел возраст от 18 до 25 лет, остальные 2,6 % были старше 45 лет. Высшее образование имели 16 % сотрудников, незаконченное высшее - 8,2 %. Среднее специальное, либо среднее (51,4 % и 23,3 % соответственно). Общий стаж службы в пенитенциарной системе почти у каждого четвертого из числа опрошенных (24,1 %) составляет более 10 лет. Каждый пятый (19,3 %) служит от 7 до 10 лет. Стаж службы от 1 до 3 лет имеет 15,9 % опрошенных, от 3 до 5 лет - 19,4 %. Почти у каждого восьмого (12,2 %) стаж службы составляет от 5 до 7 лет. Лишь 7,8 % сотрудников служат в органах и учреждениях УИС менее одного года.

³ Допускалось несколько вариантов ответов.

⁴ См. **Кокурин А.В., Мокрецов А.И.** Социально-психологические предпосылки эффективной деятельности специальных подразделений // Вопросы психологии экстремальных ситуаций, № 3, 2006.

⁵ См.: **Кокурин А.В., Мокрецов А.И.** Особенности социально-психологического климата в отделах специального назначения ФСИН России // Вестник уголовно-исполнительной системы, № 3, 2007.

⁶ В данном случае допускалось несколько вариантов ответов на поставленный вопрос.

⁷ Допускалось несколько вариантов на поставленный вопрос.

Субкультурные особенности представлений о жертвах преступлений у осужденных женщин.

А.В. Молоствов

(Исследования проведены при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект № 07-06-00080а)

В нашей работе по изучению представлений осужденных о жертвах преступлений [1] было доказано, что представления осужденных о жертвах преступлений базируются на личностных характеристиках испытуемых, опыте реального (главным образом, преступного) взаимодействия с жертвами и предписаниях преступной субкультуры относительно жертв преступлений.

Личностный компонент представлений о жертвах и опыт взаимодействия с ними осужденных рассмотрены нами в указанной работе. Целью настоящей статьи является рассмотрение субкультурной составляющей представлений осужденных о жертвах преступлений.

Для создания инструмента психодинамической диагностики типов социокультурных ориентаций человека профессором Д.В. Сочивко была проведена специальная групповая процедура [2].

Основываясь на классических работах Д. Майерса, Н. Смелзера, мы предположили, что социокультурное поведение человека, его включение в культуру либо субкультуру происходит в результате его социализации (т. е. освоения норм культуры (субкультуры) и их принятия), а так же связано с тем,

что доминирует у человека - индивидуальный самоконтроль или обязательства общественной солидарности [3,4]. Человек, помещенный в поле доминирующей субкультуры (в нашем случае это исправительная колония), должен адаптироваться к субкультуре. Механизм его адаптации, по нашему мнению, связан с выраженным у него типом социокультурных ориентаций. Таким образом, личный опыт освоения человеком субкультуры мы измеряем степенью его социализации и ориентации его в жизни на себя или на сообщество. Комбинируя степени социализации и выраженности индивидуальности, мы получаем следующие типы освоения человеком субкультуры:

1. Социализирован (освоил нормы культуры, принял и использует их в жизни) - **индивидуирован** (ориентируется на личные достижения);

2. Социализирован - коллективен (ориентируется в первую очередь на групповые достижения);

3. Не социализирован (не освоил нормы культуры, не принял и не использует их в жизни) - **индивидуирован** (ориентируется на личные достижения);

4. Не социализирован - коллективен.

Данные типы были нами условно обозначены так:

1. Карьерист (знает жизнь, знает правила игры, принимает их - ори-

ентируется на собственный выигрыш);

2. Партиец (знает жизнь, знает правила игры, принимает их - ориентируется на выигрыш своей группы);

3. Наблюдатель (скорее знает правила игры, но не принимает их как свои, легко способен играть по другим правилам и менять культурную среду - ориентируется на собственный выигрыш, автономен от группы, ответственность за события берет на себя);

4. Дегустатор (скорее знает правила игры, но не принимает их как свои, легко способен играть по другим правилам и менять культурную среду - ориентируется на одобрение социального окружения, ответственность за события жизни возлагает на окружение).

Основываясь на идее психодинамики состояний человека [5], мы предполагаем, что возможна цикличность пребывания человека в вышеуказанных состояниях. Таким образом, возможны следующие динамические циклы:

(КП)	(КН)	(КД)	(ПН)	(ПД)	(НД)
------	------	------	------	------	------

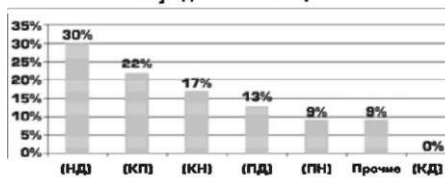
В процессе групповой процедуры был предложен и апробирован опросник для диагностики психодинамических циклов социокультурных ориентаций [5].

Данный опросник совместно с опросником для диагностики представлений осужденных о жертвах преступлений [1] был включен нами в батарею методик, по которой было продиагностировано 50 осужденных женщин в возрасте от 18 до 30 лет, отбывающих наказания за различные преступления. Выборка из осужденных молодого возраста одной исправительной колонии составлялась случайно.

Обследование выявило, что процентное соотношение испытуемых с различными психодинамическими циклами таково: (рис. 1)

Рис. 1

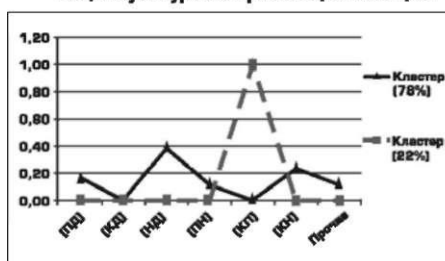
Процентное распределение психодинамических циклов социокультурной ориентации в группе осужденных женщин

Кластерный анализ выборки показал, что в выборке обособлены испытуемые, у которых выражен психодинамический тип (**Карьерист - Партиец**) (кластер 2), 22 % испытуемых в нашей выборке имели тип (**КП**). (рис. 2)

Рис. 2

Кластеры сформированные в результате анализа психодинамических типов социокультурных ориентаций женщин

На наш взгляд, испытуемые типа (**КП**) являются носителями собственно преступной субкультуры со знанием ее норм и их принятием, с ориентацией на достижение собственной выгоды и одобрение преступного окружения. Можно сказать, что такие субкультурные ориентации характерны для тюремных авторитетов - хранителей и трансляторов норм и традиций преступного мира.

Второй кластер составили испытуемые с остальными психодинамическими типами социокультурных ориентации

Рассмотрим подробнее типы **(НД) Наблюдатель - Дегустатор** 30% от объема выборки и **(КН) Карьерист - Наблюдатель** 17% от объема выборки.

Психодинамический тип **Наблюдатель - Дегустатор** является самым представленным в обследованной выборке.

Испытуемая **(НД)** - это человек, который не разделяет норм субкультуры, он может их знать и даже соблюдать, но в зависимости от ситуации (например жизнь на свободе) может легко отступить от их соблюдения, при этом такой человек в своем поведении ориентируется на реакцию окружения и склонен поступать в соответствии с ожиданиями этого окружения, однако ответственность за последствия этого поведения он возлагает на это окружение. **(НД)** живет по принципу - если я оказалась в колонии, то я посмотрю, как тут живут, и если надо, буду поступать так, как они хотят. Можно предположить, что это человек случайный в тюремной субкультуре и в силу необходимости она подстраивается под нее.

Испытуемая **(КН)** - это женщина, знающая, что она хочет от жизни и выбирающая для реализации своих желаний удобное время и условия. В случае отсутствия подходящих условий она склонна выжидать. **(КН)** - знает и разделяет нормы преступной субкультуры, но реализует их в том случае, если они ей выгодны. Можно сказать, что она прагматик, и если за субкультурным опытом не стоит личной выгоды, то она

не склонна в нем участвовать. Можно предположить присутствие в данной группе испытуемых самодостаточных, волевых, методичных преступниц.

Отдельного упоминания заслуживает тип **Карьерист - Дегустатор (КД)**, который не зафиксирован в обследуемой выборке. Это можно объяснить диаметральностью циклов. Так, человек, ориентированный на активное включение в процесс делания личной карьеры (в том числе и «преступной карьеры»), в другое время должен минимизировать активность, ориентироваться на мнения группы и зависеть от него. Эта позиция может быть особенно актуальна для тюремной субкультуры, где заявка на лидерство должна сопровождаться постоянным активным лидерским поведением. Данные гипотезы нуждаются в дополнительной проверке на выборках большего объема и различного состава.

Представления о жертвах преступлений важный компонент образа мира осужденных, через который возможна коррекция их личности. Мы сравнили профили опросника о жертвах преступлений у осужденных, имеющих социокультурные типы **(КП)** и **(НД)** (рис. 3). То есть мы сравнили представления о жертвах преступлений у носителей и трансляторов преступной субкультуры **(КП)** и ситуативных ее пользователей **(НД)**.

Значимые различия получены по 4 утверждениям о жертвах преступлений из 15. Носители субкультуры **(КП)** склонны не соглашаться с тем, что жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло, что женщины чаще мужчин становятся жертвами преступлений, что жертвы боятся пре-

ступников, что преступники желают, чтобы потерпевшие поняли их раскаяние. Подобную картину можно объяснить тем, что у (КП) выражен объективный методичный подход к жертве. Наделение жертвы качествами достойного соперника - т.е. это мужчина, который не боится преступника, но тем не менее по воле последнего становится жертвой. Победа эта престижна для преступника и его не интересуют переживания достойного, но побежденного соперника. Для типа (НД), который не имеет предписываемого субкультурой шаблона отношения к жертве необходимо самостоятельно искать оправдания преступлению, обвиняя жертв в произошедшем и говоря о своем желании получить понимание от потерпевшего. (рис. 3)

субкультуры (например преступления против слабых - стариков, детей, против женщин (утв. 12)). Интересен тот факт, что наши респонденты **женщины** типа (КП) разделяют идею о том, что преступления против **женщин** должны наказываться более сурово.

Они, видимо, согласны с тем, что эти преступления неprestижны в преступной субкультуре. То есть они считают женщин-жертв слабее себя.

Можно предположить, что преступная субкультура носит мужской характер и ее активные носители женщины идентифицируются с мужской гендерной ролью. Данное предположение нуждается в дополнительной проверке.

Для типа (КН), сознательно идущего на «выгодные» преступления, актуализируется необходимость поддерживать положительный образ Я, и делают они это за счет принижения жертв (жертвы сами совершают преступления, жертвы боятся преступников) и принижения значимости ущерба от преступления для жертв (жертва всегда может простить преступника и примириться с ним).

Рис. 3

Различия [0,01] представлений а жертвах преступлений психодинамическими циклами (КП) и (НД)

Сравнивая испытуемых, имеющих типы (КН) и (КП), мы обнаруживаем значимые различия по четырем утверждениям о жертвах. (рис. 4)

Тип (КН), характеризующий прагматичного преступника, отличается от транслятора субкультуры (КП) тем, что прагматичный преступник совершает «выгодные» лично себе преступления против любого человека (утв. 4) даже если они и неprestижны с точки зрения

Различия [0,01] представлений о жертвах преступлений у женщин с социокультурными психодинамическими циклами (КН) и (КП)

Рис. 4

На рисунке 5 мы видим, что для **(КН)**, обвинение жертв в преступном поведении является их отличием и от типа **(НД)** и в целом является самым значимым пиком их профиля оценки утверждений о жертвах.

В отличие от других типов **(КН)** не разделяют утверждений о том, что преступления против женщин должны наказываться более сурово, чем против мужчин, и о том, что кражи с предприятий должны наказываться менее сурово, чем кражи личного имущества. И более других типов согласны с тем, что жертвой может стать любой человек.

Различия (0,01) представлений о жертвах преступлений у женщин с социокультурными психодинамическими циклами **(КН)** и **(НД)**

Рис. 5

Представленные выше данные позволяют предложить следующую классификацию:

1. Тип **(КП)** - «Преступница-романтик», знающая и активно транслирующая преступную субкультуру. Ее представления о жертвах преступлений в значительной мере определяются субкультурой, в которой престижным считается противоборство только с сильной и достойной жертвой, а уголовное наказание за победу в противоборстве с достойной жертвой является престижным. Случаи совершения преступлений против слабых жертв не поощряются, за

них допускается суровое наказание. Активно разделяемая и отстаиваемая ею преступная идеология дает психологическую защиту от мыслей о причинении ущерба жертвам преступлений.

2. Тип **(КН)** - «Преступница-прагматик» знает преступную субкультуру, но относится к ней прагматично, нарушает нормы когда они противоречат ее выгоде. Не имея идеологической субкультурной базы своего преступного поведения, она не может пользоваться оправдательными шаблонами субкультуры касающимися жертв преступлений. Вынуждена строить защиту собственной позитивной идентичности, за счет приношения жертв.

3. Тип **(ДН)** - «Ситуативная преступница» преступную субкультуру знает в общих чертах, без тонкостей, своей идеологией ее не считает, а пользуется ее понятиями ситуативно для удовлетворения притязаний авторитетов, в целях адаптации к условиям исправительной колонии. Представления о жертвах основаны на необходимости их обвинения и принижения, однако это не носит такого ярко выраженного характера, как у **(КН)**. Представления **(ДН)** о жертвах преступлений содержат потенциал раскаяния и надежды на примирение и прощение.

Представленная типология не является окончательной. Она не охватывает 31 % обследованных, нуждается в дополнении и проверке на других выборках. Однако она позволяет строить и проводить с ее представительницами коррекционную работу, за счет прояснения и наполнения реальным содержанием образа жертвы преступления.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Преступная субкультура оказывает влияние на представления осужденных женщин о жертвах. А именно: делит преступления на престижные - жертва которых достойный и сильный для преступницы противник. И непрестижные - жертва которых слабый человек.

2. Преступницы, которые всецело не разделяют преступной субкультуры, вынуждены сами строить образ приниженной - достойной преступления жертвы.

3. Преступная субкультура носит мужской характер и ее носители-женщины вынуждены осваивать образцы мужских гендерных ролей.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Молоствов А.В.** Представления осужденных о жертвах преступлений: диагностика и коррекция. Автореф. на соиск степ. канд. психол. наук. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006 г.

2. Подробнее о методике проведения тренинга психодинамической диагностики см. Психодинамика личности в правовом поле уголовно-исполнительной системы: Сб. науч. тр./ Под ред. А.Я. Гришко, Д.В. Сочивко. - Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. - С. 103-112.

3. **Майерс Д.** Социальная психология. - СПб.: Питер, 1997. - С. 249.

4. **Смелзер Н.** Социология. - М.: Феникс, 1994. - С. 95-120.

5. **Сочивко Д.В.** Психодинамика. - М., МПСИ. - 2007 г.

Удовлетворенность служебной деятельностью сотрудников оперативных подразделений ОВД и УИС

Л. А. Дмитриева

Изучение указанного аспекта проводилось в рамках эмпирического исследования взаимовлияния социально-психологических факторов семейных взаимоотношений и профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов¹.

Результаты проведенного исследования предоставили возможность разработки типологии семей, основой которой стал характер *отношения супруг к службе мужей*. Условно были выделены 4 семейных типа: партнерский (24%), толерантный (47%), индифферентный (9%) и агрессивный (20%)².

Партнерское отношение реализуется прежде всего в процессе совместного достижения семейных целей. Супруги этой семейной группы, объединенные решением не допустить преждевременного увольнения сотрудников, выступают как их на-

дежные соратники. При этом стереотипы супружеского взаимодействия являются наиболее оптимальными для поддержания мотивации и достаточного уровня работоспособности сотрудников. Основой партнерского отношения супруг к службе далеко не всегда являются их убеждения; причиной этому служат также и прагматичные мотивы, отвечающие интересам семьи.

Толерантное (терпеливое) отношение подразумевает выносливость и психическую устойчивость супруг, уже не будучи уверенных в целесообразности такого отношения. Отмечается двойственность, неоднозначность супружеских переживаний по поводу влияния профессиональных стрессоров на ритм жизнедеятельности семьи. Это дает основания считать уклад семейных ценностей неустойчивым, а этот тип - переходным к двум последующим.

Индиферентное (безразличное) отношение означает равнодушие супругов к напряженности и специфике профессиональной занятости сотрудников. Для супруг этой семейной группы свойственны эмоциональная «глухота», нейтральные формальные отношения, безучастность к успехам и неудачам сотрудников. Стиль взаимодействия в таких семьях постепенно сводится к углубляющемуся отчуждению обоих супругов, которое является вариантом обособления.

Агрессивное отношение формируется преимущественно как следствие социальной разочарованности (низкая зарплата, отсутствие жилья и пр.). Обычно эта агрессия переносится супругами с ее истинной причины на сотрудников. Супруги проявляют крайнюю раздраженность по отношению к службе, считают возможным вмешательство в нее.

В семьях с толерантным, индиферентным и агрессивным отношением к профессиональной сфере деятельности сотрудников отмечается невысокий и понижающийся уровень психологического самочувствия. Неудовлетворенность проявляется в каждом его компоненте: оценка социальной ситуации и своего места в ней, переживания и чувства, готовность к определенным действиям. Для семей «индиферентного», «агрессивного» и частично - «толерантного» типов характерны угнетенное ду-

шевное состояние, растерянность, утрата мотивации достижения, отказ от прежних семейных целей.

В представленном ракурсе в ряду многих социально-психологических явлений анализировался и феномен «удовлетворенность службой», выступающий важнейшей предпосылкой продуктивной профессиональной деятельности сотрудников. Удовлетворенность трудом понимается как генерализованная установка индивида к своему труду, выражение общего отношения индивида к своей работе³. По определению М.Г. Дебольского, «удовлетворенность службой - это психическое состояние человека, которое характеризует степень насыщения потребностей, связанных со служебной деятельностью»⁴. Следовательно, удовлетворенность службой зависит от степени важности для человека конкретных, в том числе семейных, потребностей (субъективный фактор) и от возможности удовлетворить потребности в процессе службы (объективный фактор). Выявлено также, что отсутствие удовлетворенности трудом является важнейшим фактором, способствующим развитию профессиональной деформации сотрудников ОВД и УИС.

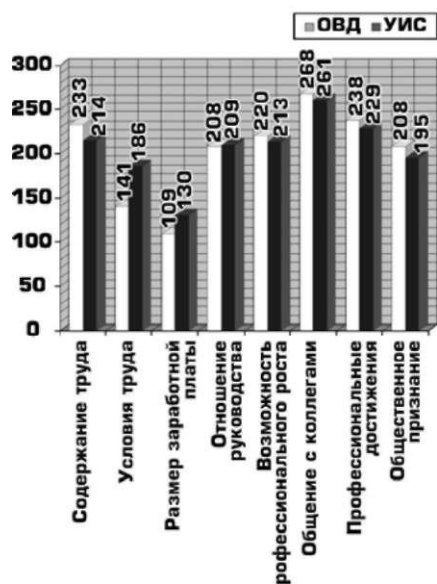
Анализ эмпирических данных проведенного исследования выявил преобладание средних и ниже средних **оценок удовлетворенности сотрудников службой** (рис.1).

Совершенно не удовлетворен(а)		Удовлетворен(а) полностью		
1	2	3	4	5
- (ОВД)6,6 % 6,6 %(УИС)	12,6 %(ОВД) 16 %(УИС)	24%(ОВД) 16 %(УИС)	12,6 %(ОВД) 11,3 %(УИС)	-

Рис. 1 Степени удовлетворенности сотрудников службой в ОВД/УИС⁵.

В результате анкетирования были выявлены и проанализированы **источники удовлетворенности сотрудников трудом**. Вопрос, адресованный респондентам, формулировался следующим образом: «Какие из перечисленных факторов и в какой степени являются для Вас источником удовлетворенности трудом?». Указанные факторы затем были проранжированы исходя из частотности выборов (см. диагр).

Диаграмма. Источники удовлетворенности трудом для сотрудников ОВД и УИС¹¹
Суммированные баллы оценок респондентов.

Единство мнений сотрудников обоих ведомств позволило обобщить данные в одном перечне, составленном в порядке убывания реальной действенности факторов: общение с коллегами, профессиональные дости-

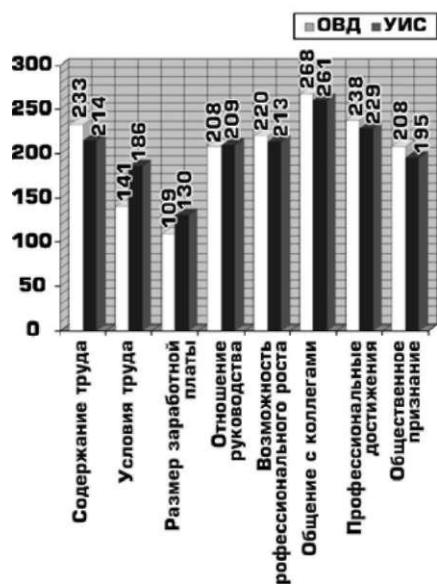
жения, содержание труда, возможность профессионального роста, отношение руководства, общественное признание важности профессии, условия труда, размер заработной платы. Следует отметить, что последними названы факторы, связанные с семейной сферой в максимальной степени.

Для анализа удовлетворенности трудом особый интерес представляют ответы сотрудников на вопрос: «Если бы у Вас была возможность вновь сделать профессиональный выбор, Вы его повторили бы?». Отмечается очевидная симметрия данных в группах сотрудников, имеющих семьи с партнерским и толерантным отношением к службе: основная масса склоняется к утвердительному ответу или уверенно дает его. Сотрудники, имеющие семьи с индифферентным отношением к службе, демонстрируют колебания в этом вопросе; однако число сотрудников из индифферентных семей, ответившие да, без сомнений, превышает аналогичное число сотрудников из «олерантной группы». Максимальное число сотрудников, категорически отвергнувших свой профессиональный выбор, а также склоняющихся к этому, представлено в семьях с агрессивным отношением к службе. Эти данные в очередной раз подтверждают значимость супружеского отношения к профессиональной сфере сотрудников.

Одним из важнейших следствий влияния семейных факторов на профессиональную деятельность сотрудников является степень их **настроенности на дальнейшее продолжение службы**. По вопросу анкеты: «Как

В результате анкетирования были выявлены и проанализированы **источники удовлетворенности сотрудников трудом**. Вопрос, адресованный респондентам, формулировался следующим образом: «Какие из перечисленных факторов и в какой степени являются для Вас источником удовлетворенности трудом?». Указанные факторы затем были проранжированы исходя из частотности выборов (см. диагр).

Диаграмма. Источники удовлетворенности трудом для сотрудников ОВД и УИС¹¹
Суммированные баллы оценок респондентов.

Единство мнений сотрудников обоих ведомств позволило обобщить данные в одном перечне, составленном в порядке убывания реальной действенности факторов: общение с коллегами, профессиональные дости-

жения, содержание труда, возможность профессионального роста, отношение руководства, общественное признание важности профессии, условия труда, размер заработной платы. Следует отметить, что последними названы факторы, связанные с семейной сферой в максимальной степени.

Для анализа удовлетворенности трудом особый интерес представляют ответы сотрудников на вопрос: «Если бы у Вас была возможность вновь сделать профессиональный выбор, Вы его повторили бы?». Отмечается очевидная симметрия данных в группах сотрудников, имеющих семьи с партнерским и толерантным отношением к службе: основная масса склоняется к утвердительному ответу или уверенно дает его. Сотрудники, имеющие семьи с индифферентным отношением к службе, демонстрируют колебания в этом вопросе; однако число сотрудников из индифферентных семей, ответившие да, без сомнений, превышает аналогичное число сотрудников из «олерантной группы». Максимальное число сотрудников, категорически отвергнувших свой профессиональный выбор, а также склоняющихся к этому, представлено в семьях с агрессивным отношением к службе. Эти данные в очередной раз подтверждают значимость супружеского отношения к профессиональной сфере сотрудников.

Одним из важнейших следствий влияния семейных факторов на профессиональную деятельность сотрудников является степень их **настроенности на дальнейшее продолжение службы**. По вопросу анкеты: «Как

долго Вы планируете продолжать служебную деятельность?» были получены различные варианты ответов, систематизированные по критерию супружеского отношения к службе (табл.).

Одной из задач исследования стало изучение семейной **обусловленности и уровня служебного стресса**. Данные, полученные в результате использования Опросника

Таблица 1
Настроенность на продолжение службы
сотрудниками УИС и ОВД

Тип отношения супруг к служебной сфере	Ведомственная представленность данных	Настроенность на продолжение службы (в процентах от численности каждой группы семей)		
		максимально продолжительная служба	немедленное увольнение по выслуге пенсии	непредсказуемость увольнения
Партнерское отношение	ОВД	41,6	41,6	16,6
	УИС	55,5	27,7	16,6
Толерантное отношение	ОВД	33,3	45,8	20,8
	УИС	20	42,8	37,1
Индифферентное отношение	ОВД	1,1	33,3	55,5
	УИС	14,2	57,1	28,5
Агрессивное отношение	ОВД	20	40	40
	УИС	26,6	46,6	26,6

Наибольшее число решений максимально длительного продолжения службы составили сотрудники, имеющие семьи с партнерским отношением к профессиональной сфере; на втором месте - сотрудники из семей с толерантным отношением; на третьем - сотрудники, имеющие агрессивные семьи; наименьшее число составили сотрудники из «индифферентных» семей. Непредсказуемость увольнения сотрудники допускают в пропорции, обратной представленным данным. Следует отметить, что сотрудники из «индифферентных» семей составили по этому пункту максимальное значение, которое уточнялось в ходе устных собеседований и в результате получило следующую трактовку: склонность к этому решению обусловлена сильной отягощенностью психического состояния сотрудников, переживающими сложившуюся семейную ситуацию.

трудового стресса Ч. Спилбергера, были обработаны индивидуально по каждому респонденту, а затем для возможности сравнения сформированы в средние значения по шкалам «сила стресса» и «частота стресса».

Выявлено неуклонное возрастание величин в следующем порядке: а) данные сотрудников, имеющих семьи с партнерским отношением к службе (3,24 / 3,57⁶ - ОВД; 3,82 / 4,04 - УИС); б) данные сотрудников из семей с толерантным отношением (4,19 / 4,36 - ОВД; 4,44 / 4,60 - УИС); в) данные сотрудников, имеющих семьи с индифферентным отношением (4,65 / 4,81 - ОВД; 5,18 / 5,40 - УИС); г) данные сотрудников из «агрессивных» семей (5,64 / 5,67 - ОВД; 5,18 / 5,28 - УИС). Такое распределение числовых величин подтверждает трактовку отношения суп-

руг к служебной сфере как переменной взаимодействия семейной и служебной сфер.

Установлены и расположены в порядке убывания наиболее весомые факторы трудового стресса отдельно по каждой выборке:

Выводы, к которым привели ре-

зультаты исследования, отличались разноплановостью. Важнейшим детерминантом удовлетворенности сотрудников в профессиональной сфере самореализации признан семейный фактор: социально-психологическое самочувствие семьи, удовлетворенность супруг различными ас-

Данные по ОВД	Данные по УИС
1) сверхурочная работа;	1) отношения с начальством;
2) плохое оборудование;	2) оплата труда;
3) недостаток личного времени;	3) отношение к организации;
4) отсутствие одобрения;	4) работа с документами;
5) оплата труда;	5) поддержка руководителя;
6) работа за другого;	6) конфликты с другими подразделениями;
7) отношения с начальством.	7) трудовая мотивация.

спектами семейной жизни и их отношение к служебной сфере; уровень конфликтности общения в семье, наличие или отсутствие социально-психологической поддержки со стороны супруг. Выявлено также, что сотрудники, имеющие семьи с агрессивным и индифферентным отношением к служебной сфере, склонны к некоторому искажению (завышению) оценок значимости и уровня самореализации в конкретных сферах. Причинами этого являются: а) установки, сформированные у сотрудников на преодоление тягот службы, которые могут стать препятствиями для признания неудач или жалоб; б) нежелание признать неудачу в определенной сфере самореализации, которое является способом психологической защиты.

¹ Сбор эмпирического материала был осуществлен на базе оперативных подразделений ОВД и УИС шести регионов (г. Владимир, Приморский край, Хабаровский край, г. Ростов-на-Дону, г. Новосибирск, Мордовия). Выборку составили 150 семей-респондентов.

² См. Дмитриева Л.А.

Психопрофилактика в сфере семейных отношений: Учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. О.Г. Ковалева. М.: НИИ УИС Минюста России, 2005. - 119 с.

³ См. Банковский А.Н. Организационная психология: Учеб. пособие для вузов. - 2-е изд. - М.: МПСИ, 2002. С. 592.

⁴ Дебольский М.Г. Психологическое обеспечение нововведений в органах внутренних дел / Академия МВД РФ. М., 1993. С. 17 - 29; Дебольский М.Г., Свирская И.Б. Социально-психологическая компетентность руководителей органов внутренних дел: Учеб. пособие / Академия управления МВД России. М., 1999. - 43 с.

⁵ Процент приведен от общей численности респондентов по обеим выборкам ОВД и УИС - 150 человек.

⁶ Здесь и далее: сила стресса/частота стресса.

К вопросу о применении проективной методики «рисунок человека»

К. Маховер в психодиагностике осужденных к пожизненному лишению свободы.

А. Н. Баламут

В настоящее время необходимо отметить всевозрастающую роль проективных методов в психодиагностике личности. При этом рисунок используется психологами, как в диагностической, так и в терапевтической деятельности. Приоритет в использовании термина «проекция» для обозначения одной группы методов принадлежит Л. Франку, который выделил ряд общих признаков у некоторых известных к тому времени и весьма отличающихся друг от друга техник оценки личности¹.

По мнению А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, под проективным методом (от лат. *projectio* - выбрасывание вперед) следует понимать один из методов исследования личности, основанный на выявлении проекций, подразумевающих множественность возможных интерпретаций при восприятии ее испытуемыми. За каждой такой интерпретацией вырисовывается уникальная система личностных смыслов и особенностей когнитивного стиля субъекта².

Общепринятым является мнение о недостаточной объективности проективных методов, о несоответствии многих методик требованиям, обычно предъявляемым к психодиагностическому инструментарию. В том числе отсутствие или неадекватность нормативных данных, недостатки, связанные с ретестовой надежностью и валидиза-

цией. Однако, несмотря на это популярность данных методов не снижается. В первую очередь по признанию самих психодиагностов, проективные методы в меньшей степени подвержены фальсификации со стороны испытуемых, чем опросники, и поэтому более предпочтительны для диагностики личности. Кроме того, они более эффективны при установлении контакта с испытуемыми и, как правило, вызывают интерес у испытуемых, которые вовлекаются в их выполнение¹.

Проективная методика исследования личности «Рисунок человека» К. Маховер (*Draw-A-Person Test, DAP*) как метод анализа личности был разработан в 1948 г. К. Маховер в клинических условиях на основе теста Ф. Гудинафа. Тест «Рисунок человека» направлен на исследование мотивации, неосознаваемых детерминант самовыражения, внутренних конфликтов, компенсаций и социальных установок посредством самопроекции в рисунке человеческой фигуры².

Порядок выполнения данного метода следующий. Обследуемому предлагается карандашом (в исключительных вариантах ручкой, так как карандаши входят в перечень запрещенных предметов для пользования осужденными пожизненно в условиях камеры) на чистом листе бумаги (формат А 4) нарисовать человека. После выполне-

ния рисунка во временном интервале 10-20 минут даётся задание нарисовать человека противоположного пола. Заключительный вариант - опрос. Составляется специальный перечень вопросов о нарисованных фигурах по первому и второму рисунку³.

При анализе полученных данных значительное внимание уделяется анализу разнообразных деталей рисунка, прежде всего особенностям изобра-

жения основных частей тела, которые зачастую оценивают в соответствии с психоаналитической символикой⁴.

Результаты диагностики неосознаваемых детерминант самовыражения, внутренних конфликтов, компенсаций и социальных установок (по проективной методике «Рисунок человека» К. Махвер) у 64 осуждённых к пожизненному лишению свободы представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Характеристика рисунка	Интерпретация	%
1	2	3
Последовательность выполнения рисунка человека: на 1-й позиции: а) мужчина; б) женщина	а) мужчина - адекватная полоролевая идентификация субъекта	75 %
	б) женщина - зависимость от матери, сексуальная дезадаптация субъекта	24 %
Непропорционально большая голова	Озабоченность интеллектуальной сферой (воображение, фантазии, головные боли, снижение контроля за своим поведением и т.д.)	42 %
Черты лица: а) глаза: большие; маленькие; пропуск, затемнение, закрытость глаз (тёмные очки)	1) большие глаза - выраженная любознательность либо агрессия, злобность, подозрительность;	56 %
	2) маленькие глаза - уход в себя, поглощённость собственными переживаниями;	23 %
	3) пропуск глаз, затемнение, закрытость глаз - отгороженность от окружающего мира, избегание неприятных визуальных воздействий	14 %
б) нос: прорисованы ноздри	Примитивная агрессия	40 %
в) большой, ярко выделенный рот	Чрезмерная фиксация на пище, склонность к сквернословью, вспышкам агрессии	59 %
г) уши: большие; маленькие	1) большие уши - возможны слуховые галлюцинации, обиды, внутренний протест, глухота	37 %
	2) маленькие уши - неприятие критики, заглушение её	26 %
Туловище: а) большое; б) маленькое	а) большое туловище - наличие неудовлетворённых остро осознаваемых потребностей;	45 %
	б) маленькое - чувство неполноценности, ущербности	38 %
Руки: а) за спиной, в карманах; б) вытянуты в стороны	а) руки за спиной, в карманах - выражение скрытности, нежелание уступать, идти на компромисс, склонность к контролю агрессивных, враждебных влечений, чувство вины, неуверенность в себе	28 %
	б) руки вытянуты в стороны - субъект иногда ловит себя на действиях, которые вышли из под контроля	30 %
Ноги: а) вместе; б) широко расставлены; в) пропуск ног	а) ноги вместе - зависящая, сдерживающая позиция по отношению к окружающим	21 %
	б) ноги широко расставлены - пренебрежительное отношение к окружающим, демонстративность	54 %
	в) пропуск ног - робость, замкнутость, неуверенность в себе	24 %

Из приведённой таблицы 1 видно, что для большинства обследованных осуждённых к ПЛС (75%) характерна адекватная полоролевая идентификация и лишь (24%) осуждённых пожизненно имеют сильную зависимость от матери, инфантильны, имеют сексуальные отклонения и сложности в общении с противоположным полом. При этом необходимо отметить, что более половины осуждённых пожизненно (59%), рисуя фигуру человека (значительно чаще женская фигура изображается крупнее, чем мужская), чрезмерно фиксированы на детализации и штриховке мелких предметов и символов (трубка, сигарета с дымом; цветы; трость, пояс на женщине, ремень, сумка, инструмент, оружие, зонт, галстук, шляпа, пуговицы и т.д.) что является выражением настолько сильной сексуальной депривации, активно беспокоящей в первую очередь самого субъекта, что в последствии, в условиях пожизненного лишения свободы, может способствовать развитию сексуальных перверсий (извращений), обусловленных воздействием следующих стресс-факторов: принудительным однополым общением, каменными условиями, длительной изоляцией, длительно действующим эмоциональным напряжением и т. д.

Функциональное значение головы с точки зрения испытуемого, рисующего человека, представляет собой важнейший центр локализации Я. Не пропорционально большая голова изображена в рисунках почти половины респондентов (42 %), что может указывать на лиц, страдающих органическими поражениями головного мозга, испытывающих сильные головные боли, имеющих низкий уровень контроля за телесными импульсами, а также лиц, имеющих де-

фицит общения, неудовлетворённость личностными достижениями, озабоченность социальным статусом, придание значимости интеллектуальным способностям, моделирование желаемого будущего посредством воображения, фантазий и т. д.

В функции социальной коммуникации при рисовании головы человека важное значение отводится глазам, как основному органу контакта с внешним миром. Прорисованные большие глаза в рисунках (56 %) испытуемых, как правило, свидетельствуют об интересе, любознательности, стремлении к общению, либо к явно выраженной враждебности, подозрительности, сензитивности. Пропуск, затемнение, закрытость глаз (темные очки) могут указывать на стремление индивида отгородиться от окружающего мира, избегание неприятных визуальных воздействий или стремление скрыть свои истинные намерения, неуверенность в себе, агрессивные тенденции (рис. 1 и 2.)

Рис. 1

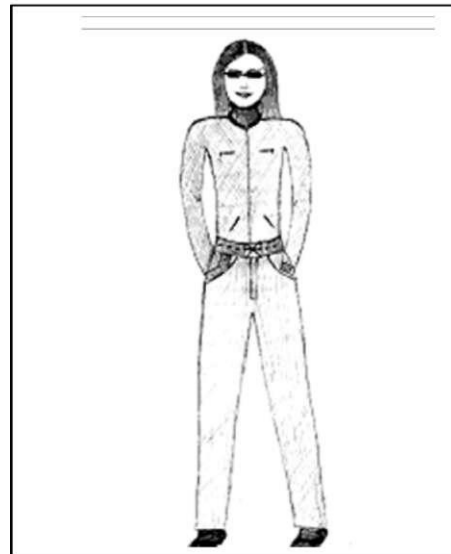
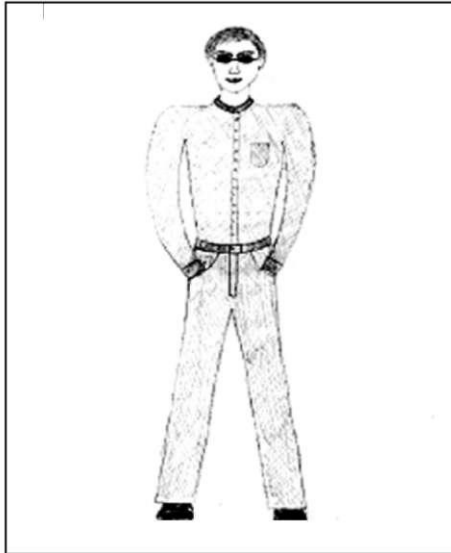

Рис. 2

Большой, ярко выделенный, прорисованный рот присутствует в рисунках более половины (59 %) осуждённых к ПЛС, что может быть связано с фиксацией на пище, желудочной симптоматикой, склонностью к сквернословью, импульсивным всплескам гнева, характерным в большей мере для инфантильных, зависимых личностей.

Изображение большого туловища у менее половины осуждённых к ПЛС (45 %) может свидетельствовать о наличии неудовлетворённых, остро осознаваемых субъектом потребностей (физиологические потребности, потребность в любви и принятии, в безопасности, временном уединении, саморазвитии и т. д.) (рис. 3).

*Данный осужденный имеет острую потребность в защите и поддержке, что явно выражает собой закрытая поза сидящего человека, стремящегося скрыть свое подлинное эмоциональное состояние. Фиксирован на сексуальных импуль-

Рис. 3

сах, что подтверждается чрезмерной штриховкой рук, мелких деталей костюма, и может свидетельствовать об испытываемом чувстве вины по отношению к агрессивным импульсам или мастурбаторной активности.

Более половины респондентов (54 %) рисуя человека, изобразили фигуру с широко расставленными ногами, что может указывать на пренебрежительное отношение к окружающим, демонстративность, ощущение незащищённости, неуверенности в себе.

Отвечая на вопросы по рисунку человека, большинство осуждённых к ПЛС (70 %) указало на следующие характеристики настроения: весел, доволен, радостен, умиротворён, ироничен, испытывает радость, но в душе устал. Незначительная тенденция (28 %) к противоположной характеристике настроения выражается в следующем: печален, раздражителен, задумчив, озабочен, испытывает досаду, бессилие. Можно

предположить, что счастливое настроение нарисованной фигуры человека передаёт стремление индивида к ярко насыщенной, эмоционально окрашенной жизни, ограниченной условиями отбывания наказания и длительной изоляцией, а также к полноценной реализации положительных чувств и эмоций, препятствующих угнетающему действию однообразной, монотонной, строго регламентированной жизнедеятельности в колонии.

Также осуждёнными пожизненно были даны пояснения к личностным качествам нарисованных людей (мужчины и женщины). Так, более половины опрошенных (60 %) отмечают, что в рисунках только хорошее, (11 %) респондентов отметили плохое качество - обидчивость. На низкое качество рисунка указало (28 %) испытуемых, отметив следующее: «рисунок мой нарисован плохо»; «рисую безобразно»; «рисовать не умею, выразить трудно, но образ хороший»; «рисунок некачественный»; «в рисунке просто ирония, но рисовать не умею»; «рисунок плох своей абстрактностью, но этим же и хорош»; «сами рисунки схематичны, так как не умею рисовать более детально» и т.д. При этом необходимо отметить, что для большинства осуждённых к ПЛС (57 %), свойственно занижение своего фактического возраста на 5-7 лет, при характеристике нарисованного мужчины, что может являться одним из признаков имеющегося внутриличностного конфликта, неадекватности восприятия своего Образа-Я, неудовлетворённости собой, низкого уровня самооценки, а также чувства вины от «содеянного» и невозможности исправить ситуацию в настоящий момент. Во временном континууме - возврат в прошлое и мысленное про-

живание нереализованных жизненных ситуаций, посредством психологических механизмов «регрессии», «фантазирования».

Таким образом, рисунок человека является одной из методик, позволяющей эффективно оценить психофизиологическое состояние клиента (испытуемого), служит выражением его личностных проблем и конфликтов и может применяться как основное, так и дополнительное средство психодиагностики осуждённых пожизненно, что зависит также от личного опыта и профессионализма психолога в работе с данной методикой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Акимова, М.К.** Психологическая диагностика: Учебное пособие / СПб.: Питер, 2005. - 304 с.
2. **Алфёров, Ю.А.** Адаптированные методы изучения человека в условиях ИТУ: Учебное пособие / М.: МЦ при ГУК МВД РФ, 1996. - 192 с.
3. **Бурлачук, Л.Ф., Морозов, С.М.** Словарь-справочник по психодиагностике / 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Питер, 2003. - 528 с.
4. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. - Ростов н/Д.: Феникс, 1999. - 512 с.
5. **Маховер, К.А.** Проективный рисунок человека / Пер. с англ. Ю.А. Васильевой. - 3-е изд. М.: Смысл, 2003. - 157 с.
6. **Остер, Д., Гоулд, П.** Рисунок в психотерапии: Метод. пособие / М.: Маркетинг, 2005. - 184 с.
7. **Романова, Е.С., Потёмкина О.Ф.** Графические методы в психологической диагностике / Е.С. Романова, О.Ф. Потёмкина. - М.: Дидакт, 1992. - 256 с.
- 8 См.: **Акимова, М.К.** Психологическая диагностика: Учебное пособие / М.К. Акимова. - СПб.: Питер, 2005. - С. 207.2
- 9 См.: Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - 2-е изд. - Ростов н/Д.: Феникс, 1999. - С. 276.
- 10 См.: **Акимова, М.К.** Психологическая диагностика: Учебное пособие / М.К. Акимова. - СПб.: Питер, 2005. - С. 207-208.
- 11 См.: **Маховер, К.А.** Проективный рисунок человека / К.А. Маховер. - Пер. с англ. Ю.А. Васильевой. - 3-е изд. - М.: Смысл, 2003. - 157 с.
- 12 См. **Бурлачук, Л.Ф., Морозов, С.М.** Словарь - справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. - 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Питер, 2003. - 528 с. - (Серия «Мастера психологии»).
- 13 См.: Там же. С. 207.

СТРУКТУРА И ОПИСАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т. Н. Савченко

Практически во всех работах на соискание степени кандидата психологических наук и во многих на соискание степени доктора психологических наук существует эмпирическая часть, которая используется для подтверждения и обоснования теоретических исследований.

Известно, что нормативный процесс научного исследования строится следующим образом:

Выдвижение гипотезы (гипотез).

1. Планирование исследования.
2. Проведение исследования.
3. Интерпретация данных.
4. Опровержение или не опровержение гипотезы (гипотез).
5. В случае опровержения старой — формулирование новой гипотезы (гипотез).

В общем гипотезу можно определить как научное предположение, вытекающее из теории, которое еще не подтверждено и не опровергнуто.

В методологии науки различают теоретические гипотезы и гипотезы как эмпирические предположения, которые подлежат экспериментальной проверке. Подробно типы различных гипотез и правила их формулирования описываются в монографиях Р. Готтсданкера, И. Александрова, В. Дружинина [5, 6].

Обычно в работе формулируются теоретические гипотезы, на основе которых строится ряд эмпирических. Далее в процессе описания исследований чаще всего эмпирические гипотезы конкретизируются в виде статистических, которые являются наиболее формализованными.

При проверке статистических гипотез используются лишь два понятия:

H_1 - гипотеза о существовании различий;

H_0 - гипотеза о сходстве или об отсутствии различий.

Как правило, в исследованиях пытаются доказать существование различий. Отвержение гипотезы H_0 служит доказательством гипотезы H_1 , обратное не верно, то есть мы можем говорить лишь, что у нас нет оснований отвергнуть гипотезу H_0 . Очень часто исследователи забывают об этом факте.

Можно выделить следующую структуру организации и описания научных исследований.

1. Определение темы. Тема ограничивает область исследований, круг проблем, выбор предмета, объекта и метода.

2. Анализ литературы, который приводит к формулированию цели и задач исследования.

3. Уточнение гипотезы и определение переменных (зависимые, независимые, внешние). Обычно это определяется постановкой теоретической задачи.

4. Выбор экспериментального инструментария, позволяющего управлять независимой переменной и регистрировать зависимую переменную.

5. Планирование экспериментального исследования. Выделение внешних переменных, которые могут влиять на зависимую переменную. Планирование необходимо для обеспечения внешней и внутренней валидности эк-

сперимента. Выбор соответствующего экспериментального плана.

6. Отбор и распределение испытуемых по группам (соответствует принятому экспериментальному плану).

7. Проведение эксперимента: выбор методик, инструктирование, мотивирование испытуемых, и собственно само проведение исследований.

8. Выбор методов статистической обработки, ее проведение и интерпретация результатов (в соответствии с теоретической задачей, гипотезами исследования, данными, полученными в результате эксперимента) [4, 6, 15].

Обычно методы обработки данных следует уже выбирать на стадии планирования эксперимента или еще раньше — при выдвижении экспериментальной гипотезы. Экспериментальная гипотеза преобразуется в статистическую. Возможных типов статистических гипотез в экспериментальном исследовании немного:

а) о сходстве или различии двух и более групп;

б) взаимодействии независимых переменных;

в) статистической связи независимых и зависимых переменных;

г) структуре латентных переменных (относится к корреляционному исследованию) [12, 7].

Подтверждение статистических гипотез (о различиях, связях и пр.) — решающий, но не единственный аргумент в пользу принятия экспериментальной гипотезы. Исследователь сопоставляет свои выводы с выводами других авторов, высказывает гипотезы о причинах сходства или различия между данными, полученными им самим, и результатами предшественников. И, на-

конец, он интерпретирует свои выводы в терминах теоретической гипотезы.

Далее мы бы хотели остановиться на трансформации этой схемы в зависимости от выбранной стратегии экспериментального исследования.

Рассмотрим наиболее типичные [4].

Констатирующая стратегия

Цель - констатация причинно-следственной связи между зависимой переменной (ЗП) и независимой переменной (НЗП).

1. Теоретический анализ.
2. Определение структурных элементов.
3. Выбор экспериментального плана.
4. Проведение эксперимента.
5. Качественный и количественный анализ.
6. Проверка статистической значимости.
7. Интерпретация результатов.

Формирующая стратегия

Цель - изучение и формирование одного явления вследствие влияния другого (формирование ЗП вследствие изменения НЗП).

1. Теоретический анализ.
2. Определение структурных элементов.
3. Выбор экспериментального плана.
4. Констатирующий диагностический срез.
5. Проведение эксперимента.
6. Контрольный диагностический срез.
7. Качественный и количественный анализ.
8. Проверка статистической значимости.

9. Интерпретация результатов.
10. Сравнение результатов до и после эксперимента.

Стратегия сопоставления

Цель - сравнение влияния одного явления на другое в группах с различными характеристиками (сравнение влияния НЗП на ЗП в группах с различными характеристиками).

1. Теоретический анализ.
2. Определение структурных элементов.
3. Выбор экспериментального плана
4. Проведение эксперимента.
5. Качественный и количественный анализ.
6. Проверка статистической значимости.
7. Интерпретация результатов.
8. Сопоставление и сравнение результатов с различными характеристиками.

Корреляционная или структурная стратегия

Цель - проведение корреляционного исследования, направленного на выявление взаимосвязи между переменными (обычно независимыми) или выявление структуры исследуемого явления.

1. Теоретический анализ.
2. Определение структурных элементов.
3. Выбор экспериментального плана
4. Проведение эксперимента.
5. Качественный и количественный анализ.
6. Построение корреляционной или факторной структуры исследуемого явления.
7. Выбор наиболее оптимальной

структуры с точки зрения статистических критериев.

8. Интерпретация результатов.

Анализируя приведенные описания стратегий эмпирических исследований, можно выделить инвариантные этапы и основные отличия. Основные различия - в выборе экспериментального плана, а также методов анализа данных. Подробное описание экспериментальных планов приводится в [11].

В данной статье мы остановимся далее на выборе методов анализа данных.

Первое, на что необходимо обратить внимание - это цель и гипотеза исследования, которые в свою очередь определяют выбор экспериментального плана. Если мы проанализируем все экспериментальные планы, которые ввел Кэмпбелл, то можно выделить следующие типы анализа данных эмпирических исследований [12]:

1. выявление различий выраженности признака в различных группах (двух и более).
2. Выявление различий в признаках в одной и той же группе результате воздействия.
3. Выявление степени взаимосвязи между признаками.
4. Поиск латентных факторов.

Второе, что необходимо учитывать - это тип данных, которые мы получаем в результате эмпирических исследований.

В основе применения математических методов в любой науке лежит измерение. Объектами измерения являются свойства изучаемых эмпирических объектов. Для психологии - это свой-

ства системы психики или ее подсистем, таких как восприятие, память, направленность личности, способности и т. д.

Измерение свойств объектов это приписывание объектам числовых значений, отражающих меру наличия свойства у данного объекта.

Ввиду чрезвычайной сложности и многомерности объектов измерения в психологии процедуры результаты измерения свойств психологических объектов обладают рядом особенностей, делающих их подчас много сложнее измерений в других науках, например, в физике.

Отметим три важнейших свойства психологических измерений.

Во-первых, это существование целого семейства шкал, допускающих различные группы преобразований. Во-вторых, - наличие сильного влияния процедуры измерения на значение измеряемой величины. В-третьих, - многомерность измеряемых психологических величин, то есть существенная их зависимость от большого числа параметров.

Измерение включает в себя:

- объект измерения, некая физическая система;
- свойства этой системы, которые поддаются наблюдению и сравнению;
- инструмент, посредством которого проводится операция измерения.

Результатом операции измерения является метрическое число, объединяющее в себе эти три элемента. Часто выделяют две компоненты: измерительное устройство и собственно измерение.

Под измерением обычно понимают присвоение числовых выражений объекту измерения или свойству.

Общая концепция измерения существенно использует понятие реляцион-

ной системы (системы с отношениями), введенной А. Тарским.

Определим числовую реляционную систему как $N = \langle N, R_N \rangle$, где N - множество числовых объектов, R_N - множество отношений, заданных на N .

Эмпирической реляционной системой назовем $E = \langle E, R_E \rangle$, где

E - множество числовых объектов, R_E - множество отношений, заданных на E . Тогда измерением назовем $m = \langle E, N \rangle$.

Тип шкалы определяется природой измеряемой величины.

Общая концепция измерения впервые была в достаточно развитом виде сформулирована Д. Скоттом и П. Саппесом.

Дальнейшее развитие общая концепция измерения получила в работах П. Саппеса и Дж. Зиннеса, Д. Люса и Е. Галантера и др. В последнее время общая теория измерений интенсивно развивается И.Пфанцаглем, а также Д. Люсом и Л. Неренсом [1, 12].

В психологических измерениях используются различные классификации типов шкал. Обычно выделяют два типа шкал: концептуальные и материальные. Концептуальная шкала - шкала, которая характеризуется определенным упорядочением числовых значений (ценой деления шкалы). Например, шкала измерения времени, измерения каких либо психических, свойств, черт личности.

Материальная шкала определяется упорядоченным множеством знаков-отметок на измерительном приборе. Например, шкала конкретного циферблата, шкала измерения конкретной методики.

Классификации шкал ведут происхождение от системы Стивенса, который пытался основать свою систему шкаль-

ных типов на понятиях эмпирической операции и математической структуры. Стивенс различает четыре вида шкал: наименований, порядка, интервалов и отношений.

Типы шкал обуславливаются видом функции f , осуществляющей допустимые преобразования $Y = f(j)$. Если f - монотонная функция, то соответствующая шкала является шкалой порядка; если f - линейная функция, то соответствующая шкала является шкалой интервалов; если f определяет преобразование подобия, то соответствующая шкала является шкалой отношений.

Таким образом, **шкалой наименований** называется шкала, основанная на любом приписывании чисел, играющих роль простых имен, классов. Основная эмпирическая операция, допустимая в этой шкале - «операция равенства». Математическая структура этого типа шкалы определяется группой подстановок, то есть $f(x)$ - взаимнооднозначные подстановки. Примеры измерения в этой шкале: номера групп в институте, типы интеллекта (математический, пространственный, вербальный) регионы, типы личности и др.

Частным случаем этой шкалы является **дихотомическая шкала наименований**. Измерение в этой шкалы означает приписывание 1, если объект принадлежит классу и 0, если нет. Примерами этой шкалы является измерение пола, учится-не учится, ответы на вопросы типа «да-нет».

Шкала порядка (ординальная шкала) - предполагает упорядочение объектов относительно какого либо свойства. Определяется двумя эмпирическими операциями: «установление равенства» и «установление $<$, $>$ ». Матема-

тическая структура характеризуется изотонической (сохраняющей порядок) группой подстановок. $f(x)$ - монотонно возрастающая функция. Форма шкалы остается инвариантной относительно любого монотонного преобразования. Измерение в этой шкале означает упорядочение объектов по степени выраженности свойства. Примерами измерения в шкале порядка является данные, полученные с использованием теста Люшера, ценностных ориентаций Рокича, оценочные шкалы и др.

Шкала интервалов - требует установления единицы измерения и какого-либо начала. Допускается все арифметические операции. Основная эмпирическая операция «операция равенства или различия интервалов». Равенство промежутков между шкальными значениями выражает равенство интервалов между двумя эмпирическими объектами, т.е. равным разностям свойства соответствуют равные разности числовых значений. Математическая структура - это линейная функция $y = af(x) + b$. Инвариантна относительно любого линейного преобразования, не изменяющего ее ориентацию. Примеры: большинство методик на измерение уровня интеллекта - личностные методики (опросники).

Шкала отношений - шкала, которая отличается от шкалы интервалов наличием естественного нуля (т.е. $b=0$). Эмпирическая операция, допустимая для этого типа шкалы, - «операция равенства отношений». Все арифметические операции допустимы. Математическая структура - группа подобия. При смене начала координат (абсолютного нуля) преобразуется в шкалу интервалов. Данные психологических исследований редко отвечают измерению в этой шкале.

Примеры - исследования слуховых и зрительных порогов восприятия, некоторые психофизиологические показатели и др. [1, 2, 12].

К. Кумбс расширяет классификацию Стивенса введением частично упорядоченных шкал и сложных (комбинированных из двух частей: объекты и расстояния) шкал. Он различает три основных типа неметрических шкал и девять типов сложных шкал. Однако, если рассматривать лишь сами объекты, то комбинированные шкалы тождественны номинальным.

Классификация Торнгенсона как и классификация Кумбса опирается на предположение, что шкальные типы следует трактовать как формальные, математические модели. Его классификация включает следующие типы шкал: порядковые без начала отсчета и порядковые с началом отсчета, интервальные без начала отсчета и интервальные без начала отсчета.

П. Суппес и Дж. Зинес переосмыслили теорию классификации Стивенса в терминах классов числового приписывания: для дифференциации шкал существенны лишь свойства числовых приписывание с точки зрения допустимых преобразований, а не эмпирические операции. К. Берка (1987) считает, что достаточно различать метрические и неметрические типы шкал, которые также представляют два эмпирико - математических метода шкалирования и измерения. Таким образом, интервальную шкалу можно трактовать как специфический вариант шкалы порядковая, то есть как шкалы неметрического типа.

В работах американских авторов 90-х годов (журналы математической

психологии) множество работ по приращению теории измерений к разработке шкал для ранжирования и выбора альтернатив (Малакоти, 1991), для измерения нетранзитивного аддитивного объединения (Фишберн, 1991), для экспериментов попарного сравнения по шкалам отношений (Байсек). Полемика вокруг основ измерений не прекращается.

Анализ существующих методов прямых оценок различия показал, что шкалы, с которыми работает испытуемый не вполне соответствуют природе психологического механизма, лежащего в основе оценивания.

Для того, чтобы в психологическом эксперименте дать возможность естественного способа описания различий, был предложен подход, который представляет собой развитие подхода, предложенного Заде (1974). Основное в этом подходе это то, что в нем используются так называемые лингвистические переменные, вместо числовых переменных или в дополнение к ним; отношения между переменными описываются с помощью нечетких (размытых) высказываний; сложные отношения описываются нечеткими алгоритмами.

Таким образом, выбранные методики определяют тип концептуальной шкалы анализируемых данных, а это в свою очередь, влияет на выбор метода анализа.

Вернемся теперь к четырем основным типам анализа данных, обозначенных ранее.

1. Первый тип - выявление различий выраженности признака в различных группах (двух и более). Эта задача возникает при использовании доэкспериментального, квазиэксперимен-

тальных и истинно экспериментальных планов, когда необходимо выявить различие выраженности признака в экспериментальной и контрольной группах.

1.1. Если мы имеем данные в шкале интервалов или шкале отношений, и их распределение не значительно отличается от нормального, то для выявления различий в выраженности одного и того же признака в двух различных группах можно использовать параметрические критерии сравнения средних и дисперсий признака в двух группах (случай независимых совокупностей).

1.2. Если при выполнении приведенных условий, у нас три и более групп, то необходимо применять однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

Если же распределение признака хотя в одной группе отличается от нормального, или признак измерен в шкале порядка, то для решения этой задачи используются критерии непараметрической статистики: Манна-Уитни, Розенбаума и т. д. При наличии трех и более групп используется непараметрический аналог ANOVA метод Крускала-Уоллиса.

2. Второй тип - выявление различий в признаках в одной и той же группе результате воздействия или при лонгитюдных исследованиях.

2.1. В данном случае при выполнении условий пункта 1.1. используются также параметрические критерии сравнения средних и дисперсий, но уже для случая зависимых совокупностей.

2.2. Если решается задача сравнения трех и более групп - то применяются критерии знаков, Вилкоксона и др.

3. Третья задача - это выявление степени взаимосвязи между признаками.

Это задача корреляционного анализа. Она может решать как с помощью

анализа матриц попарных корреляций, так с помощью множественной корреляционной взаимосвязи.

Необходимо корректно выбрать тип корреляционной взаимосвязи, а также оценить значимость полученной взаимосвязи.

3.1. Если обе переменные измерены в шкалах отношений или интервалов, то в качестве меры степени взаимосвязи используется коэффициент корреляции Пирсона.

3.2. Если обе переменные измеряются в дихотомических шкалах наименований, то мера связи - коэффициент «фи», j (коэффициент Гилфорда).

3.3. Если обе переменные измеряются в шкалах порядка, то мера взаимосвязи - коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Исходные данные могут быть преобразованы в ранги или просто быть рангами.

Все коэффициенты корреляции, описанные ранее, допускают так или иначе разумное объяснение в терминах произведения моментов. Некоторые из них просто вытекают из формулы произведения моментов Пирсона, примененной к дихотомическим или порядковым данным, другие аппроксимируются к корр. Пирсона.

Английский статистик М. Кендалл (1955) предпринял попытку истолковать процесс измерения связей между переменными, не прибегая к принципу произведения моментов. Его усилия привели в конечном счете к возникновению нескольких, в сущности, новых подходов к статистическому описанию.

Кендалл построил свой коэффициент корреляции на числе пар рангов, которые упорядочиваются в одинаковом направлении по обоим переменным. Та-

ким образом, его мера, называемая «тау» и обозначаемая t , представляет собой просто число несовпадений в ранжировках по двум переменным.

3.4. Если одна переменная измеряется дихотомически (в предположении нормального распределения), а другая - в шкале интервалов или отношений, то в качестве меры взаимосвязи используется точечный бисериальный коэффициент корреляции.

3.5. Если одна переменная измеряется дихотомически (в предположении нормального распределения), а другая - в шкале порядка, то в качестве меры взаимосвязи используется точечный бисериальный коэффициент корреляции.

3.6. Случай, когда одна переменная измерена в шкале порядка или отношений, а другая - в шкале порядка, решается путем преобразования первой в ранговую шкалу, и далее использования пункта 3.2.

Возможно, что с помощью корреляционного анализа не удалось выявить значимую взаимосвязь, а на диаграмме рассеяния явно прослеживается функциональная зависимость (нелинейная). В этом случае возможно использовать регрессионный анализ, с помощью которого можно выявить и нелинейную взаимосвязь (коэффициент детерминации).

Математически, решение сводится к получению функции регрессии. Явления, которые исследуются, должны быть количественно варьирующими величинами. Тогда их можно считать переменными в статистическом смысле.

Прежде чем применять математику - статистический аппарат, явление

должно быть проинтерпретировано с содержательной точки зрения. На основе логического анализа исследователь решает, какую из переменных рассматривать как зависимую (следствие), или переменную, подлежащую объяснению с помощью функции регрессии, и какие переменные в ходе анализа считать объясняющими (причины), независимыми, или предсказываемыми. Причины и следствие должны быть объяснены психологической теорией.

4. Задача выявления структуры - или поиска латентных факторов. Эта задача решается с помощью методов с латентными переменными, а конкретно, с помощью методов факторного анализа.

Цель создания моделей с латентными переменными состоит в объяснении наблюдаемых переменных и взаимосвязей между ними с помощью латентных переменных. При заданном значении наблюдаемых переменных требуется сконструировать множество латентных переменных и подходящую функцию, которая достаточно хорошо аппроксимировала бы наблюдаемые переменные. В факторном анализе основной акцент делается на моделировании значений наблюдаемых переменных, их корреляций, ковариаций. Разработано множество моделей поикового (эксплораторного) факторного анализа (ФА). Выбор адекватного метода и способа поворота требует определенных знаний и навыков работы. Помимо эксплораторного ФА используется конфирматорный (подтверждающего) КФА, или метод структурных уравнений. Основной принцип КФА - в качестве гипотезы формируется струк-

тура ожидаемой матрицы факторных нагрузок (весов), которая затем накладывается на заданную корреляционную матрицу. Гипотеза подвергается статистической проверке и постепенно исследователь приходит к соответствующей экспериментальным данным матрице нагрузок не прибегая к вращению факторов. Однако гипотеза должна основываться на серьезном анализе природы исследуемых переменных и лежащих в их основе факторов. Часто для этого проводится предварительно эксплораторный ФА. В качестве математического аппарата в данной модели используется моделирование с помощью линейных структурных уравнений.

Использование метода структурных уравнений необходимо при выборе факторного анализа в качестве метода анализа данных эмпирических исследований.

Таким образом, в данной статье мы попытались продемонстрировать важность корректного использования методов анализа данных в тех или иных стратегиях эмпирических исследований. При этом мы не ставили задачи полного описания этих методов. В случае неадекватного использования или вообще игнорирования методов анализа данных, исследователь не защищен от совершения ошибок, которые могут привести к неверным выводам.

Типичные ошибки, которые возможны на любых этапах эмпирических исследований:

- несоответствие гипотез цели исследования;
- несоответствие гипотез методам статистической обработки;

- нефальсифицируемость гипотез, которая может привести к невозможности какого-либо доказательства вообще;

- неадекватный выбор методик;
- несоответствие типа данных методам анализа;
- нерепрезентативная выборка, отсутствие контрольной выборки;
- случайный выбор методов анализа данных, который не соответствует выбранной стратегии исследования (зачастую авторы проводят все, что можно, не задумываясь о том, зачем необходим тот или иной метод).

ЛИТЕРАТУРА

1. Берка К. Измерения: понятия, теории, проблемы. М.: Прогресс, 1987.
2. Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. - М.: Прогресс, 1976.
3. Головина Г.М., Крылов В.Ю., Савченко Т.Н. Математические методы в современной психологии: статус, разработка, применение. М.: Ин-т психологии РАН, 1995.
4. Горбунова В.В. Экспериментальная психология в схемах и таблицах, Ростов, «Феникс», 2005
5. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. М.: МГУ, 1982.
6. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учебная психология. М., 1997.
7. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов, М.: Флинта, 2002.
8. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.
9. Многомерный статистический анализ в экономике. М.: Юнити, 1999.
10. Носс И.Н. Психодиагностика. Тест. Психометрика. Эксперимент., М., : КСП+, 1999.
11. Плюта В. Сравнительный многомерный анализ моделирования. Психологические измерения. М.: Мир., 1967.
12. Психология XXI века: Учебник для вузов. Под ред. В.Н. Дружинина, М.: «Пер Сэ, 2003.
13. Синергетический подход к моделированию психологических систем. Под ред. Т.Н. Савченко, М.: ИПРАН, 1998.
14. Сидоренко Е.И. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2001.
15. Солсо Р., Джонсон Х., Билл К. Экспериментальная психология. Практический курс, М., 2002.

«Контракт» в практике работы пенитенциарных психологов

С.Д. Хачатурян

Федеральный закон РФ от 8 декабря 2003 года № 161 с учетом рекомендаций Совета Европы обозначил право осужденных на психологическую помощь, «оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи» (УИК РФ, ст. 12 ч. 6.1).

Определения психологической помощи охватывают стержневые установки помогающего специалиста в отношении человека вообще и клиента в частности. Помогаящий специалист принимает клиента как уникального, автономного индивида, за которым признается и уважается право свободного выбора, самоопределения, право жить собственной жизнью.

Закон действует уже 3 года, и, с нашей точки зрения, чрезвычайно важно проанализировать некоторые аспекты сложившейся практики. Реформа уголовно-исполнительной системы предполагает гуманизацию отношений в системе сотрудник - осужденный, требует изменения основных установок, стереотипов отношений.

Представляется целесообразным выделить основные стратегии психологической помощи¹:

- **Психотерапия** - исследование и реконструкция клиентом своей личности.

- **Психологическое консультирование.** Помощь клиенту в исследовании его проблемы, прояснении конфликтующих позиций; поиск новых, альтер-

нативных способов совладания с ситуацией — «помощь людям в их помощи самим себе».

- **Системные изменения.** Оказание направленных воздействий с целью улучшения той системы, которая явилась причиной возникновения трудности. Это скорее работа по организационному развитию, чем работа с отдельными людьми. Она предполагает рассматривание ситуации в целом.

- **Обучение.** Помощь в приобретении необходимых в конкретной ситуации умений, навыков, которые могут развить умение клиента справляться с ней и функционировать более эффективно и плодотворно.

- **Прямое действие.** Осуществление конкретных направленных на пользу клиента действий либо обеспечение острых потребностей нуждающегося в помощи. Примером этой стратегии в рамках психологической помощи может быть вмешательство в кризисные ситуации, когда имеет место самодеструктивное поведение, злоупотребление беззащитным человеком — иными словами, существует реальная угроза физическому и/или психическому здоровью людей.

- **Информирование.** Предоставление клиенту определенной информации, в которой он в данный момент нуждается. Недостаток информации может ослаблять возможности клиента самому справиться с ситуацией; предоставление ее может быть необыкновенно эффективной стратегией помощи.

- **Совет.** Высказывание клиенту собственного мнения, основанного на своем видении ситуации, в которой он находится.

Выделяются различные виды оказания психологической помощи в соответствии с различными принципами классификации (например, индивидуальная и групповая). Выделяют и типы оказания помощи: например развивающее консультирование в противоположность консультированию в ситуации кризиса, переживаемого клиентом. Состояние психологического кризиса может сопровождать такие жизненные ситуации, как, например, утрата близкого человека, значительные изменения жизненных обстоятельств, смена социальной роли и т. п.

Таким образом, процесс оказания помощи (психологического консультирования, психокоррекции, психотерапии) может быть описан с разных точек зрения.

Представляется важным в рамках данной статьи остановиться на явлении, которое в психологической практике получило название «контракт» между клиентом и психологом (в нашем случае осужденным и психологом). «Контракт» - это специфическое описание целей, обязательств и условий взаимодействия психолога и осужденного.

Выделение типов «контрактов», с нашей точки зрения, имеет большое практическое значение. Оно позволит более целесообразно действовать психологу, лучше понимать, что и как делается, не брать на себя повышенные обязательства, когда это не предусматривается системой отношений, и не приуменьшать свою ответственность, когда она запрашивается. Кроме того,

различные приемы и технические решения, которые сегодня применяются в практике психологических служб, могут быть осмыслены с точки зрения их возможных результатов.

М.А. Гулина говорит об отношениях психолог - клиент как об «определенных принятых на себя психотерапевтом, консультантом, с одной стороны, и пациентом(клиентом), с другой стороны, обязательствах, целью которых является осуществление и дальнейшее развитие терапевтического процесса»². В принципе это ответ на вопрос, чего хочет клиент и может ли (или хочет ли) это обеспечить психолог.

Мы выделяем пять категорий или типов «контракт»ов, которые гласно или негласно могут существовать между консультантом и клиентом и которые определяют и обязательства сторон, и в большей степени цель взаимодействия психолога и клиента:

1. «контракт», направленный на получение клиентом оправдания своим действиям, образу жизни, мыслям, переживаниям и т.п. («оправдание»),

2. «контракт», направленный на отреагирования клиентом своих эмоциональных состояний, снижение напряжения («отреагирования», «слив»),

3. «контракт», направленный на оказание психологической поддержки клиента или получение поддержки клиентом со стороны консультанта («поддержка»),

4. «контракт», направленный на повышение адаптационных способностей клиентов, на адаптацию клиента к определенной жизненной ситуации, обстоятельствам, переживаниям и т.п. («адаптация»),

5. «контракт», направленный на изменение клиента.

Разберем предложенные нами типы «контрактов» более подробно, применительно к пенитенциарной практике.

«контракт» на «**оправдание**» не предусматривает никаких изменений осужденного или ситуации. Осужденный обычно приходит с просьбой: «Правильно ли я поступаю, понимаю, делаю, думаю и т.п.?» Цель обращения - снизить уровень своей тревоги в каких-то отношениях или ситуациях, переложив ответственность на другого человека, который также в ситуации присутствует, или на ситуацию в целом. В начале обращения большинство осужденных, так или иначе хотели бы оправдать себя.

Необходимо иметь в виду, что в данном случае, если психолог-консультант «подпишет» этот «контракт», на него как на авторитетную сторону будут ссылаться в спорных ситуациях: «А психолог сказал, что я прав (или ты не прав)!»

Частной стратегией «контракта» на «оправдание» является и выгораживание других людей, например, вопросы типа: «А почему он так поступает?». Осужденный часто запрашивает информацию обобщенного плана: «А не могли бы Вы рассказать о ...?». Полученная информация при этом отбирается под задачу осужденного что-то или кого-то оправдать.

«Контракт» на «**отреагирование**» предполагает работу с состоянием человека. Метафорически задача заключается в том, чтобы обеспечить «слив», «выпустить пар из котла». Осужденный в данном случае наклонен обсуждать свои проблемы, подробно отвечать на вопросы психолога. Его просьба заключается в том, чтобы что-то психолог сделал, а он после этого чувствовал

себя хорошо. Изменения не предполагаются. Почти классическими здесь являются техники «покричать на кого-то на «пустом» стуле», побить палкой по подушке, представляя кого-то. По факту психолог провоцирует поиск, идентификацию и разрядку какого-то чувства, эмоционального состояния. После отреагирования степень напряжения у осужденного резко падает. Собственно это и является целью его прихода к психологу, если ничего другого он не заявляет. Поэтому очень удачной метафорой в данном случае является слово «слив». «Слился», успокоился и пошел дальше.

Частной стратегией «слива» является «выговаривание» осужденного. «Ну вот, поговорил с Вами, и легче стало!» Примером могут служить забегающие в кабинет к психологу сотрудники, которые жалуются на других сотрудников, начальников, осужденных, не требуют ничего от психолога, кроме выслушивания. Уходят же удовлетворенные.

Обратной стороной ситуации являются эмоциональные состояния самого психолога. Часто после таких посещений он чувствует, что «им просто пользовались», «слились» на него. В работе с супервизором или в разговорах с коллегами они проговаривают тему необходимости «восстановления» после работы с клиентами.

«Контракт», направленный на оказание психологической **поддержки** осужденному или получение поддержки осужденным со стороны психолога («поддержка»), является основным типом «контракта» при работе с кризисными состояниями осужденных, например при переживании утраты, горя и т.п. В поддерживающих «контрактах»

задача по изменениям не ставится. Психолог предполагает, что ресурсность осужденного временно снижена переживаниями, он нуждается в том, чтобы на кого-то опереться, почувствовать почву под ногами, начать постепенно восстанавливаться. В подобных «контрактах» не приветствуется «отреагирование», а больше провоцируется и приветствуется «проживание» чувств. Много обращений осужденных к психологу связано с желанием «почувствовать себя человеком», как-то вернуть высокую самооценку, самоуважение. В подобных «контрактах» часто сам факт возможности обращения к психологу, его готовности разговаривать с осужденным, «тратить время» уже является поддерживающим. Психологи часто проговаривают непонимание запроса осужденного в данном случае. Он ходит, говорит, что психолог ему очень помогает, при этом ничего не требует от психолога.

Данный тип «контракта» не предполагает изменений осужденного. Более того, он по факту сохраняет осужденного, поддерживая его в ситуации. Понимание того, что ты подписываешься на «контракт» на «поддержку», с нашей точки зрения, многое прояснит для психологов-консультантов, снимает напряжение непонимания того, что именно получает от него осужденный.

«Контракт» на «адаптацию» является основным типом «контракта», который определяет поле «психологического консультирования» и «психологической коррекции». Он направлен на повышение адаптационных способностей осужденных, на адаптацию осужденного к определенной жизненной ситуации, обстоятельствам, переживаниям. Чаще всего в пенитенциарной практике речь

идет об адаптации к условиям исправительного учреждения и о подготовке к освобождению. Осужденный готов обсудить свою ситуацию, формулировать и разбирать проблему, определять поле собственной ответственности. Основным запросом является: «Что можно сделать для ... ?» или «Как поступить, вести себя и т.п.?». Данный «контракт» часто включает в себя не только понимание и осознание осужденным своей ситуации, своей роли, возможных путей изменения ситуации, но и часто обучение осужденного каким-либо умениям.

Цель консультирования в данном случае — «помочь клиентам понять происходящее в их жизненном пространстве и осмысленно достичь поставленной цели на основе осознанного выбора при разрешении проблем эмоционального и межличностного характера»³.

Особенностью «контракта» на «адаптацию» является то, что осужденный приобретает что-то новое (способности, знания, понимание), стремится изменить ситуацию, но не себя. При принятии ответственности на себя в данной проблемной ситуации осужденный не ставит перед собой задачи изменений.

И только «контракт» на «изменения» реально предполагает, что осужденный, принимая ответственность на себя, вступает на путь изучения себя, изменения себя. Это уже поле того, что традиционно называется психотерапией. Данный тип «контракта» предполагает «долговременный процесс, занимающийся реконструкцией личности, характеризующийся большими переменами в структуре личности»⁴.

Данный «контракт» предполагает создание особых отношений помогающего и того, кому помощь оказывается. Этот

«оптимальный набор условий, способствующих изменению» включает в себя полное принятие клиента.⁵ Столь же важное значение придается способности помогающего понимать внутренний мир человека через вчувствование. И, конечно, помогающий не мог бы эффективно помогать людям, если бы он закрывался от них, не был искренен. Открытость и подлинность события с клиентом - часть помогающего процесса.

По мнению М.М. Певзнера, «контракт» в данном случае можно описать как состояние, когда «есть разделяемое (и консультантом, и клиентом) представление о психологической проблеме клиента, определена цель дальнейшего взаимодействия, прояснены вопросы о том, какова роль каждого из участников, сформулированы условия взаимодействия»⁶. По его мнению, в данном случае - это не только результат, но процесс, который можно представить в следующей схеме.

В практике консультирования очень важно понимание «контракта» как процесса взаимодействия, потому что это процедура постоянного прояснения запроса и определения ответственности.

Если психолог внимателен к тому, как ведет себя осужденный, он достаточно быстро может определиться с тем, какой тип «контракта» предлагается осужденным. В некоторых случаях мы считаем целесообразным проговорить с осужденным варианты возможных отношений между ним и психологом, не обязательно называя типы «контрактов», но проговаривая условия, ответственность сторон и возможные последствия каждого «контракта».

Косвенно о типе «контракта» можно судить, анализируя первичный запрос клиентов (осужденных и сотрудников). Для выяснения в целом отношения

Схема 1

Процесс формирования контракта

осужденных и сотрудников к психологической помощи, выявления их запросов нами было проведено небольшое исследование в учреждениях УФСИН России по Владимирской области (ФГУ ИК-5, ФГУ Т-2). Было опрошено 24 осужденных и 21 сотрудник⁷.

По результатам нашего исследования можно судить об ожиданиях осужденных от консультирования и представлениях сотрудников (не психологов) о психологической помощи. Результаты систематизированы нами в виде таблицы.

Таблица 1

Сравнение содержания психологической помощи в определениях осужденных и сотрудников (не психологов).

Содержание психологической помощи	Тип «контракта»	Осужденные	Сотрудники
Коррекция психических состояний	«Отреагирование»	46 %	47 %
«Остаться человеком»	«Поддержка»	25 %	—
Моральная поддержка	«Поддержка»	17 %	23 %
Решение проблем	«Адаптация»	8 %	14 %
Разобраться в себе	«Изменения»	13 %	—
Неопределенный ответ	—	—	14 %

Как мы видим, абсолютное большинство запросов связано с «отреагированием» и поддержкой. И в этом сходятся представления как осужденных, так и сотрудников. Только 8 % осужденных (14 % сотрудников) готовы «подписать адаптационный «контракт» и 13 % осужденных (0 % сотрудников) готовы к изменениям.

В целом полученные нами данные более и менее точно отражают реальное положение дел, если судить по оценкам деятельности пенитенциарных психологов в области консультирования и психологической коррекции.

В области использования психокоррекционных технологий, проведения психокоррекционных программ можно говорить о четырех типах «контрактов» между психологом и осужденными, предполагая, что «контракт» на «оправдание» в психокоррекционных программах не подписывается.

Первый «контракт» - **подготовка осужденных к изменению**. Речь фак-

тически идет о серьезных и длительных психотерапевтических программах, направленных на личностные изменения осужденного. С нашей точки зрения, наиболее удобной для понимания психологических процессов данных программ может быть измененная нами модель «логических уровней», предложенная Робертом Дилтсом⁸. А критериями эффективности психокоррекционной программы с осужденными при данном подходе будут: предполагает ли программа проработку всех уровней личности; является ли проработанным уровень «миссии» или «миссий», т.е. насколько хорошо осужденный представляет краткосрочные и долгосрочные последствия тех или иных своих действий, является ли его образ себя в будущем позитивным, социально одобряемым; осознана ли осужденным настоящая Я-идентификация себя как преступника, происходит ли трансформация образа Я в ходе программы в сторону, более адаптивную в социуме;

на уровне убеждений и ценностей произошло ли принятие ответственности за совершенное преступление, принимает ли осужденный ценности взаимоотношений, социальных норм и правил; развиваются ли необходимые социальные способности; демонстрирует ли осужденный новое поведение в коммуникативной сфере, в реагировании на ситуацию; проработан ли внутренний план действий (умения самоконтроля эмоций, мыслей и поведения); происходит ли отказ осужденного от «старого» окружения, связанного с неэффективным или криминальным поведением.

И в данном случае под психокоррекционной работой мы понимаем «воздействие на личность осужденного (ценностные ориентации, социальные представления, личностные качества, психическое состояние) с целью ее исправления посредством использования психологических методов, специальных программ и психотехнологий»⁹.

Всем предложенным выше требованиям соответствуют когнитивно-поведенческие программы психокоррекционной работы с осужденными¹⁰. Подобные программы разработаны и адаптированы в пенитенциарной практике России для работы с сексуальными преступниками, для работы с насильственными преступниками, а также для работы с осужденными, имеющими различные виды зависимости¹¹. Безусловно, данным требованиям соответствуют программы, выстроенные в рамках гештальттерапии, психоанализа.

Мы выделяем два типа подобных программ в практике пенитенциарной системы России: первый - типовые программы, построенные под опреде-

ленную задачу, определенный тип осужденных (более свойственно для когнитивно-поведенческих программ); второй - терапевтические группы (более свойственно для гештальттерапии и группового психоанализа). Первый тип программ представлен более широко и имеет преимущества в том, что материал подробно описан и может быть использован широким кругом пенитенциарных психологов, в том числе не имеющих углубленной подготовки в той или иной области психотерапии.

Второй тип «контракт»а - «контракт», направленный на **повышение адапционных способностей осужденных**. Речь идет о хорошо структурированных, разных по продолжительности тренинговых программах, которые ориентированы на развитие способностей осужденных. Примером таких программ для осужденных являются программы по работе с ВИЧ-инфицированными осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми¹². К подобного рода программам нами относятся программы профилактики конфликтного поведения¹³, психокоррекционной работы с активом по повышению их коммуникативных умений во взаимодействии с другими осужденными.

При решении задач адаптации в практике психологов часто используются методы и техники нейролингвистического программирования (НЛП). К данной категории программ (адаптация) нами также относятся программы по подготовке осужденных к освобождению. Данные программы весьма разнообразны и в целом ориентированы на развитие умения поддерживать контакт с работодателем, формулировать и достигать цели и т.п.

Третий «контракт» направлен на **психологическую поддержку осужденных**. В целом имеются в виду тренинги краткосрочные, основная «помогающая» нагрузка на которых падает на специфическое поддерживающее общение участников программ. Данные программы в силу ограниченности по времени не могут нести другую нагрузку, хотя при их подготовке являются иные задачи (развития умений или изменения убеждений и т.п.).

К ним мы в первую очередь относим тренинги, использующие отдельные техники и приемы рационально-эмоциональной терапии, НЛП и других направлений. В принципе, вся работа с группами риска (например, суицидального) или повышенного внимания построена по принципу поддержки осужденных. К этой же категории программ нами относятся краткосрочные тренинги по развитию навыков эффективного общения.

Четвертый тип «контракта» в психокоррекционных мероприятиях обозначается нами как **создание условий для отреагирования осужденными и сотрудниками своих эмоциональных состояний**. По нашим наблюдениям, это наиболее часто встречающиеся виды психокоррекционных программ. Безусловно, они так не заявляются авторами, но по факту такими и являются. С этой точки зрения они помогают осужденным в их адаптации к условиям исправительного учреждения.

Для этой цели психологами УИС активно и весьма успешно используются методы арттерапии. В исправительных учреждениях для нормализации психоэмоционального и психического состояния осужденных используются отдель-

ные процедуры, предусмотренные символдрамой. Наиболее распространены в УИС различные программы аутотренингов, релаксационные тренинги, которые проводятся в исправительных учреждениях, способствуют, с одной стороны, поддержке осужденных, с другой - помогают им нормализовать свое эмоциональное состояние. Для этих целей в большинстве пенитенциарных учреждений создаются комнаты психологической разгрузки.

Таким образом, мы выделяем четыре типа «контрактов» в рамках проведения психокоррекционных программ в пенитенциарных учреждениях: направленных на подготовку осужденных к изменению, на повышение адаптационных способностей осужденных, на психологическую поддержку осужденных, на создание условий для отреагирования осужденными и сотрудниками своих эмоциональных состояний.

И если первый тип программ ориентирован на изменения, на «исправление» осужденных, то остальные программы являются адаптационными, причем к условиям исправительного учреждения. Последние типы программ явно по времени и количеству преобладают в практике работы психологической службы. К их проведению психологи системы больше готовы и на них больше сориентированы в связи с имеющимися отчетными документами.

Понимание типа «контракта» (цели и характера взаимоотношений психологов и осужденных) позволяет более эффективно представителям всех «помогающих» служб исправительного учреждения откликаться на существующие в системе запросы.

Необходимо отметить, что подготов-

ка пенитенциарных психологов в данный момент больше ориентирована на адаптационные, поддерживающие «контракты», «контракты» на отреагирование. При этом уровень развития психологической службы УИС позволяет все больше и больше переходить к освоению программ первого типа «контракта» - «контракта» на «изменения», что согласуется с основной целью уголовно-исполнительной системы России - исправление осужденных.

Овладение современными психотерапевтическими программами, методами работы с осужденными с целью их исправления - это новый качественный этап, который потребует повышения профессионального мастерства психологов, создание организационной системы поддержки осужденных, вступивших на путь исправления, увеличения численности психологической и социальных служб, совместных действий многочисленных государственных, общественных, благотворительных и иных учреждений и организаций, призванных помогать изменениям, исправлению, ресоциализации осужденных.

¹ Гулина М.А. *Терапевтическая и консультативная психология*. СПб.: Издательство «Речь», 2001. С. 32-33.

² Там же С 139-140.

³ Меновщиков В.Ю. *Введение в психологическое консультирование*. М.: Смысл, 1998. С. 12.

⁴ Алан Е. Айви, Мэри Б. Айви, Линк Саймэн-Даунинг. *Психологическое консультирование и психотерапия. Методы, теории и техники: Практическое руководство*. М.: Психотерапевтический колледж, 1999. С. 26.

⁵ Роджерс К.Р. *Взгляд на психотерапию. Становление человека: Пер с англ./ Общ. Ред. и предисл. Исениной Е.И.* - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994, С. 178.

⁶ Певзнер М.М. *Процесс консультирования. // Мастерство психологического консультирования*. (Под ред. А.А. Баджена, А.М. Родиной). Санкт-Петербург: «Европейский Дом», 2002. С. 34.

⁷ *Краткая характеристика осужденных, принявших участие в опросе: ФГУ ИК-5 - 11 человек, ФГУ Т-2 - 13 человек; Возраст: до 30 лет - 17 человек, от 30 до 40 лет - 4 человека, старше 40 лет - 3 человека; Срок по приговору суда: до 5 лет - 15 человек, от 5 до 15 лет - 3 человека, больше 15 лет - 6 человек; Статья: 105 - 5 человек, 112 - 1 человек, 146 - 1 человек, 158 - 8 человек, 160 - 1 человек, 161 - 2 человека, 162 - 3 человека, 166 - 2 человека; Отбывают наказание: до 1 года - 9 человек, от года до 5 лет - 11 человек, свыше 5 лет - 4 человека; Образование: высшее - 1 человек, среднее специальное - 2 человека, среднее - 8 человек, неполное среднее - 8 человек, менее 9 классов - 5 человек; Семейное положение: женат - 4 человека, разведен - 1 человек, холост - 19 человек.*

Краткая характеристика сотрудников, принявших участие в опросе: ФГУ ИК-5 - 11 человек, ФГУ Т-2 - 10 человек; возраст: до 30 лет - 8 человек, от 30 до 40 лет - 9 человек, старше 40 - 4 человека; должность: начальник отряда - 10 человек, мастер - 2 человека, оперуполномоченный - 4 человека, другое - 5 человек; стаж службы: до 3 лет - 6 человек, от 3 до 5 лет - 4 человека, от 5 до 10 лет - 9 человек, больше 10 лет - 2 человека; образование: высшее - 13 человек, среднее специальное - 8 человек; семейное положение: женат - 12 человек, разведен - 1 человек, холост - 8 человек.

⁸ Дилтс Р. НЛП: навыки эффективного лидерства. - СПб.: Питер, 2002, С. 30-32.

⁹ Дебольский М.Г. Современное состояние и основные направления совершенствования психокоррекционной работы с осужденными // Психокоррекционные технологии в работе пенитенциарных психологов / Сборник материалов психологов уголовно-исполнительной системы. Часть 1 - М.: ОПС ГУИН Минюста России, НИИ УИС, МПЛ ГУИН Минюста России по Приморскому краю, 2005. - С. 10.

¹⁰ В.М. Морозов, О.Г. Ковалев, М.Г. Дебольский, А.М. Морозов, С.Д. Хачатурян *Психологическая служба в пенитенциарных учреждениях ФРГ: Учеб.-метод. пособие*. ВЮИ Минюста России. Владимир, 2001, с. 67-117.

¹¹ *Методическое руководство по работе с осужденными с проблемами химической зависимости и насилия / Под общ. ред. И.Г. Ванкона О.В. Зыкова*. - Иркутск: Изд-во «Облмашинформ», 2005. - 160 с.

¹² *Опыт работы психологической службы с ВИЧ-инфицированными осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми: Сб. ст.* - М.: ФСИН России, «Спид Фонд Восток-Запад», 2005. - 100 с.

¹³ Мокрецов А.И. *Программа тренинга сотрудников УИС по развитию навыков адаптивного поведения и разрешению конфликтов*. - М., 2004. - 64 с.

Психологическая служба ФСИН России на съезде РПО Информация о 4 съезде РПО

18 — 21 сентября в г. Ростове-на-Дону состоится 4 съезд Российского психологического общества, в работе которого в качестве коллективного члена примет участие психологическая служба ФСИН России.

На мероприятие приглашены представители высших образовательных учреждений и практические психологи — специалисты различных профилей.

Планируется работа ряда секций: «Пенитенциарная психология России: состояние и перспективы развития», «Психологические особенности личности осужденного к лишению свободы», «Психокоррекционная работа с осужденными различных категорий», «Психологические аспекты профес-

сиональной подготовки и деятельности сотрудников УИС» и других. В научно-методическом обеспечении секций примут участие ведущие ученые-пенитенциаристы.

Возглавит работу кворума начальник психологической службы ФСИН России заместитель начальника Управления по социальной, психологической и воспитательной работе с осужденными кандидат психологических наук, доцент полковник внутренней службы Дебольский Михаил Георгиевич.

В настоящее время подготовлена к опубликованию рукопись сборника научных материалов, планирующих к обсуждению участниками и гостями съезда.

Программа Школы молодых ученых г. Ростов на Дону

Организаторы:

Южно-Федеральный университет
Институт психологии РАН
Московский государственный лингвистический университет
Высшая школа психологии

21 сентября

14-00: Открытие Школы молодых ученых

15-00 — 16-20: Мастер класс

ФИЛЛИПОВА ГАЛИНА ГРИГОРЬЕВНА,

доктор психологических наук, профессор

«Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы»

16-30 — 18-00 **КРУГЛЫЙ СТОЛ:**

«Новые подходы к психологическому образованию»

Ведущие:

НЕЧАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,

Академик РАО, доктор психологических наук, профессор;

САВЧЕНКО ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА,

Ректор Высшей школы психологии, зав.лаб. математической психологии РАН, кандидат психологических наук

19-00—21-00 Мастер класс
БЛИННИКОВА ИРИНА ВЛАДИ-
МИРОВНА,

Кандидат психологических наук, доцент
«Использование техники МЕТА-
ПЛАНА для формирования разделен-
ной репрезентации» на примере про-
ведения игры «Будущее психологии в
России»

22 сентября

10-00 — 12-00 Мастер класс
СОЧИВКО ДМИТРИЙ ВЛАДИС-
ЛАВОВИЧ,

доктор психологических наук, про-
фессор

«Специфика оказания психологичес-
кой помощи в местах лишения свободы.
Работа психолога-практика с осужден-
ными за разные виды преступлений»

12-30 — 14-00 Открытая дискус-
сия «Психологическая наука и психоло-
гическая практика».

14-00 — 15-00 Обед

15-00 - 16-20 Открытая дискуссия
«Психологическая наука и психологи-
ческая практика»

16-30 — 18-00 Вечерняя лекция
УШАКОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРО-
ВИЧ,

Доктор психологических наук, про-
фессор

«Современные исследования ин-
теллекта»

18-00 — 19-00 Ужин

19-00 - 21-30 — Прощальный вечер.
Презентация результатов работы над про-
ектами. Награждение участников Моло-
дежной секции и Школы молодых ученых.

Психологи уголовно-исполнительной системы - успешные психологи

М.Г. Дебольский, М.П. Чернышкова

1-2 июня 2007 года в Санкт-
Петербурге произошло важное ме-
роприятие в области психологии -
состоялся саммит профессионалов
«Успешные психологи: обмен опытом»,
организованный группой компаний
«ИМАТОН». Он был направлен на де-
монстрацию достижений в сфере прак-
тической психологии, знакомство с но-
выми подходами и психотехнологиями.

В саммите приняли участие и пси-
хологи уголовно-исполнительной сис-
темы из Санкт-Петербурга, Челябинска,
Омска во главе с М.Г. Дебольским —
заместителем начальника Управления
социальной, психологической и воспи-
тательной работы с осужденными
начальником отдела психологической

службы ФСИН России. Участие позво-
лило определить перспективные на-
правления профессионального разви-
тия; познакомиться с лучшими образ-
цами психологического инструмента-
рия, программ повышения квалифика-
ции, литературы и профессиональных
периодических изданий; установить
широкие деловые и личные контакты.

Самым ярким событием саммита
была торжественная церемония подве-
дения итогов и награждения победите-
лей ежегодного Национального про-
фессионального психологического
конкурса «Золотая Психея» по итогам
2006 года. Конкурс назван так в честь
Психеи, изображающейся в греческой
мифологии в виде бабочки или девуш-

- Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98 -ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»;

- Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120 -ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;

- Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р). Стратегия государственной молодежной политики разработана на период до 2016 года и определяет совокупность приоритетных направлений, ориентированных на молодежь, включающих задачи, связанные с участием молодежи в реализации приоритетных национальных проектов.

- Постановление Правительства РФ от 24 июля 2000 г. № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях».

Одним из примеров регионального нормотворчества в сфере предупреждения негативных явлений в молодежной среде можно назвать Закон Рязанской области от 15 февраля 2006 г. № 10-ОЗ "Об утверждении областной целевой программы «Комплексная программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью в Рязанской области на 2006 - 2010 годы». Пункт 7.10 плана мероприятий данной программы предписывает проанализировать ситуацию в среде молодежных неформальных групп (скинхедов, футбольных фанатов и т.п.), на основе анализа осуществить комплекс мер по оперативному освещению и разобщению экстремистски настроенных группировок, недопущению их перерождения в организации националистической и фашистской направленности. Особое внимание в этой работе уделять получению информации о планирующихся противоправных акциях. В целях информационного обеспечения общей профилактики экстремизма осуществлять межведомственный обмен информацией и своевременное реагирование на поступающие сведения. Исполнителями выступают УВД по Рязанской области, УФСБ по Рязанской области, УФСКН по Рязанской области, Рязанский филиал Московского университета МВД России, Управление образования, УФСР по Рязанской области.

Общая характеристика состояния молодежной политики в России дана в ежегодном отчете Совета Федерации: «Сохраняющаяся в целом мозаичность в подходах к формированию законодательной базы, финансированию, созданию структур органов по работе с молодежью, определению их полномочий и функций, отсутствие четкой внутренней организации снижают эффективность государственной молодежной политики, лишают ее комплексности и системности.

Совокупность всех вышеперечисленных проблем объясняет низкую оценку эффективности молодежной политики и со стороны самой молодежи. Лишь 10-17% молодых людей считают, что государство проводит молодежную политику, а 55-69% считают, что этого не делается вообще.

Упорядочение и решение проблем в области государственной молодежной политики во многом зависят от проработанности ее законодательной базы¹³.

¹ Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социс. 1998. № 11. С. 95.

² Там же С. 96; С. 80.

³ См. Проблемы духовной безопасности общества и государства / программа курса и методические рекомендации / сост. С. Рыбаков. Рязань: РГУ им С.А. Есенина, 2006. С. 29.

⁴ См. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2002. С. 323.

⁵ Там же. С. 325.

⁶ Приказ Минобразования РФ от 28 февраля 2000 г. № 619.

О концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде».

⁷ См.: <http://www.echo.msk.ru/programs/barshevsky/49244/>

⁸ См.: Московское отделение религиозной организации «Церковь Сайентологии» и другие против России [Church of Scientology Moscow and others - Russia] (N 18147/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание № 11/2003.

⁹ См.: Behar R. Cover Story: The Thriving Cult of Greed and Power // Time. Monday, May. 06, 1991.

¹⁰ См.: <http://www.echo.msk.ru/programs/barshevsky/49244/>

¹¹ Лапина Е. Заложены основы кадровой работы с молодежью. Опыт региона // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2007. № 5.

¹² Там же.

¹³ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 16 марта 2007 г. N 92-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2006 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации».

НАШИ АВТОРЫ

1. **Антонян Ю.М.** - доктор психологических наук, профессор.
2. **Баламут А.Н.** - преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.
3. **Гаранжа С.А.** - слушатель 5 курса юридического факультета Академии ФСИН России.
4. **Горностаев С.В.** - доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент.
5. **Гришко А.Я.** - начальник Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор.
6. **Дебольский М.Г.** - Заместитель начальника управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент.
7. **Дмитриева Л.А.** - ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения деятельности УИС НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент.
8. **Кокурин А.В.** - и.о. заместителя начальника НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент.
9. **Красов Д.А.** - научный сотрудник НИИ ФСИН России.
10. **Мокрецов А.И.** - старший научный сотрудник НИИ ФСИН России.
11. **Молоствов А.В.** - преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России кандидат психологических наук.
12. **Папкин А.И.** - профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук.
13. **Поздняков В.М.** - доктор психологических наук, профессор.
14. **Савченко Т.Н.** - зав. лабораторией математической психологии ИПРАН РФ, кандидат психологических наук, доцент.
15. **Сочивко Д.В.** - профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук.
16. **Хачатурян С. Д.** - начальник кафедры пенитенциарной педагогики и психологии Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент.

В 2007 году вышел первый выпуск ежегодного сборника научных трудов «Психодинамические исследования» - Вып. 1. «Психодинамика личности в правовом поле уголовно-исполнительной системы».

В настоящее время готовится второй выпуск ежегодника. Приглашаем авторов принять участие в публикации статей по темам, отражающим направление «Психодинамические исследования в юридической психологии».

Требования к статье: объем - до .05 п.л., формат - Microsoft Word, шрифт - 14 Times New Roman, интервал - 1.5.

В статье необходимо указать: Ф.И.О., должность и место работы автора, ученое звание, ученую степень, а также контактный телефон и адрес электронной почты.

Статьи принимаются по электронной почте: gemo1@rambler.ru

Тел: 920-638-04-97. Ответственный редактор: Третьяков Артем Николаевич.